

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В.В. Дроздов

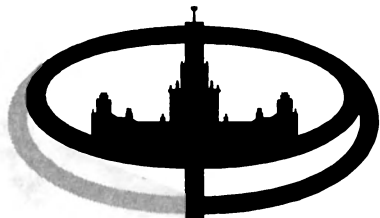
**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ
В СССР
(1953 — 1985)**

ВЗГЛЯДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Москва
ТЕИС
1998

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В.В. Дроздов

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ
В СССР
(1953 — 1985)**

ВЗГЛЯДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

**Москва
ТЕИС
1998**

**Рекомендовано к печати
Редакционно-издательским Советом
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова**

Рецензенты:

Киселев С.В. — доктор экон. наук, главный науч. сотр.;
Веденяпин Я.С. — доктор экон. наук, ведущий науч. сотр.

Дроздов В.В. Экономические реформы в СССР (1953 — 1985).
Взгляды зарубежных ученых. — М.: ТЕИС, 1998

ISBN 5-86383-125-1

В монографии рассматриваются зарубежные интерпретации экономических реформ, проводившихся в СССР при Н.С. Хрущеве, Л.И. Брежнев и Ю.В. Андропове. Особое внимание уделяется трактовкам причин неудач попыток реформирования хозяйственного механизма в СССР, а также альтернативным вариантам реформ, предлагавшимся западными экономистами. Дается характеристика вклада западных авторов в историографию экономической истории СССР.

Для преподавателей истории народного хозяйства, студентов и аспирантов экономических вузов и факультетов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
--------------------------	---

I. Зарубежные интерпретации экономических реформ Н.С. Хрущева

1. Общая характеристика литературы	6
2. Проблема экономических предпосылок и исторической мотивации хрущевских реформ	11
3. Политика в области промышленности	20
4. Новации в сельском хозяйстве	26
5. Поиски путей совершенствования планирования, управления и экономического стимулирования	47
6. Темпы экономического роста	64
7. Общие оценки экономических реформ Хрущева	67

II. Реформы хозяйственного механизма при Л.И. Брежневe и Ю.В. Андропове

1. Общая характеристика литературы	81
2. Хозяйственная реформа 1965 г.	85
3. Реформа оптовых цен 1967 г.	104
4. Щекинский эксперимент	107
5. Реформа управления промышленностью	108
6. "Реформа" конца 1970-х гг.	111
7. Бригадный подряд	121
8. Экономический эксперимент 1984 г.	122
9. Перспективы экономических реформ в СССР в оценке западных авторов	126

Заключение	133
-------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще не так давно в нашей литературе не было недостатка в работах, посвященных немарксистской историографии истории СССР. Время от времени появлялись и публикации по зарубежным трактовкам развития советской экономики. Однако сейчас, когда наше общество заметно продвинулось вперед в осмыслении своего прошлого и стало более открытым для восприятия альтернативных идей и концепций, далеко не все в работах отечественных авторов, опубликованных в доперестроечный период, может нас устроить.

Прежде всего это относится к идеологизированной критике, которая доминировала в таких публикациях, не оставляя во многих случаях места для объективного анализа аргументов, приведенных немарксистскими авторами. И все-таки необходимо подчеркнуть, что в целом ряде работ по критике зарубежной историографии были и рациональные моменты. В частности, они знакомили советскую научную общественность с западными трактовками истории СССР, с так называемым “взглядом со стороны”, без чего столь быстрая интеграция отечественной историографии в мировую была бы невозможна. И, конечно, наряду с идеологизированной критикой, в работах советских авторов сохранился и научный анализ, одним из результатов которого стало выявление действительно слабых мест в зарубежных концепциях.

В последние годы публикации по западным концепциям истории СССР советского периода стали редкостью. Между тем всестороннее осмысление развития нашего общества при социализме, положительных и отрицательных аспектов его опыта невозможно без учета того вклада, который внесли зарубежные исследователи в изучение истории СССР и, в частности, советской экономики 1950-х — первой половины 80-х годов.

Цель настоящей работы состоит прежде всего в характеристике позитивных элементов зарубежных интерпретаций хозяйственных реформ в СССР в 1950-е — первой половине 1980-х гг. с учетом новейших достижений российской историографии. Предметом анализа являются работы западных историков и экономистов, опубликованные в 1970-е — первой половине 90-х гг. на английском, французском и немецком языках, а также изданные в последнее десятилетие в русском переводе. Многие из этих публикаций никогда не были предметом специального рассмотрения в нашей литературе.

Анализ взглядов российских исследователей по затрагиваемым проблемам не входит в наши задачи. Однако объективная оценка научного уровня зарубежной историографии и ее влияния на формирование концептуальных подходов, преобладающих в настоящее время в отечественной литературе, была бы невозможна без сопоставления с выводами, содержащимися в работах наших историков и экономистов.

Понимая всю сложность и недостаточную изученность затрагиваемых проблем, мы старались избегать категоричных суждений, предоставляя читателю возможность получить собственное представление о научной ценности тех или иных положений, содержащихся в исследованиях зарубежных ученых. Вместе с тем, конечно, это не исключало и критических оценок целого ряда выводов западных советологов.

Хотелось бы выразить искреннюю признательность моим коллегам по кафедре истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — доценту Е. Г. Василевскому и профессору А. Г. Худокормову за благожелательную поддержку при разработке данной темы и конструктивные советы. Особая благодарность работникам российских и зарубежных научных библиотек, где автору удалось получить необходимую литературу.

I. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ Н.С. ХРУЩЕВА

1. Общая характеристика литературы

Пятидесятые годы занимают важное место в истории нашего общества. К началу этого периода была восстановлена экономика, сильно пострадавшая в годы Великой Отечественной войны. Тем самым была создана возможность непосредственно приступить к решению задач, связанных с обеспечением дальнейшего развития хозяйства, повышением народного благосостояния и развитием демократических начал в жизни общества. После смерти Сталина и разоблачения Берии началась постепенная ликвидация наиболее репрессивных проявлений тоталитарного режима. Десталинизация и “оттепель” середины 1950-х гг. оказывали благотворное влияние на советское общество и государство и порождали надежду на демократизацию всех сторон жизни. Предстояла большая работа по гуманизации общественных идеалов, преодолению догматизма в теории и привлечению широких слоев населения к созидательному творчеству. Однако решение этих жизненно важных задач затруднялось серьезными просчетами, допущенными руководством страны и приведшими к замедлению темпов хозяйственного развития, к осложнению экономической и политической ситуации в СССР.

В зарубежной литературе интерес к хрущевскому периоду был довольно заметным задолго до начала перестройки. Тем не менее число исследований, посвященных экономике СССР 1950-х — первой половины 60-х гг., значительно меньше, чем, скажем, индустриализации или коллективизации. Отчасти это объясняется тем, что в процессах, происходивших в нашем обществе при Хрущеве, советологи находили гораздо меньше критического материала, чем в событиях, связанных с форсированным строительством социализма. Сказывалось и то, что для понимания функционирования тоталитарной экономической системы история довоенных пятилеток имеет большее значение, чем “хрущевское десятилетие”. Нельзя не учитывать и фактор времени, поскольку тот или иной период далеко не сразу становится предметом историко-экономического анализа.

Тем не менее в 60-е — 70-е гг. на Западе публиковались работы, авторы которых пытались наметить новые подходы к экономической политике Н.С. Хрущева, отличные от официальных оценок, воспроизводившихся в советской историографии. С течением времени оценки его реформ, дававшиеся советологами, ста-

новились более позитивными, чему в значительной мере способствовал застойный характер общественно-экономического развития при Брежневе. В этой связи известный западногерманский советолог Г.Симон в 1986 г. писал, что в сравнении с консерватизмом и враждебностью к новшествам со стороны брежневского руководства “десталинизация, реформаторские начинания и лихорадочные организационные нововведения Хрущева кажутся имеющими большее значение, чем 20 лет тому назад”¹.

Одна из первых серьезных попыток объективного анализа экономики СССР в хрущевский период, предпринятых на Западе, связана с именем известного английского советолога А. Ноува. Наблюдения и выводы, содержащиеся в двенадцатой главе его монографии “Экономическая история СССР”, оказали большое влияние на современную зарубежную историографию и в целом ряде моментов предвосхитили оценки хрущевского периода, которые даются в отечественной литературе в последние годы².

К числу наиболее значительных новейших работ зарубежных исследователей, посвященных истории нашей страны в 1950-е — первой половине 60-х гг., относится коллективная монография “Хрущев и хрущевизм”, опубликованная в 1987 г. под редакцией М. Макколи³. В нее вошли и главы по экономической истории СССР, написанные видными английскими советологами. В частности, А.Ноув анализирует развитие советской промышленности в хрущевский период, Г.Смит — сельского хозяйства. Глава, написанная М.Берри, относится к числу весьма немногочисленных зарубежных исследований проблем научно-технического прогресса в СССР в “хрущевское десятилетие”. А.Маколи и Д.Филтцер рассматривают важнейшие аспекты советской политики в области труда, заработной платы и социального обеспечения при Хрущеве⁴. К этой тематике примыкает и довольно обстоятельное исследование тарифной реформы 1956 г., опубликованное Д.Филтцером в 1989 г. в журнале “Соувьет стадиэ”⁵.

Особенно много места в работах зарубежных авторов отводится истории сельского хозяйства СССР в 1950-е — первой по-

---

¹ Simon G. Khrushchevismus: Wie wandlungsfähig ist das Sowjetsystem? Köln, 1986. S. 3.

² См.: Nove A. An economic history of the U.S.S.R. L., 1970. P. 322-368.

³ См.: Khrushchev and khrushchevism / Ed. by M. McCauley. Houndmills et al., 1987.

⁴ См.: Berry M.J. Science, technology and innovation // Khrushchev and khrushchevism ... P. 71-94; Filtzer D. Labour // Khrushchev and khrushchevism ... P. 118-137; McCauley A. Social policy // Khrushchev and khrushchevism ... P. 138-155; Nove A. Industry // Khrushchev and khrushchevism ... P. 61-70; Smith G.A.E. Agriculture // Khrushchev and khrushchevism ... P. 138-155.

⁵ См.: Filtzer D.A. The Soviet wage reform of 1956 — 1962 // Soviet Studies. 1989. Vol. XLI. № 1. P. 88-110.

ловине 60-х гг. и, в частности, проблемам, связанным с освоением целинных и залежных земель. В этой связи прежде всего следует назвать монографию английского советолога М.Макколи "Хрущев и развитие советского сельского хозяйства. Программа освоения целинных земель 1953-1964 гг."¹. Заметный интерес для исследователей истории советского сельского хозяйства представляют и работы выходца из СССР А.Янова, написанные и опубликованные в США. В них предпринята попытка анализа реформистского потенциала сельскохозяйственной политики Н.С. Хрущева и причин, по которым он был довольно скоро утрачен².

История советской промышленности в хрущевский период освещена в зарубежной литературе сравнительно мало. Из специальных работ следует отметить прежде всего книгу американского экономиста Дж.Берлинера "Советская промышленность от Сталина до Горбачева" (1988 г.), в которой на первом плане находятся проблемы планирования, управления, ценообразования и научно-технического прогресса в промышленности СССР в послевоенный период, в том числе и при Хрущеве³. Заслуживает внимания и анализ темпов экономического роста, в том числе и в промышленности, в 1950-е — первой половине 60-х гг., который содержится в статье А.Райта (США)⁴.

Вопросам развития советской экономики в рассматриваемый период отводится довольно много места и в переведенных на русский язык общих курсах истории СССР, авторами которых являются Н.Верт (Франция), Дж.Боффа (Италия) и Дж.Хоскинг (Великобритания)⁵. Немалый интерес при осмыслении реформ 1950-х — первой половины 60-х гг. представляют и работы политологов, в частности, исследования Дж.Бреслауэра (США) и Г.Симона (ФРГ), в которых предпринимаются попытки новой интерпретации политических и социологических аспектов "эры Хрущева"⁶.

---

¹ См.: McAuley M. Khrushchev and the development of Soviet agriculture. The Virgin Land Programme 1953-1964. L., Basingstoke, 1976.

² См.: Янов А. The drama of the Soviet 1960s: a lost reform. Berkeley, 1984; e j u s d e m. In the grip of the adversarial paradigm: the case of Nikita Sergeevich Khrushchev in retrospect // Reform in Russia and the U.S.S.R. Past and prospects / Ed. by R.O. Crumme. Urbana, Chicago, 1989. P. 156-181.

³ См.: Berliner J.S. Soviet industry from Stalin to Gorbachev. Essays on management and innovation. Gower House et al., 1988.

⁴ См.: Wright A.W. Soviet economic planning and performance // The Soviet Union since Stalin / Ed. by S.F. Cohen et al. Bloomington, 1980.

⁵ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2 / Пер. с итал. М., 1994; Верт Н. История советского государства. 1900 — 1991 / Пер. с фр. М., 1992; Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991 / Пер. с англ. М., 1994.

⁶ Breslauer G.W. Khrushchev reconsidered // The Soviet Union since Stalin / Ed. by S.F. Cohen et al. Bloomington, 1980. P. 50-70; e j u s d e m. Khrushchev reconsidered // Problems of communism. 1976. Vol. XXV. № 5. P. 18-33; e j u s d e m. Khrushchev and Brezhnev as leaders. L., 1982; Simon G. Op. cit.

В отечественной литературе есть немало работ, посвященных советской экономике в “хрущевское десятилетие” и опубликованных во второй половине 1960-х — первой половине 80-х гг.¹ Характерными чертами многих из них являются, во-первых, весьма критическое отношение к реформам Хрущева и, во-вторых, трактовка развития экономики нашей страны исходя из концепции строительства развитого социализма.

Новый импульс изучению этого периода был дан в годы перестройки. Пытаясь обосновать ее исторические корни, реформаторы второй половины 1980-х гг. обращались, естественно, не только к нэпу, но и к реформам Н.С. Хрущева². В речи М.С. Горбачева “Октябрь и перестройка: революция продолжается” (1987 г.) подчеркивалось, что при Хрущеве “были сделаны попытки сломать утвердившиеся в 30—40-х годах командно-бюрократические методы управления, придать социализму больше динамизма, подчеркнуть гуманистические идеалы и ценности, возродить творческий дух ленинизма в теории и практике”³. Оживлению интереса к реформам Хрущева и, в частности, к совнархозам, способствовали и попытки найти решение серьезных экономических и политических проблем, с которыми столкнулся СССР в годы перестройки, на путях перехода к региональному хозрасчету.

Несмотря на заметный рост интереса отечественных ученых к “десятилетию Хрущева”, новейших исследований по экономической истории того периода сравнительно немного. Сказывается то, что долгое время объективное изучение нашими исследователями послевоенной экономической истории и, в частности, реформ Н.С. Хрущева, было затруднено по политическим и идеологическим причинам, а также ограничениями в доступе к архив-

---

¹ В частности, одной из наиболее фундаментальных публикаций, в которой обобщены итоги изучения развития народного хозяйства СССР в 1950-е — первой половине 60-х гг. в отечественной историографии, является 6-й том “Истории социалистической экономики СССР” (М., 1980).

² Это обстоятельство отмечается и в зарубежной литературе. Так, Д. Нордландер (США) считает неслучайным тот факт, что пик интереса к реформам Хрущева приходится на 1988-89 гг., поскольку исторические импульсы для политики гласности и перестройки исходили из 50-х гг. По словам Д. Нордландера, российские исследователи и публицисты “обратились к Хрущеву потому, что, кроме Бухарина, который никогда не был лидером ни партии, ни государства, Хрущев был единственным значительным реформатором в советской истории”. Для сторонников Горбачева Хрущев олицетворял лидера, верившего в возможность придания системе новых жизненных сил, очищения КПСС и правительственных структур от сталинизма без разрушения его фундаментальных основ. (Nordlander D. Khrushchev's image in the light of glasnost and perestroika // The Russian Review. 1993. Vol. 52. № 2. P. 248, 249).

³ Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988. С. 407.

ным материалам¹. Нельзя сбрасывать со счета и сложность проблематики².

Из числа новейших исследований российских авторов, посвященных экономической истории СССР в 1950-е — начале 60-х гг. и являющихся заметным вкладом в историографию этого периода, прежде всего следует отметить работы И.В. Русинова по аграрной политике, а также статью И.А. Благих, в которой содержится серьезное и во многом оригинальное осмысление хозяйственных реформ Н.С. Хрущева³. Стратегические аспекты экономической политики Н.С. Хрущева и научно-технического прогресса довольно подробно и с новых позиций рассматриваются в коллективной монографии “XX съезд КПСС и его исторические реальности” (главы Р.А. Белоусова и Л.А. Опенкина)⁴. Немалый интерес для осмысления истории того периода с современных позиций представляет анализ развития системы планирования в 1950-е — первой половине 60-х гг., содержащийся в работе Б.В. Зембатовой⁵. В монографии Ю.А. Веденева обстоятельно исследованы управленческие аспекты совнархозовской реформы 1957 г.⁶ Вопросы развития экономики затрагиваются и в целом ряде публикаций отечественных авторов по политической истории СССР, хотя, разумеется, не столь специально. В этом отношении большой интерес представляют, в частности, исследования Е.Ю. Зубковой, отличающиеся новаторством и взвешенностью подходов⁷.

---

¹ Мы согласны с И.А. Благих в том, что “беспристрастных исследований, посвященных изучению фактических мотивов реформ Н.С. Хрущева в экономической сфере и их последствий для народного хозяйства страны, до сих пор нет”. (Благих И.А. Хозяйственные реформы Н.С. Хрущева: волонтаризм или необходимость? // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 1. Ч. 1 / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. М., 1993. С. 190).

² Известный экономист Д.В. Валовой в этой связи пишет: “Думается, что историкам народного хозяйства СССР будет не просто исследовать различные стороны экономического развития в период, когда партию возглавлял Н.Хрущев. В хозяйственном строительстве тогда было слишком много противоречий и крайностей”. (Валовой Д.В. Экономика: взгляды разных лет (становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма). М., 1989. С. 64).

³ См.: Благих И.А. Указ. соч. С. 190-214; Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35-49; XX съезд КПСС и его исторические реальности / Под ред. В.В. Журавлева. М., 1991. С. 106-136.

⁴ XX съезд КПСС ... С. 67-106, 136-167.

⁵ См.: Зембатова Б.В. Планирование: простые и сложные истины. М., 1990. С. 82-116.

⁶ См.: Веденев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленности в СССР. Историко-правовое исследование (1957-1987 гг.). М., 1990. С. 23-47.

⁷ См.: Зубкова Е. Октябрь 1964 года. Поворот или переворот? // Коммунист. 1989. № 13. С. 92-101; она же. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 74-88; она же. После войны: Маленков, Хрущев и “оттепель” // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. М., 1991. С. 284-320; она же. От 60-х к 70-м: власть, общество, человек // История Отечества ... С. 321-356.

Несомненно, изучение проблем истории народного хозяйства СССР 1950-х — первой половины 60-х гг. еще далеко от своего завершения. Это в полной мере относится как к отечественной, так и к зарубежной историографии. Значение этого периода в историко-экономических исследованиях с течением времени будет, несомненно, возрастать. Результаты, полученные зарубежными исследователями экономической политики Н.С. Хрущева, могут оказаться полезными при дальнейшем изучении этого периода в истории советской экономики, тем более что в настоящее время нет непреодолимых барьеров между российской и мировой историко-экономической наукой.

2. Проблема экономических предпосылок и исторической мотивации хрущевских реформ

Несомненно, вопрос об экономических предпосылках хрущевских реформ является самостоятельной научной проблемой, которая возникает при их анализе. В советской литературе она обычно сводилась к констатации того бесспорного факта, что с завершением индустриализации и коллективизации и восстановления разрушенного войной хозяйства появились новые возможности в использовании созданного экономического потенциала, в частности, в интересах роста народного благосостояния. Одновременно признавалось, что неэквивалентный обмен между городом и деревней подрывал экономику колхозов и совхозов, делая невозможным даже простое воспроизводство. Эти тезисы не вызывают возражений и у зарубежных исследователей. Вместе с тем, в отличие от советской историографии доперестроечного периода, они поставили вопрос о кризисе экономической и политической системе СССР в последние годы жизни Сталина как главной причине хрущевских реформ.

В частности, к такому выводу приходит известный английский советолог Дж. Хоскинг в своей “Истории Советского Союза”. Он высказывает тезис о том, что “в последние годы жизни Сталина тоталитаризм достиг тех пределов, за которыми он уже не мог существовать, не подрывая при этом всех социальных связей общества”¹. Дж. Хоскинг исходит из того, что сам ГУЛАГ, являвшийся одной из важнейших первооснов советской экономической системы при Сталине, чем дальше, тем все больше и больше оказывал на нее разлагающее влияние. Серьезным аргументом в пользу этого тезиса является то, что в условиях демографического

---

¹ Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 337.

кризиса, разразившегося в СССР вследствие репрессий тридцатых годов и войны, уменьшалась численность населения и особенно мужского, а концентрационные лагеря доводили эту тенденцию до угрожающих размеров. “С таким положением, — пишет Дж.Хоскинг, — нельзя примириться, не рискуя при этом серьезно ослабить промышленность и Вооруженные силы — вещи совершенно недопустимые для вождей Великой державы”¹.

Важным моментом в аргументации Дж. Хоскинга является тезис о кризисе системы лагерей в последние годы жизни Сталина. Одним из ярких проявлений этого кризиса английский историк считает открытые восстания заключенных, прокатившиеся по стране в конце 1940 — первой половине 50-х гг. Некоторые из них приходилось подавлять даже с использованием десантных частей и авиации (в Воркуте в 1948 г.), а также танков (в Кенгире в 1954 г.). Становилось ясным, что ГУЛАГ представляет большую опасность для системы, тем более что в лагерях после войны находилось немало офицеров Красной Армии, которые, “в отличие от беспомощных крестьян и хилых интеллектуалов тридцатых годов”, умели сражаться. Были там и имевшие опыт партизанской борьбы поляки, украинцы, белорусы, а также представители прибалтийских народов. Общий вывод Дж. Хоскинга сводится к тому, что “трудовые лагеря были эффективны и дешевы только до тех пор, пока заключенные были послушны. Если это условие не соблюдалось, они становились недопустимо дорогими и, несомненно, требовали усиления мер безопасности”².

Вполне правильной является мысль Дж.Хоскинга о том, что широкое использование принудительного труда заключенных все больше теряло смысл по мере усложнения экономических задач и механизации производства и строительства. Английский историк пишет, что “поневоле возникал вопрос — так ли была необходима огромная армия неквалифицированной рабочей силы, которая содержалась в лагерях, с учетом лишнего былой наивности экономического климата, характерного для послевоенного восстановительного периода”³.

Итальянский историк-марксист Дж.Боффа, характеризуя условия, в которых начинались реформы, основной акцент делает на бедственном состоянии советского сельского хозяйства. “Колхозы и совхозы, — пишет он, — не только не имели каких-либо успехов в развитии, но и все более очевидными становились

---

¹ Хоскинг Дж. Указ. соч. 337.

² Там же. С. 338, 340, 341, 342-343.

³ Там же. С. 343.

признаки их дальнейшего упадка”¹. В 1953 г. “призрак нового года стоял на пороге”, и стране пришлось покрывать потребности в продовольствии из резервов, которые были невелики. Именно поэтому руководству страны пришлось пойти на реформы². Этот вывод вполне согласуется с оценками состояния сельского хозяйства СССР в последние годы жизни Сталина, даваемыми в современной отечественной историографии³.

Отметим, что подобные выводы о кризисе и политической опасности системы принудительного труда как одной из важнейших предпосылок хрущевских реформ в последнее десятилетие все чаще стали появляться и в исследованиях отечественных историков. Так, авторы опубликованной в 1991 г. коллективной монографии “Наше Отечество” пишут, что после смерти Сталина “положение властей предрержащих начинало напоминать сидение на вулкане, внутри которого вызревала и накапливалась энергия огромной разрушительной силы”. По их мнению, взрывоопасная ситуация создавалась “благодаря постоянно расширяющейся зоне подневольного труда, рассредоточенной между ГУЛАГом, с одной стороны, и колхозной деревней — с другой”. По экономическим, политическим и военным соображениям “содержать это “государство в государстве” становилось все труднее”⁴.

Вопросу о предпосылках реформ 1950-х гг. посвящен специальный параграф в книге французского историка Никола Верта “История советского государства. 1900 — 1991”⁵. В отличие от Дж.Хоскинга, он не придает какого-либо самостоятельного значения кризису системы лагерей как фактору, обусловливавшему необходимость реформ. В то же время он отмечает, что хрущевские реформы рождались в экономических и политических дискуссиях, в ходе которых в качестве конкурирующих стратегий сталкивались курс на развитие легкой промышленности, который отстаивал Маленков, и идея подъема сельского хозяйства при сохранении высоких темпов роста тяжелой промышленности, которую поддерживал Хрущев. По мнению Н.Верта, “Маленков выступал прежде всего как защитник средних и высших служащих,

¹ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 407.

² Там же.

³ Так, отечественными исследователями отмечается тот факт, что средний урожай зерна в 1949—1953 гг. (81 млн т) был меньше уровня 1913 г., а производство мяса лишь ненамного превышало дореволюционный уровень. Поскольку население страны к этому времени увеличилось на 20 млн человек (в том числе в городах — на 40 млн), среднедушевые показатели производства сельскохозяйственной продукции оказывались заметно ниже дореволюционных. При нехватке продовольствия, проявлявшейся, в частности, в перебоях в торговле хлебом в городах, возникала возможность “острых социальных конфликтов”. (XX съезд КПСС ... С. 68).

⁴ Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч. 2. М., 1991. С. 445.

⁵ В е р т Н. Указ. соч. С. 340 — 345.

то есть всех тех, кто благодаря социальной мобильности 30-х гг. составил слой, который для простоты можно было бы назвать “средним”¹, используя при этом идею сбалансированного развития, выдвигавшуюся в свое время Н.А. Вознесенским. Что же касается альтернативной концепции, то в ее основе была обеспокоенность Н.С. Хрущева состоянием сельского хозяйства и понимание важности “нормального снабжения горожан”¹.

Н.Верт констатирует, что “и Маленков, и Хрущев видели необходимость реформирования социальных связей”. Однако для первого в основе реформ должно было лежать повышение роли более низких уровней управления, а также хозяйственных руководителей и специалистов без какого-либо заметного участия народных масс. Что же касается Хрущева, то он, по оценке французского историка, “предлагал более динамичный и новаторский подход популистского толка, признававший определенную способность широких масс к инициативе и влияние на развитие событий”. При этом Н.Верт формулирует небесспорный тезис о том, что “Хрущев поощрял запросы населения”, чтобы вызвать у руководства страны страх перед тяжелым социальным кризисом и заставить его пойти на реформы².

Проблемы, связанные с экономической политикой Маленкова, затрагивает и известный английский советолог А.Ноув. Следует отметить, что если другие зарубежные историки говорят о них мимоходом, А.Ноув посвящает этой теме целый параграф и именно ему принадлежит наиболее удачная попытка сравнительного анализа экономических проектов Маленкова и Хрущева.

Нетрудно видеть, что рассматривая плюсы и минусы их подходов к проблемам развития экономики, А.Ноув явно отдает предпочтение проекту Хрущева. Что же касается предложений Маленкова, автор считает их нереальными и в большинстве своем экономически необоснованными. В частности, А.Ноув обращает внимание на то, что неоднократные снижения цен в начале 1950-х гг. привели к дефициту потребительских товаров, очередям, увеличению разрыва в ценах государственной торговли и колхозного рынка, а резкое уменьшение поступлений средств от “добровольно-принудительных” займов при росте заработной платы еще больше усугубляло ситуацию. Что же касается намерений Маленкова увеличить производство промышленных товаров народного потребления, то, по мысли А.Ноува, они были “сверхамбициозными”³.

---

¹ Верт Н. Указ. соч. С. 341.

² Там же. С. 343.

³ См.: Nove A An economic history ... P. 323-326.

В то же время, сравнивая проекты Маленкова и Хрущева, некоторые зарубежные исследователи подчеркивают неправомерность их абсолютного противопоставления. Так. Я.Дербишир отмечает, что Хрущев, как и Маленков, “стремился увеличить производство продукции сельского хозяйства и легкой промышленности”, только не путем перераспределения инвестиций в эти отрасли за счет тяжелой промышленности и оборонных отраслей, а прежде всего в результате организационных реформ¹.

А. Ноув также подчеркивает, что было бы совершенно неправильно сводить различие обоих проектов к тому, что Хрущев был против производства предметов потребления, так как “его весьма амбициозные и дорогостоящие сельскохозяйственные программы в случае их успеха дали бы продовольствие”, которое в основном есть предметы потребления. По мысли английского советолога, “Хрущев вступал в союз с теми плановиками и военными, которые считали, что Маленков вносит дисбаланс в экономику, чрезмерно концентрируясь на промышленных потребительских товарах”. При всем этом Н.С. Хрущев понимал материальные интересы горожан. Общий вывод А.Ноува сводится к тому, что “режим Маленкова, подорванный политически Хрущевым, пал потому, что он никогда не был в состоянии рассудить конфликтующих претендентов на ресурсы”².

Остановливаясь на подходах Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева к проблеме выхода страны из кризиса, Дж.Бэффа, в отличие от Н.Верта, более сдержанно высказывается о реформаторских замыслах первого. По мнению Дж.Бэффы, Маленков не дал какой-либо глобальной целостной программы реформирования сельского хозяйства, а ограничился лишь констатацией ряда негативных явлений в его развитии³.

В общем и целом создается впечатление, что в зарубежной историографии проекты Н.С. Хрущева воспринимаются более сочувственно, чем подходы к экономической политике Г.М. Маленкова. Что же касается отечественной литературы, то до недавнего времени этот вопрос в большинстве случаев обходился. Напротив, в исследованиях последних лет ему уделяется довольно большое внимание. При этом нельзя не отметить, что российские историки в ряде случаев дают проектам Г.М. Маленкова более высокую оценку, чем зарубежные.

¹ Derbyshire J. Politics in the Soviet Union: from Brezhnev to Gorbachev. S. I., 1987. P. 18.

² Nove A. An economic history ... P. 332, 333. Ср. также точку зрения Э. Актона, согласно которой Хрущев выступал против “экстремизма” предложений Маленкова, но в то же время много делал для развития сельского хозяйства, то есть отрасли, производящей предметы потребления (Acton E. Russia. The present and the past. L., N. Y., 1986. P. 295).

³ См.: Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 408.

Так, авторы упоминавшейся выше монографии “Наше Отечество” с речью Маленкова на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. связывают “курс на социальную переориентацию экономики, который достаточно быстро стал воплощаться в конкретные товары, деньги, жилье”. К тому же, в отличие, например, от Н.Верта, они считают социальной базой курса Маленкова не “средние слои”, а деревню, в то время как Хрущев опирался в основном на аппарат, особенно в период борьбы за лидерство в руководстве страной¹. Е.Ю. Зубкова связывает с именем Маленкова “попытки изменить суть экономического курса, перевести его на базу науки, задействовать экономические рычаги управления”, тогда как для Хрущева, по ее словам, “путь решения экономических проблем лежал в русле организационно-хозяйственных перестроек”, поскольку “собственно экономические проблемы не воспринимались Хрущевым соответственно их природе”.

В то же время Е.Ю. Зубкова не поддерживает идею решительного противопоставления Маленкова и Хрущева, поскольку у них, “как у людей, принадлежавших к одной генерации партийных руководителей, ... слишком много общего” и “споткнулись” они оба о “государственно-социалистический принцип организации мышления и практической политики”, несовместимый с признанием роли частной инициативы и плюрализма в обществе².

При рассмотрении вопроса об экономических предпосылках реформ Н.С. Хрущева, конечно, нельзя игнорировать и роль такого фактора, как необходимость удовлетворения основных материальных потребностей населения. Исследования, проведенные в последние годы российскими учеными, подтверждают тот факт, что на рубеже 1940-х — 1950-х гг. был достигнут предел долготерпения народа, который, казалось, переставал работать³. Поэтому дальнейшее развитие страны было невозможно без реформ, ориентированных на материальные интересы работников.

В своих работах по истории СССР 1950-х — первой половины 1960-х гг. западные советологи поднимают вопрос об исторической мотивации хрущевских реформ. Спектр мнений советологов по этой проблеме довольно разнообразен.

В частности, в зарубежной историографии можно встретить точку зрения, согласно которой экономическая (и прежде всего аграрная) политика Н.С. Хрущева в известном смысле напоминала политику царского правительства в годы столыпинской реформы. Такого мнения придерживается, в частности, известный

¹ Наше Отечество. Ч. 2 ... С. 447—448.

² Зубкова Е.Ю. После войны ... С. 314, 315.

³ См.: Там же. С. 316.

американский экономист Г.Гроссман. Он считает, что подобно тому, как царский режим после нескольких десятилетий выкачивания из деревни прибавочного продукта стал содействовать формированию класса зажиточных крестьян в интересах повышения производительности и политической стабильности, так и советское руководство при Хрущеве принимало меры по улучшению благосостояния крестьян и колхозов, надеясь таким образом обеспечить промышленный рост и решение политических задач¹.

Некоторые советологи высказывают точку зрения, согласно которой экономическая политика СССР после 1953 г. формировалась под влиянием реалий развивавшегося индустриального общества². В современной зарубежной литературы этот подход представлен главным образом работами исследователей, специально изучавшими историю научно-технического развития СССР. В этой связи следует упомянуть, в частности, вывод М.Берри о том, что “главной целью мер Хрущева был поиск эффективной системы непрерывной инновации, адекватной плановой экономике”, поскольку в 50-е гг. осуществлялся переход от индустриализации к научно-технической революции³.

В большинстве случаев, однако, мотивация реформ 50-х — начала 60-х гг. сводится либо к проблеме их обусловленности “сталинским прошлым” Н.С. Хрущева, либо к популистским началам в его деятельности и гораздо реже — к прагматизму.

Первый подход является преобладающим и представлен, например, в работах А.Ноува. Этот автор подчеркивает, что политические взгляды Хрущева сложились при Кагановиче и именно из той эпохи он унаследовал методы решения доставшихся ему в наследство сложных проблем. По словам А.Ноува, Н.С. Хрущев понимал необходимость реформ и знал лучше всех, “как бюрократический аппарат партии и государства мог исказить политику и парализовывать желаемую инициативу”. Но, добавляет английский советолог, “в конце концов, он знал лишь традиционные методы”⁴. М.Макколи обращает внимание на то, что у Хрущева была антипатия к рынку, он стал ограничивать развитие частного сектора в сельском хозяйстве, хотя знал, что крестьяне предпочи-

¹ См.: Grossman G. The industrialisation of Russia and the Soviet Union // The Fontana economic history of Europe. The emergence of industrial societies. Part 2 / Ed. C.M. Cipolla. Glasgow, 1977. P. 519-520.

² См., например: Raupach H. Geschichte der Sowjetwirtschaft. Reinbek bei Hamburg, 1964. S. 106.

³ Berry M.J. Science, technology and innovation ... P. 71-72, 90.

⁴ Nove A. An economic history ... P. 368.

тают работать именно в нем, то есть “не принял во внимание очевидные факты и занял идеологическую позицию”¹.

Во многом аналогичной точки зрения придерживается и Дж.Боффа. Он пишет, что “в определенном смысле Хрущева можно считать последним (и единственным) выжившим из когорты тех сталинских “железных секретарей”, которые осуществляли индустриализацию, а затем были расстреляны в 1937 г. Хрущев сохранил многие черты, присущие этому типу людей, в частности огромный внутренний волюнтаристский заряд”. Дж.Боффа убежден в том, что “Хрущев был деятелем типично сталинской закалки” и с учетом этого обстоятельства следует рассматривать его реформы².

Но, рассуждая таким образом, итальянский историк высказывает весьма верную мысль о том, что поскольку предшествующий (и в том числе сталинский) период не был “монолитным”, Н.С. Хрущев мог черпать из него и гальванизировать разный исторический опыт. По словам Дж.Боффы, в мышлении Н.С. Хрущева “наряду с оригинальными идеями мы видим черты возрождения проектов и предложений, характерные для самых различных периодов предшествующей советской истории: старые ленинские концепции, предложения и методы первого периода нэпа, мотивы, имевшие когда-то большое значение для обсуждения политических проблем, но задуренные затем в середине 30-х гг.”. Дж.Боффа не соглашается с теми, кто считает Н.С. Хрущева прагматиком. Его же открытость к зарубежному опыту автор объясняет тем, что и в первый период индустриализации, имевший большое значение для формирования личности Н.С. Хрущева, интерес к техническому развитию Запада в нашей стране был значительным. Непоследовательность и противоречивость реформ Н.С. Хрущева во многом связана с эклектизмом его мышления, причиной которого, как считает Дж. Боффа, были “наслоения заимствований из прошлого опыта развития Советского Союза”³. Анализируя конкретные мероприятия, проводившиеся по инициативе Н.С. Хрущева, итальянский историк довольно убедительно обосновывает этот вывод.

Другой подход в трактовке проблемы исторической мотивации и характера хрущевских реформ развивает американский политолог Дж.Бреслауэр. По его мнению, Хрущев “был больше за-

---

¹ Макколей М. Хрущев и его политика. Какие выводы можно сделать из хрущевской эпохи (1953 — 1964 гг.)? // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 550. (Макколей — один из вариантов русской транскрипции фамилии английского советолога McCauley, которая в нашей работе всюду транскрибируется как Макколи).

² Боффа Дж. Указ. соч. С. 416, 417.

³ Там же. С. 417.

интересован в стимулировании роста советской экономики, чем в усилении политического контроля, характерного для позднего сталинизма”. Советский руководитель понимал, что проблемы экономического роста не могут быть решены без инициативы масс, для стимулирования которой он постоянно искал все новые и новые методы. Хрущев, пишет Дж. Бреслауэр, хотел создать общество, в котором “массы будут активно, с энтузиазмом и добровольно вносить вклад в достижение целей, установленных центром (курсив автора. — В. В. Д.)”. Главное средство, обеспечивающее сочетание централизма как способа консолидации общества и заинтересованности населения в решении задач, которые ставятся партийно-государственным руководством, Хрущев усматривал в деbüroкратизации руководства страной. “Он хотел сделать советский централизм, — пишет Дж.Бреслауэр, — более эффективным, очистив его от присущего ему государственно-büroкратического компонента”.

В трактовке американского политолога Хрущев предстает как лидер популистского толка, стремившийся даже в последний период своей деятельности к решению экономических проблем путем расширения сферы участия населения в принятии решений и ограничения политического статуса советских руководителей. Его целью было создание “молчаливого союза между собой и массами против бюрократов в целях усиления административного контроля и ответственности”. Режим Л.Брежнева, по мнению Дж.Бреслауэра, отошел от подобного популизма и больше ориентировался на чиновников¹.

Отметим, что в отечественной историографии брежневского периода проблема мотивации реформ Хрущева либо вообще обходилась, либо решалась крайне односторонне. В последнем случае ошибочные шаги в экономической политике обычно объяснялись волюнтаризмом Н.С. Хрущева, а реальные достижения связывались не с именем первого руководителя страны, а с политикой КПСС. В последнее десятилетие вопрос об идеологической обусловленности и мотивации деятельности Н.С. Хрущева стал одним из основных в российской научной и публицистической литературе, посвященной этому периоду. Для одних Хрущев — политический лидер, который “в целом действовал в интересах страны и народа” и, рискуя карьерой и жизнью, “совершил настоящий подвиг”². Для других он — “блестящий прагматик, ода-

---

¹ Breslauer G.W. Khrushchev reconsidered // The Soviet Union since Stalin ... P. 50, 52, 53, 59, 60; e j u s d e m. Khrushchev reconsidered // Problems of communism ... P. 23, 26.

² Федоров Г. Как нам оценивать Хрущева? // Московские новости. 1988. 31 июля.

ренный незаурядным природным умом и богатым житейским опытом”, полагавшийся больше “на свой здравый смысл и интуицию, чем на поддакивающую науку”¹. Нередко высказывается и точка зрения, согласно которой Хрущев оставался “сталинцем до мозга костей”, хотя и развенчавшим культ вождя². Но, пожалуй, никто из современных серьезных авторов не отрицает тот факт, что Н.С. Хрущев был выдающейся и по-своему привлекательной личностью.

Несомненно, проблема экономических предпосылок и исторической мотивации реформ Хрущева нуждается в дополнительных специальных разработках. Что же касается вклада зарубежных авторов в ее исследование, то, пожалуй, в первую очередь следует отметить то, что они раньше, чем советские историки, поставили вопрос о кризисе сталинской экономической системы в целом как важнейшей предпосылке переориентации экономической и социальной политики в “десятилетие Хрущева”. В этой связи советологами обсуждалась проблема резкого падения экономической эффективности ГУЛАГа и кризиса колхозной системы. Довольно широко освещались содержательные аспекты проектов Маленкова и Хрущева, в то время как в советской историографии эта тема долгое время фактически являлась “белым пятном”. Наконец, заслуживают внимания попытки зарубежных авторов решить проблему исторической мотивации реформ Хрущева, не сводя ее только к волюнтаризму советского лидера.

3. Политика в области промышленности

Принято считать, что в центре внимания Н.С. Хрущева находилось сельское хозяйство. Это действительно так, хотя серьезные инициативы предпринимались в тот период и в области промышленности.

Как в отечественной, так и в зарубежной литературе общепризнанным является тот факт, что промышленное развитие СССР отличалось высоким динамизмом как в 50-е, так и в первой половине 60-х гг. По официальным статистическим данным, в 1956-1960 гг. валовая продукция промышленности возросла на 64%, в 1961-1965 гг., когда темпы экономического роста снизились, этот прирост составил тем не менее 51%. По сравнению с 1940 г., производство электроэнергии в СССР в 1965 г. увеличилось в 10,4 раза, стали — почти в 5 раз, нефти — почти в 8, тракторов — более чем в 11 раз.³ Большое значение придавалось и

¹ XX съезд КПСС ... С. 69.

² “Собирая грибы”, решали судьбу Хрущева // Аргументы и факты. 1995. № 43.

³ См.: Родин С.Г. Эстафета советских пятилеток. Справочник. М., 1984. С. 66-67.

улучшению качественных показателей. Так, производительность труда в промышленности в 1958 г. составляла 180% к уровню 1950 г.¹ Даже в годы семилетки, когда экономическая ситуация в стране заметно осложнилась, темпы роста производительности труда в промышленности равнялись 4,6% (в среднегодовом исчислении)². 2/3 прироста объема промышленного производства в 1959 — 1965 гг. было получено за счет увеличения производительности труда³. Были достигнуты немалые успехи в области модернизации предприятий, комплексной механизации и автоматизации производства.

Экономическая политика, проводившаяся партийно-государственным руководством во главе с Н.С. Хрущевым, в целом благоприятствовала промышленному росту. В этой связи следует назвать такие ее элементы, как более активное использование кредитно-финансовых методов стимулирования выполнения и перевыполнения плановых заданий (в частности, введение в августе 1954 г. дифференцированного режима кредитования хорошо и плохо работающих предприятий), ориентация на укрепление хозяйственных отношений, поиски путей совершенствования форм и методов материального стимулирования работников промышленности, расширение прав союзных республик в области планирования, управления и финансирования промышленных предприятий на их территории, а также курс на ускорение научно-технического прогресса, который получает в целом высокую оценку в зарубежной литературе. Были существенно повышены требования к технико-экономическому обоснованию размещения новых предприятий (самым эффективным вариантом размещения признавался тот, при котором обеспечивалась минимизация полных затрат общественного труда). В годы семилетки впервые стала разрабатываться программа охраны и восстановления природных ресурсов⁴.

В то же время в экономической политике во второй половине пятидесятых — первой половине шестидесятых годов были и такие компоненты, которые отрицательно сказались на росте промышленного производства и, в частности, на увеличении производства товаров народного потребления. Например, неоправданным оказалось включение в 1956-1960 гг. предприятий промышленной кооперации в состав госпромышленности. Фактически это

---

¹ См.: Берхин И.Б. История СССР. 1917 — 1928. М., 1979. С. 472.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 107.

³ См.: Берхин И.Б. Указ. соч. С. 539.

⁴ Планирование размещения производительных сил СССР. Ч. 1 / Под ред. В.П. Можина и др. М., 1985. С. 289-290.

означало ликвидацию промысловой кооперации. В этой системе было более 200 тыс. предприятий, она давала более 13% процентов товаров народного потребления, продававшихся в основном по государственным ценам¹. Просчеты в экономической политике явились одной из причин того, что в последние годы семилетки снизились темпы роста производительности труда и капитальных вложений, серьезной проблемой стал долгострой. Отставание сельского хозяйства сдерживало развитие легкой и пищевой промышленности.

В истории экономической и, в частности, промышленной политики, проводившейся в годы правления Н.С. Хрущева, зарубежные авторы, как и отечественные исследователи, обычно выделяют два периода: а) 1953—1958 гг. и б) 1959—1964 гг. Характеризуя их качественное своеобразие, Н. Верт соглашается со своим соотечественником Ж.Сапиром в том, что реформы, проводившиеся в 1953—1958 гг., “эффективно изменили экономические и социальные механизмы”, а на второй фазе — в 1959—1964 гг. — сбой и неудачи в реформах привели “к воспроизводству взаимоотношений сталинской, волюнтаристской модели управления”. 1958 год Н.Верт называет “той вехой, миновав которую хрущевский проект, осуществлявшийся с 1953 г. и так и не сломавший основ волюнтаристского управления, покатился под гору”². С выделением двух этапов в истории хрущевских реформ солидаризируется и Дж.Боффа, хотя и признает известную упрощенность такой периодизации³. Как бы то ни было, с известными оговорками она может быть отнесена к рассматриваемому периоду в целом, в том числе и к политике в области промышленности.

Характеризуя промышленную политику Н.С. Хрущева в первый период, зарубежные советологи прежде всего обращают внимание на такие аспекты, как степень ее ориентированности на производство предметов потребления и меры по стимулированию научно-технического прогресса.

Выше мы останавливались на первой проблеме в связи с интерпретациями зарубежными авторами проектов Хрущева и Маленкова. Что же касается оценок ориентации экономической политики после поражения Маленкова, то есть во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг., то можно выделить две основные точки зрения. Первая из них сводится к тому, что Хрущев понимал необходимость существенного увеличения производства предметов потребления, но превыше всего для него были интере-

¹ Самсонов Л. Что потеряно // Коммунист. 1989. № 12. С. 66-67.

² Верт Н. Указ. соч. С. 368.

³ Боффа Дж. Указ. соч. С. 486.

сы тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса. Такой точки зрения придерживаются, например, Г.Симон, который пишет, что “Хрущев — если абстрагироваться от коротких эпизодов — не был готов стимулировать потребление за счет вооружений”¹.

Вторая точка зрения, согласно которой целью Хрущева было существенное увеличение производства потребительских товаров, в современной зарубежной литературе довольно отчетливо формулируется прежде всего в работах А.Янова. Он приводит высказывания Хрущева, из которых следует, что советский лидер был готов умерить аппетиты руководителей тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса и направить средства на развитие производства товаров для народа.

Ссылаясь, как, впрочем, и Г.Симон, на Дж.Бреслауэра, А.Янов доказывает, что главным препятствием на пути осуществления этих планов Хрущева стало ужесточение политики США в отношении СССР, выразившееся в резком наращивании гонки ядерных вооружений со стороны США. “Почему Соединенные Штаты так упорно стремились подорвать позиции советского реформистского лидера, закрывая для России таким образом одну из редких возможностей политической модернизации и развязывая яростную гонку вооружений, само по себе является загадкой”, — пишет А.Янов. Другим труднопреодолимым барьером на пути перехода к политике консьюмеризма было, по словам этого автора, сопротивление приверженцев закона преимущественного роста производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления².

Очевидно, ориентация на консьюмеризм в западном понимании в тот период в СССР была невозможна как по экономическим, так и по идеологическим причинам. Тем не менее в “хрущевское десятилетие” уделялось серьезное внимание увеличению производства товаров народного потребления и, в частности, предметов длительного пользования. Так, в 1960 г. населением было приобретено 1,5 млн телевизоров, 4,1 млн радиоприемников и радиол, 518 тыс холодильников, 907 тыс стиральных машин³. Годовое потребление тканей на душу населения составляло в этом же году 26,1 кв. м (158% к уровню 1950 г.)⁴. В то же время,

---

¹ Simon G. Op. cit. P. 22, 37.

² Y a n o v A. In the grip of the adversarial paradigm ... P. 168-170; B r e s l a u e r G.W. Khrushchev and Brezhnev ... L., 1982. P. 96.

³ См.: XX съезд КПСС ... С. 172.

⁴ См.: Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР. Конец 1930-х — начало 1960-х годов. Т. 2 / Под общ. ред. Ю.А. Полякова. М., 1984. С. 57.

как известно, ощущался дефицит целого ряда товаров, а партийно-государственное руководство страны отводило неоправданно большую роль общественным фондам потребления и коллективным формам материального стимулирования.

В зарубежной советологии не отрицается тот факт, что в 1950-е — первой половине 60-х гг. в СССР имели место масштабные достижения в атомной энергетике, освоении космоса, в ускорении научно-технического прогресса в важнейших отраслях промышленного производства. Успехи Советского Союза в этих областях производили в то время большое впечатление во всем мире. Так, в докладе Комитета экономического развития США (ноябрь 1957 г.), одобренном на его секретной сессии, говорилось: “За спутником мы видим ракету, а за ракетой мы видим передовую науку и технику. Но за ними скрывается нечто большее, это социалистическая система, система человеческих институтов, которая в данном случае приняла правильное решение о том, какие необходимо поставить цели, мотивировала и организовала усилия для их достижения.”¹

Тем не менее с течением времени оценки крупных научно-технических достижений СССР в хрущевский период, дававшиеся в зарубежной литературе, становились во многих случаях все более сдержанными. Так, Дж.Боффа считает, что “советская наука не опережала американскую. Первые космические успехи явились результатом деятельности блестящей группы ученых, возглавляемых академиком Королевым”. Итальянский историк отмечает, что последующее соревнование с американцами в области космоса показало, что у советских ученых было менее эффективное оборудование, чем у американских. Как вскоре стало ясно, советские ракеты отнюдь не превосходили американские.

В то же время, по словам Дж.Боффы, испытание в СССР баллистической ракеты и запуск первого искусственного спутника земли имели огромное значение для повышения роли Советского Союза в мировой политике. “Если до этого момента, — пишет Дж.Боффа, — в мире существовала одна сверхдержава, теперь появилась вторая, более слабая, но имеющая достаточный вес для определения всей мировой политики. На американцев, недооценивших возможности своего противника, это произвело шоковое впечатление. В определенном смысле они вновь открыли СССР и его действительность и должны были это осмыслить”². Весьма высоко оценивает запуск первого искусственного спутника Земли

¹ Цит. по: Уманский Л.А., Шаболдин С.С. Годы труда и побед. 1917-1987. М., 1987. С. 132.

² Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 468 — 469.

и А.Ноув. “Россия, — пишет он, — отсталый гигант, на которого так часто свысока смотрел развитый Запад,... ошеломила мир. Это было прекрасной рекламой советской системе”¹.

Специальный анализ проблем научно-технической политики в СССР в 1950-е — первой половине 60-х гг. содержится в работах Дж.Берлинера “Советская промышленность от Сталина до Горбачева. Очерки по управлению и инновации” (1988) и М.Берри “Наука, технология и инновация” (последняя опубликована в качестве главы в коллективной монографии “Хрущев и хрущевизм”)². По сравнению с Дж. Берлинером, который признает рациональность ряда важных шагов в области научно-технической политики, проводившейся в СССР при Хрущеве³, М.Берри выдвигает на первый план ее негативные аспекты, что далеко не всегда оправдано. Общий вывод этого автора сводится к тому, что Хрущеву не удалось решить задачу обеспечения непрерывного научно-технического прогресса в промышленности. Одной из причин этого была совнархозовская реформа⁴. Но не менее отрицательное влияние оказывали и просчеты в научно-технической политике, в частности, в организации и стимулировании инновации.

По мнению М.Берри, советское руководство не понимало, что увеличение расходов на НИОКР далеко не всегда означает соответствующее улучшение результатов. Сохранялась вера в то, что эффективность научно-технических разработок может быть значительно повышена в результате совершенствования управления и планирования, а специальные комитеты и комиссии в состоянии преодолеть сопротивление функционеров, контролирующих ресурсы. Хрущев и его окружение полагали, что промышленность может решить проблемы научно-технического прогресса в условиях жесткого планирования и что руководителей предприятий можно убедить внедрять технические новшества за сравнительно небольшое вознаграждение.

Серьезные проблемы возникали в связи с тем, что именно при Хрущеве система оплаты труда научных и инженерно-технических работников стала совершенно неэффективной. М.Берри считает, что такие меры, как премирование руководителей предприятий в зависимости от результатов научно-технического прогресса, создание централизованного фонда освоения новой техники, перевод

¹ Nove A. An economic history ... P. 354.

² Berliner J.S. Soviet industry ...; Berry M.J. Science, technology and innovation ... P. 71-94.

³ В частности, Дж. Берлинер пишет о целесообразности создания в 1960 г. центрального фонда освоения новой техники. См.: Berliner J.S. Soviet industry ... P. 235, 236.

⁴ См.: Berry M.J. Science, technology and innovation ... P. 90.

НИИ на хозрасчет и введение системы оценки экономической эффективности новой техники не достигли своих целей. Главной причиной этой ситуации, по мнению исследователя, были недостатки действовавшей системы ценообразования на новую технику. Поскольку на новую продукцию устанавливались временные цены, становившиеся во многих случаях постоянными, производители получали высокую прибыль и не были заинтересованы в дальнейшей инновации. В результате новая техника в расчете на единицу производительности оказывалась более дорогой, чем старая, что затрудняло внедрение технических новшеств в производство.

М. Берри приходит к выводу, что успешному решению задач в области НТР мешала и ориентация на сложившуюся при Сталине разрозненную систему специализированных научных учреждений при отсутствии серьезных попыток ее интеграции. В СССР недооценивался тот факт, что техника и технология не одно и то же, и не уделялось должное внимание развитию экспериментальной базы научных исследований. В результате при Хрущеве “фабрики оказались даже более изолированными от организаций, занимающихся НИОКР, и даже менее заинтересованными в действиях по собственной инициативе”. Указывая на эти недостатки, М. Берри в то же время отмечает, что “в области технического прогресса и преемники Хрущева не достигли больших успехов, чем он”¹.

Безусловно, проблемы в функционировании комплекса “наука — техника — производство”, о которых пишет М. Берри, действительно имели место, и они неоднократно являлись предметом специального обсуждения на разных уровнях партийно-государственного руководства и на совещаниях специалистов. Принимавшиеся меры иногда были половинчатыми и дестимулирующими и в целом не выходили за рамки подходов, свойственных административно-командной системе. Однако при всем этом невозможно отрицать, что в рассматриваемый период в области научно-технического развития нашей стране удалось приблизиться к мировому уровню, что свидетельствует о полезности целого ряда решений, принимавшихся в области НИОКР в тех условиях.

4. Новации в сельском хозяйстве

Невозможно отрицать тот факт, что в сельскохозяйственной политике советского руководства при Хрущеве, наряду с ошибками и просчетами, были серьезные достижения. Особенно большое значение для подъема сельского хозяйства имели решения сен-

---

¹ См.: B e r r y M.J. Science, technology and innovation ... P. 85, 88, 89, 91, 93, 94.

тябрьского (1953 г.) и некоторых других пленумов ЦК КПСС. Был взят курс на механизацию и электрификацию колхозов и совхозов, активное использование материальных стимулов увеличения продукции растениеводства и животноводства, расширение самостоятельности сельскохозяйственных предприятий.

Практически все исследователи, анализируя причины бедственного положения советского сельского хозяйства в конце 1940-х — начале 50-х гг., в качестве главной из них называют крайне низкие цены, по которым колхозы и совхозы были вынуждены отдавать свою продукцию государству. Как известно, заготовительные, закупочные и сдаточные цены на сельскохозяйственную продукцию во многих случаях были меньше затрат на ее производство, и в последние годы жизни Сталина эти нарушения в эквивалентности обмена продукцией между городом и деревней стали особенно разительными. Так, в 1927/28 г. 1 ц ржи соответствовал по стоимости 35 м ситца, 17 кг сахара и 21 кг растительного масла. В 1952 г. заготовительная цена 1 ц ржи равнялась по стоимости всего лишь 1,5 м ситца, 900 г сахара, 500 г растительного масла.¹ Такие цены не обеспечивали не только расширенное, но в ряде случаев и простое воспроизводство в колхозах и совхозах. Непомерно высоки были обязательные поставки колхозами продукции государству, колхозное крестьянство было буквально задавлено налогами.

Поэтому решение о повышении заготовительных цен на продукцию, сдаваемую государству в порядке обязательных поставок (на скот и птицу — в 5,5 раза, на молоко и масло — в 2, на картофель — в 2,5 раза и т. д.), уменьшении норм этих поставок, списании с колхозов всей задолженности по ним, снижении в 2,5 раза сельскохозяйственного налога с колхозных дворов и списании всех недоимок по этому налогу² были крайне необходимы для предотвращения развала коллективного сельского хозяйства.

Оздоровлению экономики колхозов и совхозов способствовали также повышение цен на продукцию, которую колхозы продавали государству сверх обязательных поставок, и введение более высоких сдаточных цен на продукцию совхозов. Разумным было решение об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работу МТС и переходе к заготовкам сельскохозяйственной продукции по единым ценам, дифференцированным по зонам (1958 г.). Важным было и то, что руководство страны пошло и на смягчение жесткой регламентации деятельности колхозов. В 1955 г. им

¹ Родина Советская. 1917-1987 / Под ред. М.П. Кима. М., 1987. С. 342.

² См.: Берхин И.Б. Указ. соч. С. 475.

позволили самостоятельно принимать решения об организации производства и использовании своих ресурсов при условии выполнения обязательных поставок продукции государству. Вполне закономерно, что все эти меры позитивно оцениваются как в отечественной, так и зарубежной историографии.

Многое делалось для укрепления материально-технической базы в деревне. Только за период 1954-1958 гг. колхозы и совхозы получили 664 тыс. тракторов (т.е. более 1 млн в пересчете на 15-сильные), 361 тыс. зерноуборочных комбайнов, 571 тыс. грузовиков¹. Правда, капиталовложения в сельское хозяйство в 1951-1960 гг. составляли только 18% от общего объема капиталовложений², однако по сравнению с предшествующим периодом, это был большой прогресс.

Экономические и организационные меры по подъему сельского хозяйства, осуществленные в 1950-е гг., в целом дали хорошие результаты. За период 1954-1958 гг. производство зерна в стране возросло с 82,5 до 134,7 млн т, мяса (в убойном весе) — с 5,8 до 7,7 млн т.³ Средняя урожайность зерновых культур в этот период (9,2 ц/га) была на 26% больше, чем в 1949-1953 гг.⁴ Среднегодовые темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства в 1954-1958 гг. в СССР (8%) значительно превышали соответствующий показатель для США (менее 2%). Реальные доходы колхозников в 1958 г. были больше, чем в 1952 г., в 1,6 раза. Увеличение продукции сельского хозяйства явилось материальной основой роста потребления важнейших продуктов питания. За период 1953-1959 гг. среднедушевое потребление мяса возросло на 27%, молока — на 40, яиц — на 44, сахара — на 37%⁵.

Изменения в государственной политике по отношению к крестьянству в 1950-е гг. были настолько значительны, что многие зарубежные авторы не без оснований говорят о начале нового этапа в жизни советской деревни. Что касается его качественных характеристик, то по этому вопросу можно выделить три основные точки зрения.

Первая точка зрения наиболее отчетливо сформулирована в монографии А.Янова "Драма советских шестидесятых годов: потерянная реформа". Он доказывает, что события, которые происходили в советской деревне в 1950-е гг., означали освобождение

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М., 1986. С. 331.

² История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 213.

³ См.: Воркунов С.А. Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР. М., 1980. С. 156.

⁴ Рассчитано по: История советского крестьянства. Т. 4... С. 265.

⁵ КПСС в резолюциях ... Т. 9... С. 331, 289; Родина Советская ... С. 372.

крестьянства от уз крепостничества, возрожденного в период коллективизации. По мнению А.Янова, как и в 20-е гг., крестьянство разделилось на “два лагеря” — на преисполненную чувства собственного достоинства и прилежную “крестьянскую элиту”, с одной стороны, и “болото”, с другой. В не столь отдаленной перспективе эта ситуация привела бы к разложению традиционной колхозно-совхозной системы и развитию в деревне процессов, напоминавших те, которые происходили после отмены в России крепостного права в 1861 г.¹ По мысли автора, перед российским сельским хозяйством открывались хорошие перспективы.

Вторая точка зрения имеет своей основой левацкие представления о буржуазном перерождении советского государства при Хрущеве и о развитии в СССР аграрного капитализма, несущего, по убеждениям ее сторонников, неисчислимыя беды крестьянству². Эта точка зрения не опирается на какие-либо научные доказательства и не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на зарубежную историографию.

Согласно третьей точки зрения, реформы Хрущева в области сельского хозяйства не изменяли его социалистическую природу и были направлены на повышение эффективности колхозно-совхозной системы и улучшение условий жизни населения деревни. Этот подход к интерпретации сельскохозяйственной политики Н.С. Хрущева, во всех существенных аспектах созвучный отечественной историографии, является преобладающим в современной зарубежной литературе и представлен работами наиболее авторитетных западных историков и экономистов, в том числе и марксистского направления.

Конечно, трактовки конкретных мероприятий Хрущева в области сельского хозяйства разными авторами, придерживающимися данного подхода, нуждаются в дифференциации. Например, советологи-объективисты, являющиеся идеологами рыночной экономики, критикуют Хрущева за его антипатию к рынку, в то время как авторы-марксисты не видят в этом какой-либо особой проблемы. Однако как те, так и другие повышение закупочных и заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию в соответствии с решениями сентябрьского 1953 г. пленума ЦК КПСС считают важнейшим моментом, характеризующим изменение отношения властей к проблемам сельского хозяйства.

Никто из зарубежных исследователей не отрицает благотворного влияния этой меры на социально-экономическое развитие

¹ См.: Я н о в А. The drama of the Soviet 1960s ... P. XVI, 107.

² См., например: How capitalism has been restored in the Soviet Union and What this means for the world struggle. Chicago, 1974. P. 25.

советской деревни. В то же время ряд западных авторов справедливо подчеркивают ее ограниченный характер. Например, А.Ноув отмечает, что одновременно с повышением цен были увеличены государственные закупки, вследствие чего заметно сократились возможности хозяйств продавать продукцию по еще более высоким ценам на рынке. Практически не изменились цены на хлопок¹.

В качестве недостатка новой системы ценообразования на сельскохозяйственную продукцию А.Ноув называет и разницу в ценах по обязательным и сверхплановым поставкам. Поскольку цены на продукцию, сдававшуюся сверх плана, были выше, средняя цена на продукцию экономически слабых хозяйств оказывалась меньше, чем на продукцию более сильных, так как у последних был больше удельный вес сверхплановых поставок. Кроме того, в урожайные годы, когда была больше доля сверхплановой продукции, продукты сельского хозяйства обходились государству в среднем дороже, чем в обычные годы, что было лишено какого-либо экономического смысла. Тем не менее, оценивая результаты этой реформы ценообразования, А.Ноув пишет, что "чистый эффект был позитивным и ощутимым"².

Весьма положительную характеристику в зарубежной литературе получают послабления властей в отношении личного подсобного хозяйства (снижение в два раза налогов и списание недоимок за прошлые годы). Данные меры обычно связывают с именем Г.М. Маленкова, хотя в разработке предложений на этот счет весьма немалой могла быть и роль ЦК. По существу речь шла об изменении отношения властей к личному подсобному хозяйству. Характеризуя эту реформу, Дж.Боффа определяет ее как "возвращение к компромиссу, уже существовавшему в отношениях с колхозниками в середине 30-х гг., который был затем шаг за шагом разрушен сталинской политикой"³.

А.Ноув, давая оценку этой политики, считает, что для крестьян она была даже более важной, чем повышение государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию⁴. В то же время он является единственным из рассматриваемых нами авторов, кто обратил внимание на то, что в первое пятилетие нахождения у власти Н.С. Хрущева уменьшился объем продукции крестьянских хозяйств, продаваемой на колхозном рынке. По мнению А.Ноува, это связано не столько с развитием кооперативной комиссионной торговли сельскохозяйственной продукцией, сколько с

¹ N o v e A. An economic history ... P. 328.

² Ibid. P. 328, 338.

³ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 407.

⁴ См. : N o v e A. An economic history ... P. 329.

укреплением трудовой дисциплины в колхозах и совхозах и с отсутствием у крестьян свободного времени для торговли на рынке. Общий вывод А.Ноува сводится к тому, что “очень существенное увеличение денежной оплаты коллективного труда и потребления крестьянами продукции своего собственного производства в известной мере было нейтрализовано незначительным ростом натуроплаты и уменьшением стоимости продаж на рынке”¹.

Как известно, в 1950-е гг. были укрупнены мелкие колхозы. Эта мера в современной зарубежной литературе оценивается неоднозначно. Например, Н.Верт главную цель укрупнения видит в создании “мощных “колхозных союзов”, способных стать началом подлинной индустриализации сельского хозяйства”. По его мнению, это была “первая серьезная попытка” решения проблемы “реальной интеграции колхозного сельского хозяйства”, основанная на возрождавшейся идее агрогородов и закончившаяся неудачей вследствие отсутствия средств для крупных капиталовложений, необходимых для осуществления подобных проектов².

Дж.Боффа останавливается на другой инициативе Н.С. Хрущева, которая должна была дополнять меры по укрупнению колхозов, — на программе реконструкции деревень, которая предусматривала строительство в сельской местности больших поселков с современными жилищами, имеющими все необходимые удобства. Итальянский историк считает, что “в этом проекте уже отразились некоторые противоречивые качества личности его автора, которые ... приобретут гигантские масштабы в ходе его последующей работы в правительстве”. При этом Дж.Боффа имеет в виду сочетание в данной программе вполне реального стремления обновить сельскую жизнь и утопии, поскольку было неясно, откуда колхозы могли взять деньги на строительство современных поселков³.

Характеризуя процесс преобразования колхозов в совхозы, зарубежные авторы подчеркивают разнообразие мотивов и целей, преследовавшихся при этом. Так, А.Ноув пишет, что в одних случаях имелось в виду создание крупных государственных сельскохозяйственных предприятий по производству овощей и молока, в других — оздоровление находившихся на грани разорения колхозов, в третьих — облегчение получения финансовой помощи из Москвы⁴.

---

¹ Ноуе А. An economic history ... P. 337.

² Верт Н. Указ. соч. С. 360.

³ Боффа Дж. Указ. соч. С. 408.

⁴ См.: Ноуе А. An economic history ... P. 336.

Осуществление названных мер было связано с немалыми издержками, и их влияние на социально-экономическое развитие советской деревни было неоднозначным. В частности, в результате укрепления колхозов, проведенного в 1950-1953 гг., доля колхозов с площадью посевов более 1000 га увеличилась с 10,9 до 52,6%. Заметно улучшился состав руководящих кадров, поскольку на работу в деревню было направлено большое число высококвалифицированных специалистов. Все это положительно сказалось на экономике колхозов, денежные доходы которых возросли за три года на 45%¹. Однако, как правильно отмечается в современной отечественной литературе, с укрупнением колхозов связано и появление таких серьезных проблем, как заброшенность “неперспективных” селений и усиление оттока молодежи в города².

Определенное значение для роста экономического потенциала колхозов, расширения их хозяйственной самостоятельности и увеличения эффективности производства имели реорганизация МТС и переход к продаже сельскохозяйственной техники непосредственно самим колхозам. На февральском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС было признано, что существовавшая форма производственно-технического обслуживания колхозов с помощью техники МТС перестала способствовать развитию производительных сил деревни, порождала обезличку в руководстве и снижала ответственность за рост урожайности, поскольку на одной земле хозяйствовали два предприятия — колхоз и МТС³.

Как известно, преобразование машинно-тракторных станций в ремонтно-технические, передача техники из МТС колхозам, начало продажи тракторов, зерноуборочных комбайнов и других машин непосредственно самим колхозам рассматривались в нашей стране как крупный шаг в развитии колхозной системы. По официальным оценкам, в результате этих мероприятий возросла эффективность использования сельскохозяйственной техники, несколько увеличилась производительность труда⁴. Названные меры означали серьезное изменение формы производственно-экономических связей между государством и колхозами и имели благоприятные социальные последствия.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 2. М., 1980. С. 346, 348.

² См.: Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С. 153. Отметим, что некоторые наши исследователи к укрупнению колхозов относятся резко критически, утверждая, в частности, что “все это представлялось как концентрация производства, но на деле имел место худший вариант его централизации с последующими отрицательными показателями эффективности” (XX съезд КПСС ... С. 121 — 122).

³ КПСС в резолюциях ... Т. 9 ... С. 232.

⁴ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980. С. 404.

Говоря о реорганизации МТС, Н.Вайн выдвигает на первый план то, что “функция политического контроля” за колхозами перешла от МТС к партийным организациям¹. Н.Верт, напротив, в результатах этой реформы видит прежде всего экономические аспекты и признает, что “эта мера, несомненно, позволила многим колхозам улучшить организацию и поднять производительность труда”. В то же время французский историк называет и негативные аспекты влияния данной реформы на советское сельское хозяйство. “Немедленная и обязательная ликвидация МТС”, пишет Н.Верт, имела своим следствием резкое ухудшение финансового положения беднейших колхозов и переезд в города большого количества специалистов по ремонту сельскохозяйственной техники, боявшихся, что их приравняют к колхозникам².

Общность двух реформ (укрупнения колхозов и реорганизации МТС) французский историк усматривает в том, что они были по своему характеру административными и не могли не быть таковыми “в отсутствие продуманной инвестиционной политики в аграрном секторе”. Последняя же, по мысли Н.Верта, затруднялась тем, что “государство не решалось перенести на розничные цены прибавку, получаемую производителями с 1953—1954 гг.”³.

Большое значение реорганизации МТС придается в анализе хрущевских реформ в упоминавшейся книге итальянского марксиста Дж.Боффы. В отличие от Н.Вайна, он считает эту реформу экономической, причем “единственной экономической реформой Хрущева, которая пережила его”. Вывод Дж.Боффы о том, что ликвидация МТС “усиливала самостоятельность крестьянского хозяйства”, конечно, является преувеличением. Но бесспорно другое: продажа техники колхозам означала отход от сталинской догмы, в соответствии с которой все важнейшие средства производства должны быть государственными. Имея в виду данное обстоятельство, Дж.Боффа пишет, что “эта реформа не осталась простой реорганизацией, а потребовала более глубоких изменений”. Все это, однако, не исключало тот факт, что “результат оказался разочаровывающим”. По мысли итальянского ученого, неудовлетворительные итоги реорганизации МТС связаны не с ошибочностью концепции реформы, а с методами ее проведения (поспешностью и отсутствием дифференцированного подхода к хозяйствам и районам)⁴.

¹ We i n N. Die Sowjetunion. Paderborn et al., 1983. S. 93.

² В е р т Н. Указ. соч. С. 360.

³ Там же.

⁴ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 485.

Негативная оценка результатов реформы 1958 г., аналогичная той, которую дает в своей книге Дж.Бэффа, является преобладающей в зарубежной литературе¹. Однако некоторые авторы в отношении ее результатов настроены более оптимистически. Так, Р.Миллер (США), специально занимавшийся изучением истории советских МТС, считает, что несмотря на определенные издержки, связанные с поспешностью в осуществлении данной реформы, “ликвидация системы МТС, очевидно, дала советскому сельскому хозяйству многочисленные выгоды в долгосрочной перспективе. Она не только облегчила огромное экономическое бремя, лежавшее на колхозах и государстве, но — что даже еще более важно — дала руководителям колхозов так необходимый им опыт в управлении всем производственным процессом. Этот опыт, несомненно, усиливал возможности дальнейшего развития колхозной системы ...”².

Некоторые западные исследователи связывают с ликвидацией МТС изменения в советской экономике, имевшие системный характер. Так, Дж.Миллар считает, что данная реформа означала отказ от сталинской модели социалистического сельского хозяйства³. А. Янов обосновывает вывод о том, что ликвидация МТС, будучи важнейшим элементом “десталинизации советского сельского хозяйства”, равно как и начало распространения в 1959 г. звеньевого подряда, способствовали формированию в деревне “крестьянской элиты”, которой было тесно в традиционных колхозах и совхозах. В этом смысле реформы Хрущева в перспективе могли бы иметь для сельского хозяйства те же результаты, на которые в свое время была ориентирована реформа Столыпина⁴.

Необходимо подчеркнуть, что как бы ни оценивали результаты реформы 1958 г. зарубежные исследователи, большинство из них не отрицают ее целесообразность. Это в полной мере относится и к представителям западной марксистской историографии, что подтверждается приведенными выше выводами Дж.Бэффы. Необходимость ликвидации МТС признает и французский марксист Ж.Эллейнштейн, констатируя, что “они уже больше не отвечали новым потребностям советского сельского хозяйства”⁵.

Редким исключением являются публикации ультралевого толка, в которых, например, утверждается, что ликвидация МТС

¹ См. также: Smith G.A.E. Agriculture ... P. 101, 102.

² Miller R.F. One hundred thousand tractors. The MTS and the development of controls in Soviet agriculture. Cambridge, 1970. P. 341.

³ См.: Millar J.R. Post-Stalin agriculture and its future // The Soviet Union since Stalin / Ed. by S.F. Cohen et al. Bloomington, 1980. P. 139.

⁴ Yanov A. In the grip of the adversarial paradigm ... P. 163.

⁵ Elleinstein J. Histoire de l'U.R.S.S. T. 4. P., 1975. P. 146.

разрушала систему коллективного сельского хозяйства, ослабляла контроль за колхозами со стороны центральных плановых органов, “усиливая таким образом элемент капиталистической анархии в экономике”, помогала экономически крепким колхозам обогащаться за счет более бедных, способствовала расширению влияния в деревне “буржуазных экспертов и руководителей” и развитию “аграрного капитализма”¹.

Любопытно, что как и у А.Янова, в цитируемой работе подчеркивается прямая связь между реформами Хрущева и, в частности, ликвидацией МТС, и реформой Столыпина. “На самом деле, — отмечается в ней, — политика Хрущева была всего лишь вариантом “ставки на сильного”, к которой призывал царский министр Столыпин в 1908 г. и ренегат Бухарин в конце 20-х. В то время как Столыпин и Бухарин полагались в развитии сельского хозяйства на небольшое количество богатых крестьян за счет бедняцких крестьянских масс, Хрущев обнаруживал тенденцию полагаться на небольшое число богатых колхозов”². Очевидно, данный пример лишний раз подтверждает возможность совпадения взглядов по конкретным вопросам экономической истории СССР авторов, придерживающихся противоположных идеологических ориентаций.

Отметим, что в отечественной литературе последних лет можно встретить точку зрения, согласно которой ликвидация МТС в 1958 г. подтверждает тот факт, что и на ранних стадиях развития колхозного строя их существование не определялось экономическими потребностями. Так, Б.В. Зембатова, анализируя эту меру, пишет, что “причины создания МТС формальные, а функции надуманные ...”³. На наш взгляд, такое суждение является все-таки крайним. В 1920-х — 30-х гг. МТС не только выполняли функции органа управления сельским хозяйством, но и обеспечивали колхозы техникой, на приобретение которой у многих хозяйств не было средств. Нельзя не учитывать и дефицит кадров механизаторов и технических специалистов в советской деревне в тот период. Другое дело, что период существования машинно-тракторных станций в СССР оказался слишком длительным. Это оправдывалось прежде всего политическими, а не экономическими причинами.

Одной из крупных задач, которая решалась в нашей стране в 1950-е гг., являлось освоение целинных и залежных земель в районах Казахстана, Сибири и Урала. В 1954-1956 гг. было распахано

¹ How capitalism has been restored in the Soviet Union ... P. 25, 53.

² Ibid. P. 25.

³ Зембатова Б.В. Указ. соч. С.86. См. также с. 88.

35,9 млн га целинных земель¹. Уже в первые годы целинной эпопеи на освоенных землях было создано 425 совхозов, большое количество машинно-тракторных станций, развернулось широкое строительство дорог². Целина превратилась в район высокотоварного зернового производства.

Характеризуя цели кампании по освоению целинных и залежных земель, зарубежные авторы, в отличие от советской историографии доперестроечного периода, называют не только экономические, но и политические причины. Так, Н.Верт пишет, что “освоение целинных земель должно было стать не только дешевым способом немедленно увеличить производство, но и весомым аргументом — в силу необходимости увеличения парка сельхозмашин и тракторов, которого требовал этот замысел, — в пользу подчинения этой программе значительных секторов тяжелой промышленности, находившейся с конца войны под особой опекой Маленкова”. По мысли Н.Верта, ратуя за освоение целины, Хрущев мог выступать как выразитель интересов широких слоев населения и одновременно подрывать влияние своего политического противника³. Аналогичный подход обнаруживается и у другого зарубежного исследователя истории СССР Дж.Бэффы, который называет выдвижение идеи освоения целинных и залежных земель “подлинной и непосредственной атакой на Маленкова”, считавшего зерновую проблему решенной⁴.

В то же время ряд исследователей не согласны с такой политизированной трактовкой мотивов принятия решения об освоении целинных и залежных земель. В частности, А.Ноув напоминает, что решением начать целинную эпопею Н.С. Хрущев реализовал план, который был принят еще в 1940 г.⁵ Эта же идея проводится в статье Р.Миллса, в которой анализируется подготовка решений, связанных с освоением целины⁶.

Многие западные авторы признают целесообразность и своевременность освоения целинных и залежных земель и его большое влияние на судьбы советского сельского хозяйства. Например, Г.Смит (Великобритания) подчеркивает, что курс на освоение целины “представлял собой радикальный поворот в послевоенной советской сельскохозяйственной политике и свидетельствовал о понимании руководством того, что дальнейший экономи-

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.5. Кн. 2 ... С.364.

² См.: Боголюбов К.М. Верным курсом. М., 1984. С. 126.

³ В е р т Н. Указ. соч. С. 341.

⁴ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 409.

⁵ См.: Н о в е А. An economic history ... P. 330.

⁶ См.: М и л л с R. The formation of the Virgin Lands policy // Slavic Review. Vol. 29. 1970. № 1. P. 58.

ческий рост не мог больше основываться на изъятии “излишка” из сельского хозяйства без учета того, как это отразится на его развитии”¹.

Другой английский советолог М.Макколи считает, что хотя надежды на превращение Казахстана в основного поставщика хлебного зерна и не оправдались, тем не менее “смелая акция Хрущева по продвижению на восток, предпринятая в 1954 г., была правильной”, поскольку в этих районах были плодородные земли, а интенсификация земледелия в традиционных зонах потребовала бы огромных капиталовложений и удобрений в таком количестве, которого в стране не было. По мнению М.Макколи, эта акция имела успех, “по крайней мере, до 1958 г.”² Дж.Р. Миллар также считает, что “это была смелая акция, предпринятая Хрущевым, чтобы выиграть время для интенсификации земледелия в его традиционных районах”³. Аналогичную точку зрения высказывает Н.Верг, признавая, что с учетом нехватки минеральных удобрений в тот период “действительно имело смысл на некоторое время ввести в оборот потенциально очень богатые земли”⁴.

В то же время в современной зарубежной историографии по этой проблеме можно встретить и точку зрения, отличающуюся немалым скептицизмом. Так, Ф.Хольцман (США) обращает внимание на низкое плодородие целинных земель, вследствие чего “общий экономический эффект не покрывал затраты”⁵. Дж.Хоскинг отмечает, что в силу природно-климатических условий урожаи на целинных землях не могли быть устойчивыми и, кроме того, следовало считаться с возможностью эрозии почв. По его мнению, “в целом кампания по “освоению целины” провалилась”. Однако этот автор признает, что “она действительно дала рост производства зерна в самый критический момент и таким образом создала передышку, которая позволила повсеместно провести реформу сельского хозяйства. К тому же это был первый случай в истории СССР, когда сельское хозяйство привлекло к себе скудные в целом ресурсы, оказавшись в центре внимания государственной политики”⁶. Близкой позиции придерживается и Дж.Боффа⁷.

Для скептического отношения к целинной эпопее есть известные основания, поскольку природно-климатические условия

¹ Smith G.A. E. Agriculture ... P. 103.

² McCauley M. Khrushchev and the development of Soviet agriculture ... P. 216, 217, 219.

³ Millar J.R. The ABCs of Soviet socialism. Urbana et al., 1981. P. 54.

⁴ Верг Н. Указ. соч. С. 342.

⁵ Holzman F.D. The performance of the Soviet economy: past, present and future. Washington, 1982. P. 8.

⁶ Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 368.

⁷ Боффа Дж. Указ. соч. С. 411.

на целине, как известно, недостаточно благоприятны для производства зерна. Вскоре пришлось считаться с падением урожайности в связи с истощением естественного плодородия целинных земель. Серьезной проблемой стали эрозия почв и пыльные бури. Однако, в конкретно историческом контексте, на наш взгляд, ближе к истине те экономисты и историки, которые признают рациональность освоения целины. Следует иметь в виду, что, как подчеркивает М.Макколи, интенсификация сельского хозяйства в традиционных районах земледелия, в частности, в Нечерноземье, потребовала бы существенного увеличения производства минеральных удобрений или же их импорта в больших количествах. Как тот, так и другой путь были нереальными, особенно если учесть, что в стране, только что залечившей раны войны, нельзя было отказаться от приоритета тяжелой промышленности¹.

Освоение целины дало определенный экономический эффект. Известно, например, что в 1954—1977 гг. на сельское хозяйство Казахстана было затрачено 21,1 млрд руб., в виде налога с оборота от продажи хлеба получено 27,2 млрд руб. (в новом масштабе цен)². Ощутимым был вклад освоенных земель в хлебный баланс страны. За период 1953—1978 гг. валовой сбор зерна в основных районах освоения целинных и залежных земель увеличился с 27 до 90,5 млн т, причем товарность по зерну в этих районах составляла около 50% (в других зонах — 33%)³. Следует также учитывать, что увеличение производства зерна на целинных и залежных землях позволяло расширить посевы риса на Кубани, на юге Казахстана и в Средней Азии, а также повысить роль кормовых и технических культур в севооборотах.

Наибольший эффект освоения целинных и залежных земель относится к 1954—1958 гг. В этот период себестоимость 1 т зерна на целине была почти в 2 раза меньше, чем в среднем по стране. В нашей литературе отмечалось также, что стоимость пшеницы, выращенной на целинных землях в первые годы их освоения, в 16 раз превышала стоимость сена, которое можно было получить с этих земель⁴.

В ответе на вопрос о том, насколько правильным был курс на освоение целины, нельзя не учитывать, что его осуществление дало мощный импульс развитию всей экономики Казахстана, хотя, конечно, при этом не удалось избежать возникновения ряда демографических проблем, а также отвлечения ресурсов из нечерно-

¹ М с С а u l e y М. Khrushchev and the development of Soviet agriculture ... P. 216, 217.

² Боголюбов К.М. Указ. соч. С. 126-127.

³ История социалистической экономики СССР. Т.6. ... С. 385, 386.

⁴ Там же. С. 385, 386.

земных районов СССР. Не забывая о трудностях и просчетах, которые имели место в ходе освоения целинных и залежных земель, все-таки можно, на наш взгляд, согласиться с мнением Н.Вайна, который пишет, что “результаты, полученные при этом государством и ... работниками, причем не в последнюю очередь молодежью, вполне заслуживают признательности и уважения“, поскольку “большие затраты полностью окупились“, а целина превратилась в один из основных районов производства зерна¹.

Долгое время в отечественной историографии по проблеме целесообразности и экономической эффективности освоения целинных и залежных земель господствовали традиционные взгляды, согласно которым этот путь был единственно оправданным. Однако в последнее десятилетие стала получать распространение и противоположная точка зрения. Например, И.В. Русинов доказывает, что прирост производства зерна, равный урожаю на целине, можно было получить при тех же затратах на старопахотных землях, так что “целина как эпопея — результат непоследовательного осуществления курса на интенсификацию сельскохозяйственного производства ...”².

С другой стороны, оппоненты такого подхода (в частности, Ю.П. Денисов) обращают внимание на традиционно низкую отдачу капиталовложений в сельское хозяйство Нечерноземной зоны. Так, в 1973 — 1985 гг. урожайность зерновых в этом регионе возросла незначительно (с 13,8 до 14,4 ц/га), хотя объем капиталовложений в 1976 — 1984 гг. составил 65 млрд руб. Подчеркивается также, что нельзя не учитывать высокое качество твердых сортов целинной пшеницы³.

В современной отечественной историографии по этой проблеме существует и компромиссная точка зрения, сторонники которой делают акцент на рассмотрении вопроса о целесообразности освоения целины в контексте всей экономической политики и признают (с разными оговорками) правомерность обоих вариантов увеличения производства зерна в СССР в тот период. Это, однако, не исключает их критического отношения к целинной кампании.

Например, Е.Ю. Зубкова, имея в виду возможности увеличения валового сбора зерна за счет роста урожайности в освоенных районах и распашки целинных и залежных земель, пишет, что

---

¹ Wein N. Op. cit. S. 130.

² Русинов И.В. Аграрная политика КПСС ... С. 40, 41. См. также: XX съезд КПСС ... С. 113-115, 131.

³ См.: Денисов Ю.П. Избегать односторонности // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 63, 64.

“по-видимому, и тот и другой путь были бы правомерны, окажись они сопутствующими звеньями в цепи решений продовольственной проблемы. Но этого как раз и не произошло ...”. Она обращает внимание на то, что “однозначный поворот к целине, по существу, означал отказ от интенсивных методов подъема сельского хозяйства, возвращение на прежнюю дорогу “резервного” развития экономики на основе использования новых ресурсов — благо таковые еще существовали”. Взяв курс на освоение целины, советское руководство, пишет Е.Ю. Зубкова, выбрало “панацейный” метод решения экономических проблем, что на практике часто приводит “к внеэкономическому принуждению либо сознательному энтузиазму”. История целинной эпопеи, как известно, не опровергает этот вывод¹.

Близкой точки зрения придерживаются и Ю.В. Аксютин и О.В. Волобуев, которые, не отрицая целесообразность расширения пахотных земель в новых районах, считают, что было бы разумно “ограничить масштабы освоения целины на Востоке, уделив больше внимания обустроиванию старых земель”². Конечно, это положение приобретает особую актуальность с учетом реалий, сложившихся после распада СССР.

Наконец, следует отметить интересную точку зрения по данной проблеме, сравнительно недавно сформулированную И.А. Благих. По мнению этого автора, освоение целинных и залежных земель явилось “очередным средством, способствующим промышленному скачку”³. Обосновывая свою позицию, И.А. Благих обращает внимание на то, что еще в конце 1920-х гг. освоение новых земель рассматривалось как один из источников средств для индустриализации. Дело в том, что основной формой сельскохозяйственных предприятий на этих землях, как правило, являлись совхозы, а через них государству извлекать земельную ренту гораздо проще, чем даже через колхозы.

Таким образом, в условиях существования значительных различий между народнохозяйственной (государственной) рентабельностью и рентабельностью совхозов, пишет И.А. Благих, “малорентабельные целинные зерновые совхозы приносили государству значительные доходы”. Средства, полученные, например, в виде налога с оборота на хлеб и хлебопродукты, могли использоваться для подпитки промышленности. По мнению И.А. Благих, других надежных источников финансирования индустриального развития в тот период у государства не было. Отсюда следует, что

¹ Зубкова Е.Ю. После войны ... С. 307.

² Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Указ. соч. С. 148.

³ Благих И.А. Указ. соч. С. 207.

“хозяйственные реформы Н.С. Хрущева представляют собой логическое продолжение того самого “очередного нажима” на сельское хозяйство, которое по-своему предполагал совершить Сталин с целью предотвращения надвигающегося кризиса промышленности”¹.

Как видим, дискуссия по вопросу о целесообразности и экономической эффективности освоения целинных и залежных земель выявила довольно различные точки зрения и мнения. Некоторые из них существовали уже в 1950-е гг. и обсуждались при подготовке соответствующих решений партии и правительства. Другие же были сформулированы позже с учетом сложившихся реалий и исторического опыта. Однако и в настоящее время эта дискуссия не может считаться завершенной. Немалый интерес в этой связи представляют и охарактеризованные выше результаты исследований зарубежных авторов.

При всех различиях в оценках конкретных аспектов аграрной политики Н.С. Хрущева, проводившейся в 1953—58 гг., отечественные и зарубежные исследователи единодушны в том, что она открывала перед советским сельским хозяйством новые возможности. Есть немало подтверждений того, что эта политика вселяла в многомиллионные массы крестьянства надежды на лучшее будущее деревни. Однако позитивный потенциал по преимуществу административных реформ Хрущева в области сельского хозяйства был к концу этого периода исчерпан, а последующие реорганизации и новации неизбежно оказывались неэффективными и ошибочными. Поэтому есть немало оснований для критических оценок этого периода аграрной политики, даваемых как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Как известно, в годы семилетки (1959-1965 гг.) темпы развития советского сельского хозяйства заметно снизились, планы увеличения продукции растениеводства и животноводства не были выполнены. Валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в 1965 г., по сравнению с 1959 г., всего лишь на 14,9%, производство зерна — на 1,3, мяса — на 12,4, молока — на 17,7%². Если же учесть, что за период 1959-1965 гг. численность населения СССР возросла с 208,8 до 232,2 млн человек³, результаты в области сельского хозяйства оказываются явно недостаточными. Оставляли желать лучшего и показатели эффективности сельскохозяйственного производства. Так, за период 1960-1964 гг. средняя урожайность зерновых культур увеличилась всего лишь на 0,8 ц, а

¹ Благих И.А. Указ. соч. С. 207, 209, 212.

² Рассчитано по : Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976. С. 311.

³ Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 7.

удой молока на 1 корову в общественном хозяйстве уменьшились более чем на 370 кг¹.

Отечественные и зарубежные исследователи единодушны в том, что серьезный вред развитию сельского хозяйства был нанесен проявлениями субъективизма и волюнтаризма, допущенными в руководстве этой отрасли. Так, совершенно неоправданным было непомерное расширение посевов кукурузы, в том числе в районах, непригодных для ее возделывания по природным условиям². Под кукурузу отводились огромные площади, хотя во многих областях Нечерноземья, Прибалтики и Белоруссии она не вызревала. Причины низких урожаев и гибели посевов этой культуры усматривались в нерадивости руководителей.

На развитие нашего сельского хозяйства отрицательно сказывались и другие просчеты. Так, преобразование колхозов в совхозы было далеко не всегда экономически оправданным и фактически означало попытку ускорить слияние колхозно-кооперативной собственности с общенародной. Небезболезненным был и процесс реорганизации МТС. Она осуществлялась поспешно, не было проявлено должной гибкости в дифференциации сроков оплаты колхозами полученной ими техники. Как известно, у многих из них возникли трудности с ее ремонтом (в частности, потому, что хорошо оснащенные ремонтные мастерские нередко передавались несельскохозяйственным организациям, например, совнархозам).

Негативные последствия имело и введение необоснованных ограничений на личное подсобное хозяйство колхозников и рабочих совхозов под предлогом создания лучших условий для развития хозяйства общественного. Между тем роль личного подсобного хозяйства в производстве сельскохозяйственной продукции была значительной. В 1958 г. оно давало 27% товарной продукции мяса, 16% — молока, 61% — яиц, 11% — шерсти³. Свертывание личного подсобного хозяйства имело весьма негативные долговременные социально-экономические последствия.

Рост производства сельскохозяйственной продукции в годы семилетки сдерживался серьезными просчетами в планировании его материально-технического обеспечения. Так, ошибочным оказалось решение о сокращении производства сельскохозяйственной техники после реорганизации МТС в расчете на то, что в колхозах она будет использоваться намного лучше. На развитии

¹ См.: Воркунов С.А. Указ. соч. С.156.

² Впрочем, некоторые современные отечественные авторы считают критику кампании по расширению посевов кукурузы ошибочной. См., например: Федоров Г. Указ. раб.

³ История советского крестьянства. Т. 4 ... С. 273.

сельского хозяйства отрицательно сказались значительное увеличение цен на технику и запасные части, невыполнение плана по производству минеральных удобрений, отмена премий-надбавок за перевыполнение плана по производству хлопка, сахарной свеклы (в 1958 г.), а также сохранявшееся неправильное отношение к личному подсобному хозяйству. Становилась очевидной и низкая эффективность использования земли вследствие непродуманного применения травопольной системы и насаждения посевов кукурузы в районах, непригодных для возделывания этой культуры по природным условиям.

Ошибки и просчеты в аграрной политике были главной причиной того, что в стране сложилась напряженная ситуация в снабжении населения продовольствием. Государству пришлось пойти на повышение розничных цен на мясо и масло, что вызвало массовое недовольство, принимавшее в ряде случаев крайние формы. В 1963 г. СССР вынужден был начать импортировать зерно, расходуя на эти цели золото и валюту. По словам Дж.Хоскинга, «это стало для Хрущева ошеломляющим унижением — он потерпел поражение именно в той области, которую считал своей специальностью»¹. В этих условиях оказалась дискредитированной в глазах населения вся политика Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства, хотя в ней, как уже отмечалось, было много позитивного, особенно в 50-е годы. Серьезные упущения в руководстве сельским хозяйством, волонтаризм и субъективизм были, как известно, главным объектом критики на Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г., освободившем Н.С.Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Солидаризируясь с отечественными исследователями в оценке общих причин замедления развития сельского хозяйства СССР в годы семилетки, западные советологи называют в ряде случаев и такие проблемы, на которые не обращалось внимания в советской историографии. Одна из них состоит в том, что оплата труда в общественном секторе, даже с учетом ее некоторого снижения в 1958—1960 гг., была существенно выше, чем при Сталине, но материальные стимулы оказались недостаточными для дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства.

Пожалуй, единственным зарубежным исследователем, кто поставил и пытался решить эту безусловно важную проблему, был А.Ноув. Его аргументация не лишена оснований и сводится к следующему. Во времена Сталина государственные заготовки

---

¹ Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 370-371.

сельскохозяйственной продукции рассматривались как тяжелый натуральный налог, а крестьяне в основном жили на доход от личного подсобного хозяйства, отдавая колхозу лишь часть рабочего времени. Поэтому тот факт, что на доходы от общественного хозяйства нельзя было прожить, не имел катастрофических последствий. При Хрущеве сложилась иная ситуация. Власти приняли меры по увеличению производства сельскохозяйственной продукции и особенно мяса и молока, что привело к резкому увеличению затрат труда в общественном секторе. В этой ситуации ни условия труда в колхозах и совхозах, ни его оплата не были адекватными и не могли сыграть стимулирующую роль в подъеме сельского хозяйства¹.

Необходимо отметить, что некоторые известные зарубежные советологи, признавая серьезные просчеты в аграрной политике Н.С. Хрущева, тем не менее дают более высокую оценку состояния сельского хозяйства СССР в последние годы его правления, чем это было принято в советской историографии. Так, Дж.Хоскинг подчеркивает, что хотя в засушливом 1963 г. было собрано всего лишь 107 млн т зерновых, “до 1953 г. это было бы выдающимся достижением — и такова истинная цена того, что сделал Хрущев”². Г.Смит, сравнивая показатели производства зерна, мяса и молока в СССР в 1953 — 56 и 1961 — 64 гг., также приходит к выводу, что говорить о провале сельскохозяйственной политики Хрущева нет оснований, а главная проблема состояла в том, что рост производства оказался меньше ожидаемого и при директивно устанавливаемых ценах спрос на продовольствие превышал предложение, тем более что расходы населения на продукты питания росли быстрее, чем денежные доходы³. А.Янов солидаризируется с мнением Д.Джонсона, согласно которому состояние сельского хозяйства, унаследованное командой Брежнева от Хрущева, было лучше, чем то состояние, с которым пришлось иметь дело правительству Андропова.⁴

Разумеется, осложнение ситуации в сельском хозяйстве СССР нельзя связывать только с ошибками Н.С. Хрущева. В отличие от советской историографии брежневского периода, западные авторы обнаруживают понимание этого обстоятельства. Так, А.Ноув пишет, что “основные проблемы сельского хозяйства, конечно, не были результатом деятельности Хрущева. Он слишком много вмешивался, реорганизовывал и проводил кампании, однако он

¹ Novе А. An economic history ... P. 367 — 368.

² Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 370.

³ Smith G.A.E. Agriculture ... P. 108.

⁴ См.: Янов А. In the grip of the adversarial paradigm ... P. 165.

был наследником примерно тридцатилетнего периода пренебрежения (к сельскому хозяйству. — В. В. Д.) и обнищания, а также системы, в которой изменение могло произойти только по приказу сверху, поскольку к инициативе со стороны крестьянина или даже руководства колхозов она относилась с инстинктивной подозрительностью”¹.

Другие исследователи пишут о кризисе советского сельского хозяйства в последние годы правления Н.С. Хрущева, вызванном прежде всего системными причинами. Например, Н.Верт считает, что кризис был связан с “отсутствием сколько-нибудь глубокой реформы колхозного строя, принципы которого (ценообразование, производственные отношения, планирование), ориентированные в конечном счете на изъятие, делали невозможным расширенное воспроизводство”².

Концепции кризиса советского сельского хозяйства во второй период правления Н.С. Хрущева придерживается и Дж.Боффа. Он не отрицает, что уровень сельскохозяйственного производства при Хрущеве был выше, чем в эпоху Сталина, но, по словам Дж.Боффы, “это было слабым утешением, потому что и потребности страны значительно выросли”. Имея в виду продажу техники колхозам по завышенным ценам и замену натуроплаты за работу МТС государственными заготовками по ценам ниже рыночных, итальянский исследователь приходит к выводу о ликвидации значительной части выгод, полученных колхозами после 1953 г. В результате подобных мер, пишет Дж.Боффа, “сельское хозяйство вернулось к производству в условиях недостаточно оплачиваемого труда”³.

Дж.Боффа ставит закономерный вопрос о мере вины самого Н.С. Хрущева в кризисном состоянии советского сельского хозяйства в последний период его правления. По мнению итальянского историка, для осуществления последовательных реформ в области сельского хозяйства, “Хрущеву требовался если не новый нэп, как в 20-х гг. (тогда речь шла об индивидуальных хозяйствах), но хотя бы что-нибудь в этом роде”. Верный своему выводу о значительной обусловленности хрущевских реформ реалиями сталинской эпохи, Дж.Боффа пишет, что “СССР Хрущева слишком многое унаследовал от сталинского СССР, чтобы совершить такой резкий социально-политический поворот. Перед этой массой проблем остановились в тот самый момент, когда ломали одну из сталинских традиций — МТС”. Рассуждая подобным образом, Дж.Боффа склоняется к мысли, что возможности Хрущева, как и любого советского

¹ Novе А. An economic history ... P. 367.

² В е р т Н. Указ. соч. С. 369.

³ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 490.

руководителя, были ограничены и он “стремился улучшить ситуацию, но был бессилён сделать это”. Получается, что Хрущев “искал простых агрономических решений для социально-экономических проблем, с которыми не мог справиться”¹.

В зарубежной историографии поднимается интересный вопрос о преемственности между сельскохозяйственной политикой Хрущева и его преемников. В советской литературе брежневского периода позитивная постановка этой проблемы была невозможной, поскольку всегда подчеркивалось, что с мартовского 1965 г. пленума ЦК КПСС берет свое начало новая аграрная политика партии. Напротив, западные исследователи смогли избежать подобных крайностей. В частности, американский экономист Дж. Миллар пишет, что “организационная стабильность” советского сельского хозяйства, характерная для брежневского периода, берет свое начало в 1958 г. Он считает, что еще при Хрущеве началось создание “новой модели сельскохозяйственного производства”, характерными чертами которой были ориентация на интенсификацию и развитие товарно-денежных отношений в аграрном секторе².

Английский исследователь Г. Смит также отмечает, что, отбросив организационные реформы 1960—63 гг. и вернувшись к системе контроля над сельским хозяйством, сложившейся в 1958 г., брежневское руководство сохранило основную стратегию развития аграрного сектора, которой придерживался Хрущев, но проводило ее с большей последовательностью. Главное же отличие состояло в том, что преемники Хрущева направляли в сельское хозяйство огромные капиталовложения, которые, впрочем, оказывались недостаточно эффективными. Кроме того, у них была возможность покрывать недостаток зерна за счет импорта, так что они были избавлены от необходимости проводить разного рода административные реорганизации, чем так “прославился” Хрущев. В целом же, по мнению Г. Смита, новые руководители “осуществляли политику Хрущева в более расточительной форме и более последовательно, чем в эру Хрущева ...”, и им, также как и их предшественнику, не удалось решить фундаментальнейшую проблему советского сельского хозяйства — преодолеть апатию работников к труду в общественном секторе³.

Характеризуя современную зарубежную историографию аграрной политики Н.С. Хрущева в целом, необходимо отметить, что западным советологам не удалось ввести в научный оборот

¹ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 490, 491.

² Millar J.R. Post-Stalin agriculture ... P. 139-141.

³ Smith G.A.E. Agriculture ... P. 115-117.

какой-либо новый фактический материал, принципиально изменяющий наши представления о том периоде. В значительной мере это объясняется большими сложностями в получении архивных источников, относящихся к 1950-м — 60-м гг., как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. Однако ценность исследований развития сельского хозяйства СССР при Хрущеве, опубликованных в последние десятилетия на Западе, состоит прежде всего в том, что в них обнаруживаются новые подходы к освещению фактического материала, который приводился в советских публикациях брежневского периода. В частности, вывод западных авторов о том, что серьезные проблемы в развитии сельского хозяйства СССР в 1950-е — первой половине 60-х гг. обуславливались прежде всего системными причинами, а не только ошибками Хрущева, довольно реалистичен и в целом созвучен современной отечественной историографии.

5. Поиски путей совершенствования планирования, управления и экономического стимулирования

Вопросы истории планирования в годы правления Н.С. Хрущева в зарубежной литературе затрагиваются главным образом в связи с рассмотрением других проблем развития советской экономики¹. Тем не менее, несмотря на отсутствие специальных монографических исследований этой проблемы, зарубежным авторам удалось дать такие трактовки некоторых вопросов, которые в ряде случаев являются альтернативными по отношению к интерпретациям, встречающимся в отечественной литературе доперестроечного периода.

Как известно, в 50-е гг. уделялось большое внимание развитию советской плановой науки и совершенствованию всей системы планирования экономики, и в этой области были получены определенные результаты. В то же время система директивного централизованного планирования в своих основах оставалась неизменной, хотя система народнохозяйственных связей в 50-е гг. была гораздо более сложной, чем в 30-е, и на первый план выдвигались проблемы интенсивного экономического роста и сбалансированного развития всего народнохозяйственного комплекса.

В этой связи в зарубежной историографии ставится проблема кризиса “старого планирования”, причем одним из первых ее

---

¹ Следует отметить, что и в отечественной литературе работ, посвященных истории планирования в 1950-е — 1960-е гг., крайне мало. В этой связи Б. В. Зембатова пишет, что “в силу различных причин этот период не получил достаточного освещения в экономической литературе вообще и посвященной проблемам планирования в частности”. См.: Зембатова Б.В. Указ. соч. ... С. 82.

сформулировал А.Ноув. В частности, в его “Экономической истории СССР” этой теме посвящен целый параграф. А.Ноув пишет о “хроническом кризисе планирования”, в основе которого была неспособность плановых органов учесть все конкретные потребности. По мысли А.Ноува, во второй половине 1950-х гг. к системным причинам кризиса планирования добавились новые факторы, специфичные именно для этого периода. При этом имеются в виду следующие обстоятельства:

1. В сталинской экономической системе планирование было ориентировано на развитие небольшого количества приоритетных отраслей, а при Хрущеве число таких отраслей стало существенно больше, поскольку к ним прибавились сельское хозяйство, производство товаров народного потребления, торговля, так что “задача планирования стала более сложной”.

2. Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. с ростом жизненного уровня, количества и ассортимента потребительских товаров возникла проблема реализации, так как у населения появился определенный выбор. “Однако, — пишет А. Ноув, — система не была предназначена для реагирования на спрос ... Она была построена таким образом, чтобы отвечать на приказы сверху и обеспечивать реализацию крупномасштабных инвестиционных проектов и наращивание объема производства. Финансовая система и система цен были хорошо приспособлены для изъятия прибавочного продукта, необходимого для поддержания высоких темпов роста”.

3. В рассматриваемый период заметно обострилась проблема более эффективного использования ограниченных ресурсов, особенно в связи с расширением свободы работников в выборе рабочих мест¹.

Проблему кризиса плановой системы в годы правления Хрущева затрагивает в своей работе по истории СССР и Дж.Боффа. Именно с кризисом планирования итальянский историк связывает частые пересмотры планов в рассматриваемый период. Что касается трактовок причин этого кризиса, то А.Ноув и Дж.Боффа во многом единодушны. Дж.Боффа пишет, что в новых условиях “план должен был не ставить две-три цели, достигаемые любой ценой, а использовать имеющиеся ограниченные средства самым эффективным образом для достижения многих целей. Наконец, он должен был удовлетворить потребности растущего внутреннего рынка”². Кризис “старого планирования” приходился на период,

¹ Nove A. An economic history ... P. 356, 357. См. также: e j u s d e m. Industry ... P. 69.

² Боффа Дж. Указ. соч. С. 482.

когда, по словам Дж.Боффы, “СССР наконец выполнил основные задачи индустриализации”, и в этом смысле был закономерен¹.

Следует отметить, что тезис зарубежных авторов о кризисе планирования в рассматриваемый период небесспорен. В самом деле, о кризисе планирования как системы можно было бы говорить прежде всего тогда, когда дальнейшее функционирование плановой экономики оказалось бы невозможным при сохранении основополагающих принципов системы планирования. Однако, на наш взгляд, возможности централизованного директивного планирования в 1950-е гг. еще не были исчерпаны. Советская экономика могла развиваться в рамках плановой системы при сохранении ее основ и важнейших принципов. Целый ряд недостатков планирования, которые обнаруживались в 1950-е гг., можно было устранить в результате его совершенствования².

Другая группа вопросов истории планирования, привлекающая внимание зарубежных авторов, — итоги выполнения народнохозяйственных планов и организация планирования. Основные выводы, к которым приходят советологи, в ряде случаев мало отличаются от оценок, даваемых в отечественной литературе. Так, зарубежные исследователи признают успехи в выполнении пятого пятилетнего плана³. В то же время в их работах отмечаются проблемы и трудности в выполнении плана шестой пятилетки. Западные авторы единодушны в том, что разделение текущего и перспективного планирования в середине 1950-х гг. было нерациональным⁴.

Разумеется, интерпретации некоторых конкретных вопросов, например, мотивов изменений плана 6 пятилетки, даваемые зарубежными учеными, отнюдь не всегда идентичны трактовкам, характерным для советской историографии. Так, Н.Верт отмечает, что уменьшение плановых заданий по выпуску продукции и росту производительности труда в соответствии с решениями декабрьского 1956 г. пленума ЦК КПСС имело своей целью смягчение недовольства рабочих резким увеличением норм выработки⁵. А.Ноув, ссылаясь на решения этого пленума, пишет о несбалансированности и излишней напряженности плана шестой пятилетки. Одновременно он приводит мнение, согласно которому этот

---

¹ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 479.

² Отчасти это и имело место. В.Селюнин и Г.Ханин, говоря о причинах в целом успешного экономического развития СССР в 50-е годы, пишут, что в этот период “заметно улучшилось планирование, и в результате за срывы заданий стало возможным спрашивать” (С е л ю н и н В., Х а н и н Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 193-194).

³ См., например: Н о в е А. An economic history ... P. 340.

⁴ См., например: В е р т Н. Указ. соч. С. 357; Н о в е А. An economic history ... P. 341.

⁵ В е р т Н. Указ. соч. С. 357.

план был хорош и лишь по политическим причинам стал объектом критики¹.

К числу проблем истории планирования, привлекающих внимание зарубежных авторов, относится и семилетний план. Многие исследователи называют его амбициозным². Говоря о специфике семилетнего плана, Дж.Боффа отмечает, что он был “первым планом развития страны, который не основывался больше лишь на индустриализации” и что в нем “экономика программировалась в масштабах, несравнимых с прошлым опытом советского планирования”³.

Следует отметить, что Дж.Боффа — один из немногих западных авторов, кто пытается отойти от преимущественно нигилистических оценок итогов седьмой пятилетки. Он обращает внимание читателей на тот факт, что “семилетний план вывел советскую экономику из застоя”, поскольку были осуществлены крупные капиталовложения. Итальянский историк приводит данные, свидетельствующие о сближении промышленных потенциалов США и СССР. “Если учесть существовавший в конце войны экономический разрыв, — пишет Дж.Боффа, — Советскому Союзу было чем гордиться”. Он отмечает и определенные достижения в структурной перестройке народного хозяйства СССР (расширение использования жидкого топлива, успехи в электрификации железных дорог)⁴. А.Ноув также признает, что в годы седьмой пятилетки “прогресс в области промышленности был впечатляющим” и имел место “большой рывок вперед в производстве многих потребительских товаров длительного пользования”⁵.

В то же время, как и многие другие авторы, Дж.Боффа пишет о серьезных проблемах, которые обнаружились в ходе выполнения седьмой пятилетки. По его словам, главная из них состояла в том, что “советские люди не могли больше довольствоваться успехами, достигнутыми в некоторых основных отраслях”. Экономический рост отличался неравномерностью и диспропорциональностью, а увеличение национального дохода оказалось меньше запланированного. Падала рентабельность, качество многих видов промышленной продукции было низким, а “целые отрасли инфраструктуры ... оставались в зачаточном для развитой страны состоянии”. Несмотря на некоторое повышение уровня потре-

---

¹ Это мнение, пишет А. Ноув, было высказано крупным советским экономистом, имя которого он умалчивает. См.: Ноув А. An economic history ... P. 342.

² См., например: Верт Н. Указ. соч. С. 369; Боффа Дж. Указ. соч. С. 487.

³ Боффа Дж. Указ. соч. С. 487.

⁴ Там же. С. 487, 488.

⁵ Ноув А. An economic history ... P. 354.

ния, “образ жизни советских людей оставался спартанским и изменялся медленнее, чем позволяли надеяться перемены 1953—1958 гг.”. Ситуация усугублялась тем, что “застарелая бедность бросалась в глаза больше, чем в прошлом, потому что в более развитых странах, которые Советский Союз догонял, именно в эти годы происходил взрыв личного потребления на базе нового технологического подъема”¹.

Как известно, в советской литературе предостаточно критического материала, относящегося к планированию в хрущевский период. В немалой степени это связано с политическими и конъюнктурными причинами. Однако дело не только в этом, поскольку в области планового руководства народным хозяйством СССР в 1950-е — первой половине 60-х гг. действительно были серьезные изъяны, и о них знало руководство страны. Например, сам Н.С. Хрущев неоднократно критиковал практику планирования сельского хозяйства. “Недостатки в работе министерств, — говорил он, — наглядно отражаются в практике планирования сельского хозяйства. В планы включается много лишних, сковывающих инициативу местных органов, МТС и колхозов, показателей”².

Острота проблем в планировании в тот период отмечается и в работах отечественных авторов, опубликованных в последние годы. Так, Б.В. Зембатова пишет, что “в целом серия мер, осуществляемых в планировании во второй половине 50-х годов, малоопытна”. Не отрицая, что с этим периодом связана “еще одна “эра” планирования”, которая “начала расшатывать непоколебимую жесткую систему регулирования хозяйством, начала, пусть и непоследовательно, прокладывать дорогу к свету”, она в то же время подчеркивает, что меры по улучшению планирования “отличались “скороспелостью”, необоснованностью и недолговечностью, постановления же по этим вопросам — многословностью, неконкретностью”. Автор несомненно права в том, что “общим для всех этих решений и постановлений было декларирование необходимости децентрализации, хотя на практике происходило усиление централизации”³. Однако при всем радикализме суждений, который характерен для отечественной историографии в последние десять лет, наши специалисты, в отличие, например, от А.Ноува, не настаивают на тезисе о кризисе планирования в 1950-е гг., занимая в целом более правильную позицию.

¹ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 487 — 489.

² Х р у щ е в Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1. М., 1962. С. 63.

³ З е м б а т о в а Б.В. Указ. соч. С. 102, 157.

Как известно, большие надежды Н.С. Хрущев возлагал на совершенствование управления народным хозяйством и проводил бесконечные реорганизации административно-управленческих структур. Во многих случаях результаты этих мер были противоречивыми и даже отрицательными. Хорошо известный пример — реорганизация управления экономикой по территориальному принципу.

Американские советологи Ф.Хольцман, Дж.Уэствуд и А.Янов, а также Л.Шапиро (Великобритания) усматривают одну из целей реформы 1957 г. в том, что она должна была обеспечить поддержку Хрущеву на местах, нанести удар по влиянию могущественных министерств. Возможность такой интерпретации причин перехода к региональной системе управления допускает и английский марксист М.Добб¹. Эту точку зрения не разделяет И.Бирман (США): “Многие толкуют создание совнархозов как попытку Хрущева сломать враждебный ему лично хозяйственный аппарат. Думаю, что это лишь частично верно, убежден, что Хрущев в тот момент искренне хотел резкого уменьшения экономической централизации”². Очевидно, ближе к истине авторы (в частности, Дж.Боффа и Дж.Берлинер), которые, не отрицая существование политических задач в этой реформе Н.С. Хрущева, подчеркивают значение целей экономических³.

Другие интересные акценты в трактовке проблемы предпосылок реформы 1957 г. можно найти в книге А.Ноува “Экономическая история СССР”. Этот ученый переход к совнархозам непосредственно связывает с событиями, которые происходили в партийно-государственном аппарате СССР в начале 1950-х гг. После смерти И.В. Сталина целый ряд руководителей партии стали министрами, а бывшие министры нередко назначались на должности руководителей главков. Полномочия министров в 1953—54 гг. были существенно расширены. Если учесть, что высшие звенья управленческой структуры возглавлялись весьма влиятельными руководителями, каждый из которых стремился быть как можно более независимым, вполне понятны трудности в координации деятельности министерств и главков, о чем пишет А.Ноув. По его мнению, эта ситуация и привела к “радикальной реформе 1957 г.”⁴. В

¹ Dobb M. Soviet economic development since 1917. L., 1972. P. 329; Holzman F.D. Op. cit. P. 16; Schapiro L. The government and politics of the Soviet Union. N. Y., 1977. P. 119, 120; Westwood J.N. Endurance and endeavour. Russian history 1812 — 1992. N. Y., 1993. P. 435; Yanov A. In the grip of the adversarial paradigm ... P. 166-167.

² Birman I. Second and first economies and economic reforms. Washington, 1980. P. 11.

³ См.: Боффа Дж. Указ. соч. С. 483; Берлинер J.S. Soviet industry ... P. 98-100.

⁴ Nové A. An economic history ... P. 323.

то же время А. Ноув подчеркивает, что вычлениить экономические и политические мотивы этой реформы трудно¹.

Оценивая эту реформу, многие зарубежные исследователи отмечают как позитивные, так и негативные аспекты регионализации управления, не оставляя в стороне и ее политический фон. Так, Н.Верт называет переход к совнархозам и ликвидацию ряда важнейших промышленных министерств крупной победой Н.С. Хрущева². Новая система управления создала благоприятные условия для развития некоторых отраслей местной промышленности. В то же время Н.Верт отмечает, что “эта реформа принесла мало положительных экономических результатов”, поскольку было затруднено “функционирование ряда секторов крупной промышленности”. По его мнению, главным результатом перехода к региональной системе управления было “возбуждение недовольства десятков тысяч министерских чиновников, вынужденных отправиться из Москвы в провинцию”³.

Анализируя экономические аспекты перехода к территориальному принципу управления, большинство западных авторов приходят к выводу, что эта реформа не привела к росту эффективности управления, к ослаблению административно-командной системы. Например, Ш.-Э.Лагасс (Бельгия) подчеркивает, что в данном случае речь может идти лишь о “новой организации управления, которое продолжало оставаться централизованным”. Дж.Пэллот и Д.Шо (Великобритания) отмечают, что эта реформа привела к усилению тенденций к экономической автаркии во многих регионах⁴. Р.В. Дэвис (Великобритания) пишет, что новая система управления “сильно затрудняла выполнение национальных планов для отдельных отраслей промышленности ...”⁵.

Дж.Боффа констатирует, что проведенная реформа не меняла принципов планирования и управления, а территории, на которые распространялись полномочия совнархозов, определялись административным делением, а не экономическими критериями. “Новые органы, — пишет итальянский историк, — стали просто многоотраслевыми министерствами со схожими задачами, но только на областном или республиканском уровне”. В результате проведенной перестройки “административный аппарат экономи-

---

¹ См.: N o v e A. Industry ... P. 65.

² В е р т Н. Указ. соч. С. 357.

³ Там же. С. 359, 360.

⁴ L a g a s s e Ch.-E. L'entreprise soviétique et le marché. P., 1979. P. 43; P a l l o t J., S h a w D. Planning in the Soviet Union. L., 1981. P. 71.

⁵ D a v i e s R.W. Economic planning in the USSR // The Soviet economy : continuity and change. Boulder, 1981. P. 30.

ки не упростился, а стал еще более тяжелым и сложным. Реформа свелась к бюрократической реорганизации”¹. М.Берри пишет о серьезном ущербе, который был нанесен переходом к совнархозам научно-техническому прогрессу в экономике, подчеркивая, что “если бы Хрущев пытался реформировать систему министерств вместо того, чтобы упразднить ее, то результаты могли бы быть лучше”². Аналогичные оценки мы встретим в работах английских советологов Д.Дай— кера, Р.Дэвиса, французского марксиста Ж.Эллейнштейна и других авторов³.

Некоторые из западных авторов считают реформу 1957 г. ошибкой. Так, Ж.Соколофф (Франция) приходит к выводу, что “нововведения Хрущева внесли в управление экономикой явно дисфункциональные элементы: его идея поручить территориальным органам управления — совнархозам — выполнение роли приводных ремней, ранее выполнявшейся министерствами, противоречила всякой логике ... промышленной организации”⁴. Дж.Хоскинг обращает внимание на другой аспект перестройки системы управления экономикой — на усиление влияния партийных функционеров на местах. “Система региональных советов народного хозяйства, — пишет он, — давала партийным секретарям власть куда большую, чем та, что была у них при старой системе централизованных промышленных министерств”⁵.

Более широкий взгляд на причины неудачи реформы 1957 г. мы обнаруживаем у А.Ноува. Он считает, что эта реформа, несмотря на ее логичность с точки зрения необходимости борьбы с “министерскими империями”, не могла дать положительные результаты. В этой связи А.Ноув напоминает, что “в природе всеобъемлющего планирования заложено то, что любое организационное решение приводит к известному ущербу”⁶. Однако главные причины неудачи реформы 1957 г., по мысли английского советолога, имели системный характер, и в этом смысле провал был предопределен.

Одной из особенностей трактовки реформы 1957 г. А.Ноувом является то, что он непосредственно увязывает ее с проблемой кризиса “старого планирования”. Управление по региональному

¹ Б о ф ф а Дж. Указ. соч. С. 484.

² В е р р и М. J. Science, technology and innovation ... P. 90-91.

³ См.: Д э в и с Р. У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе // Кентавр. Май — июнь. 1993. С. 60-61; D y k e r D. A. Restructuring the Soviet economy. L., N. Y., 1992. P. 45, 46; E l l e i n s t e i n J. Histoire de l'U.R.S.S. T. 4 ... P. 140-141; W r i g h t A. Op. cit. P. 117.

⁴ S o k o l o f f G. L'économie obéissante. Décisions politiques et vie économique en U.R.S.S. P., 1976. P. 161.

⁵ Х о с к и н г Дж. Указ. соч. С. 356.

⁶ N o v e A. An economic history ... P.343.

принципу не устраняло ни одной из причин, обуславливавших кризис планирования. “В свете этой ситуации, — пишет А.Ноув, — совнархозовская реформа 1957 г. была шагом в неправильном направлении или в лучшем случае шагом в сторону. Сущностные характеристики системы остались неизменными ...”¹.

Безусловно, правы те советологи, которые считают, что реформа управления промышленностью СССР, проведенная в конце 50-х гг., не дала ответ на “фундаментальные экономические вопросы”². Однако при ее оценке нельзя упускать из виду и некоторые рациональные моменты, которые, кстати, достаточно полно охарактеризованы даже в исследованиях советских авторов, опубликованных в период, когда отношение к Хрущеву и его реформам было в целом негативным³.

Бесспорно, что сложившаяся к середине 50-х гг. система управления через отраслевые министерства порождала ведомственность, разобщенность предприятий, находившихся на одной территории, мешала рациональному использованию материальных, трудовых и финансовых ресурсов регионов, затрудняла решение задач, связанных с обеспечением их комплексного развития. При этой системе неизбежными становились встречные перевозки грузов, обрастание министерств различными параллельно действующими организациями (снабженческо-сбытовыми, ремонтными и т.п.), ограничение возможностей местных органов в управлении экономикой на своих территориях. Даже зарубежные марксисты не могут не признавать тот факт, что до реформы 1957 г. в СССР имела место “гипертрофия централизации”⁴.

Одной из целей реорганизации управления промышленностью и строительством было приближение руководства к производству. Предполагалось, что переход к совнархозам сделает управление более конкретным, оперативным и демократическим.⁵ Они должны были обеспечить более эффективное использование местных ресурсов, ликвидировать нерациональные перевозки, упорядочить материально-техническое снабжение, решать задачи комплексного экономического развития регионов. За соблюдением общегосударственных интересов при новой системе управления должны были следить партийные и государственные органы,

¹ N o v e A. An economic history ... P. 358. См. также: e j u s d e m. Industry ... P. 65, 69.

² M u n t i n g R. The economic development of the USSR. L., Canberra, 1982. P. 135; G r e g o r y P.R., S t u a r t R.C. Soviet economic structure and performance. N. Y. et al., 1974. P. 344; C h a u v i e r J.-M. L'URSS au second souffle. Bilan et réformes de l'économie planifiée soviétique. Liege, 1976. P. 36-37.

³ См., например: История социалистической экономики СССР. Т. 6. ... С. 288-289.

⁴ См., например: D o b b M. Op. cit. P. 329.

⁵ КПСС в резолюциях ... Т. 9 ... С. 171.

Госплан, Госэкономкомиссия. При правительстве СССР намечалось создать орган, который должен был заниматься вопросами научно-технического прогресса в масштабе всей страны.

Большинство исследователей признают тот факт, что некоторые задачи совнархозам удалось решить (внедрить более эффективные формы разделения труда в рамках экономических районов, укрупнить мелкие предприятия, сконцентрировать выполнение транспортных и ремонтных работ, улучшить использование местных ресурсов)¹. Но довольно скоро стали ощущаться серьезные недостатки новой системы управления. Особенно нетерпимыми становились местничество, тенденция к экономической автаркии районов, срыв поставок в другие регионы, невозможность проведения единой технической политики в отраслях, управление которыми было раздроблено по совнархозам. Попытки усилить централизованное начало в управлении экономикой путем создания республиканских совнархозов (1960 г.), Совета народного хозяйства СССР и Высшего совета народного хозяйства СССР (1962 г.), государственных комитетов по отраслям промышленности были малорезультативными и привели к усложнению системы управления. Стала очевидной необходимость ликвидации совнархозов, что и было осуществлено в январе 1966 г. Имея в виду неудачу, постигшую реформу 1957 г., Л.Шапиро пишет, что советский опыт подтверждает невозможность оптимальной увязки отраслевого и территориального планирования и управления народного хозяйства².

В современной отечественной литературе, как и в публикациях, вышедших до перестройки, преобладают весьма критические оценки регионализации управления экономикой СССР. Однако если в работах, опубликованных в первые два десятилетия после смещения Хрущева, критика совнархозов основывалась прежде всего на факте подрыва ими централизованного планового управления экономикой³, то в новейших работах отечественных авторов, как и в публикациях зарубежных ученых, подчеркивается,

---

¹ Впрочем, в современной отечественной литературе высказывается мнение о том, что эти и некоторые другие позитивные изменения в экономике не были результатом реформы как таковой, а стали возможными в "межвременье", когда министерства были ликвидированы, а совнархозы еще не сложились. См.: Наше Отечество. Ч. 2 ... С. 459-460.

² См.: Schapiro L. Op. cit. P. 122.

³ Понятно, что эта позиция совпадала с официальными оценками. Так, Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин главный недостаток совнархозов видел в том, что при них "руководство отраслью промышленности, представляющей собой единое целое в производственно-техническом отношении, было раздроблено по многочисленным экономическим районам и оказалось совершенно нарушенным. Отрасли как бы растворились в хозяйстве экономических районов" (К о с ы г и н А.Н. Избранные речи и статьи. М., 1974. С. 284).

что главный порок реформы 1957 г. был в сохранении основ прежней системы экономических отношений.

Так, например, нельзя не согласиться с выводом о том, что при совнархозах “сохранился старый принцип разверстки сырья и готовой продукции, экономически ничего не изменивший в отношениях потребителя и поставщика. Диктат производителя по-прежнему воспроизводил ненормальную хозяйственную ситуацию, при которой предложение определяет спрос. Экономические рычаги не заработали”¹. Б.В. Зембатова не без оснований подчеркивает, что в совнархозовской реформе “никакой кардинальности, по существу, не было”, ибо “при ближайшем рассмотрении системы управления через совнархозы можно ясно видеть усиление централизма, но в другой форме”².

Глубокий анализ совнархозовской реформы с учетом исторического опыта последующего развития организационной структуры управления советской экономикой дан в монографии Ю.А. Веденеева³. Он считает, что нет оснований ни для радикального отрицания реформы 1957 г., характерного главным образом для этапа перехода к отраслевой системе управления, ни для ее идеализации. В отличие от реформы 1965 г., основной идеей которой была экономическая децентрализация, в случае перестройки управления экономикой в 1957 г. речь шла главным образом об административной децентрализации. По оценке Ю.А. Веденеева, “хозяйственный механизм реформы 1957 г. не только воспроизвел сложившийся и ранее отработанный административный механизм, но и усилил все его качественные параметры ...”⁴.

Заслуживает внимания вывод автора о том, что основная причина кризиса совнархозовской системы состояла “в непоследовательной политике проведения административной реформы”, поскольку не был реализован принцип, согласно которому “единство народнохозяйственного комплекса должно было поддерживаться и постоянно воспроизводиться через централизованное плановое регулирование”, а последнее продолжало оставаться узкоотраслевым⁵.

В публикациях последних лет можно встретить и точку зрения, согласно которой в совнархозовской реформе не было объективной необходимости с точки зрения совершенствования управления промышленностью и, более того, она противоречила самой

---

¹ Наше Отечество. Ч. 2 ... С. 464.

² Зембатова Б.В. Указ. соч. С. 106.

³ См.: Веденеев Ю.А. Указ. соч.

⁴ Там же. С. 23-25.

⁵ Веденеев Ю.А. Указ. соч. С. 37.

логике организации советской экономики. Так, И.А. Благих, отвечая на вопрос о необходимости ломки отраслевой системы управления во второй половине 1950-х гг., пишет: “Судя по тому, что после отмены совнархозов (1965 г.) произошло восстановление отраслевого подхода, эта форма централизованного управления экономикой СССР себя не исчерпала”¹.

В то же время И.А. Благих признает, что “в середине 50-х годов потребность в поиске новых форм и методов управления промышленностью и сельским хозяйством существовала объективно”. Однако при этом, пишет автор, следует учитывать, что “отраслевое управление, планирование в отраслевом разрезе, единая научно-техническая политика и т. д. — есть следствие самой структуры советской промышленности, где нередко единственное предприятие является монопольным производителем определенного вида продукции (подчеркнуто автором. — В. В. Д.)”². Значение регионализации управления экономикой СССР этот автор усматривает в том, что совнархозы дали возможность “сконцентрировать сельскохозяйственную технику, часть промышленных и строительных ресурсов на освоении целинных и залежных земель”³. Поскольку, согласно концепции И.А. Благих, таким образом был получен источник финансирования индустриального развития за счет дифференциальной ренты с новых земель, в переходе к совнархозам все-таки был некоторый смысл.

Другая хорошо известная попытка Н.С. Хрущева повысить эффективность управления экономикой связана с разделением парторганизаций областного и районного уровней по производственному принципу. В зарубежной литературе существуют две основные точки зрения относительно характера и целесообразности этой реформы. Первая из них состоит в том, что это нововведение противоречило логике системы и еще больше дезорганизовало управление. Например, А.Ноув пишет, что данная реформа Н.С. Хрущева была “шоком для партии, равно как и для государственной бюрократии и не имела никакого административного смысла”⁴. Подобная трактовка во многом совпадает с позицией, которая высказывалась в советской историко-партийной литературе.

Приверженцы другой точки зрения также не отрицают тот факт, что данная реформа в конечном счете имела негативные результаты, но, в отличие, например, от А.Ноува, видят в ней рациональные моменты. Так, Дж.Бреслауэр обосновывает вывод о

¹ Благих И.А. Указ соч. С. 200.

² Там же. С. 205-206.

³ Там же. С. 212.

⁴ Nove A. An economic history ... P. 360.

том, что в разделении партийных и государственных органов на промышленные и сельскохозяйственные, равно как и во введенной при Хрущеве системе ротации партийных кадров, в выдвижении на руководящие посты специалистов, не прошедших партийную школу, было “социально-политическое измерение”, обычно игнорируемое при упрощенном рассмотрении политики Хрущева. По мнению Дж.Бреслауэра, смысл этих реформ состоял в попытках партийно-государственного руководства СССР облегчить решение экономических проблем “путем дальнейшего расширения границ сфер, в которых принимаются решения, и дальнейшего снижения политического статуса советских чиновников”¹. Аналогичной точки зрения придерживается Г.Смит. По его мнению, целью данной реформы было “усиление контроля над принятием решений на местах” и она заметно ослабила позиции секретарей обкомов и райкомов, вызвав рост оппозиционных настроений на местах².

В то же время нельзя не отметить, что оценки данной реформы в зарубежной литературе не столь негативны, как в работах отечественных авторов. В частности, в отличие от А.Ноува, Дж.Хоскинг видит в ней определенную логику и пытается объяснить причины ее неудачи. Смысл этой реформы, по мысли английского советолога, состоял в попытке Хрущева “в большей степени вовлечь партию в процесс производства” и “заменить многих получавших постоянную заработную плату партийных аппаратчиков на добровольцев, которые работали бы безвозмездно”. Результатом разделения партийных комитетов на промышленные и сельскохозяйственные должно было стать повышение роли самого ЦК КПСС. По Дж.Хоскингу, неуспех этой реформы был обусловлен ожесточенным сопротивлением партийных секретарей, не желавших переводиться в провинцию, переходить с идеологической работы на экономическую и отрицательно относившихся к вовлечению в партийную политику рядовых членов партии³.

Несмотря на неудачи, поиски новых форм управления экономикой, которые велись во второй половине 50-х — начале 60-х гг., не были бесплодными. Ликвидация совнархозов не означала простого возврата к жестко централизованной системе управления, существовавшей в 30-х — первой половине 50-х гг. Задачу органичного сочетания отраслевого и территориального принципов управления в полной мере решить не удалось, однако значение территориального принципа в управлении экономикой стало все-таки больше, чем до реформы 1957 г.

¹ Breslauer G.W. Khrushchev reconsidered // The Soviet Union since Stalin ... P. 58.

² Smith G.A.E. Agriculture ... P. 111.

³ Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 360.

К числу проблем, которые затрагиваются в зарубежной литературе в связи с рассмотрением реформ Н.С. Хрущева, относятся вопросы, связанные с экономическим стимулированием и, в частности, с политикой в области заработной платы. Во многих случаях эти аспекты трактуются в контексте социальной политики в 1950-е — первой половине 60-х гг.

Многие зарубежные исследователи признают, что социальная политика Советского государства при Хрущеве претерпела существенные изменения. Так, А.Маколи пишет в этой связи даже о “революции Хрущева в социальной политике”. В качестве причин таких изменений этот автор называет наивную веру Хрущева в возможность построения коммунизма, ознакомление Хрущева с жизнью населения капиталистических, развивающихся стран и стран народной демократии в ходе зарубежных поездок. Кроме того, по мысли английского ученого, изменения в социальной политике были необходимы и для решения задач, связанных с обеспечением высоких темпов экономического роста¹.

Важнейшими достижениями в области социальной политики в рассматриваемый период А.Маколи считает увеличение количества и качества потребительских товаров, рост реальной заработной платы, предоставление рабочим права свободно переходить с одной работы на другую, а также повышение роли профсоюзов в урегулировании трудовых конфликтов. Имея в виду эти моменты, А.Маколи делает вывод, что в области социальной политики “советское правительство решительно порвало со сталинистским прошлым”². Другой английский исследователь — Э.Актон обращает внимание на то, что при Хрущеве разрыв в уровне доходов 10 процентов самых богатых и 10 процентов самых бедных уменьшился, так что распределение доходов в СССР было более равномерным, чем в Западной Германии и США³. И хотя Советский Союз по уровню жизни населения заметно отставал от стран Запада, в 1950-е — первой половине 60-х гг. предпринимались серьезные усилия по преодолению этого отставания⁴.

Из вопросов, связанных с политикой Хрущева в области труда и заработной платы, особое внимание зарубежных советологов

¹ См.: McAuley A. Social policy ... P. 143.

² McAuley A. Social policy ... P. 145, 147, 149. См. также: e j u s d e m. Economic welfare in the Soviet Union. Madison, 1979. P. 326.

³ Acton E. Op. cit. P. 286.

⁴ А.Цауберман (Великобритания) отмечает, что в середине 1950-х гг. реальная заработная плата в СССР была в три раза меньше, чем в Англии. В середине 60-х гг. доход на душу населения в Советском Союзе составлял 56-58 % от среднедушевого дохода в Англии. См.: Z a u b e r m a n A. Russia and Eastern Europe 1920 — 1970. Part I. The USSR // The Fontana economic history of Europe. Contemporary economies. Part 2 / Ed. C. M. Cipolla. Glasgow, 1978. P. 590.

привлекает тарифная реформа 1956 г. Наиболее обстоятельно она изучалась Д.Фильтцером (США), Л.Киршем (США) и А.Маколи (Великобритания)¹.

По мнению Д.Фильтцера, эта реформа была важнейшей частью социальной политики Хрущева, ориентированной на легитимацию режима в глазах населения и на обеспечение роста производительности с использованием политических инициатив в условиях, когда применение драконовского рабочего законодательства 1940-41 гг. оказалось невозможным². А.Маколи начало реформы связывает с новым подходом советского руководства к социальной политике, характерные черты которого, по его мнению, следует видеть в признании того факта, что общество развивается по социальным законам, а не только по воле государства. В то же время, подчеркивает английский исследователь, на концепции реформы сказались общие всем социалистам эгалитарные подходы, а также марксистская теория и русская традиция, питающие убеждения в том, что административные институты обеспечивают более оптимальное решение проблемы эффективной дифференциации в оплате труда, чем рынок³.

Д.Фильтцер соглашается с советскими авторами в том, что некоторые цели реформы были достигнуты. Так, заметно возросла доля основной зарплаты в заработках рабочих, уменьшилась степень перевыполнения норм, увеличилась доля работников, получающих повременную оплату труда. Он поддерживает вывод А.Ноува в том, что тарифная реформа впервые со времени первого пятилетнего плана (если не считать период Великой Отечественной войны) обеспечила соответствие фактических и плановых темпов роста денежных доходов⁴.

В то же время, по оценке Д.Фильтцера, как и целого ряда других зарубежных авторов, тарифная реформа 1956 г. провалилась. В качестве аргументов в пользу такого вывода он называет неудачи в создании и внедрении технически обоснованных норм, уменьшение заинтересованности работников в перевыполнении трудовых заданий, основанных на нормах, превращение премий в постоянную часть заработка⁵. Последствия провала тарифной реформы 1956 г., пишет английский советолог, были значительны-

¹ См.: Filtzer D. Labour ... P. 118-137; e j u s d e m. The Soviet wage reform ... P. 88-110; Kirsch L.J. Soviet wages: changes in structure and administration since 1956. Cambridge, 1972; McAuley A. Social policy ... P. 138-155.

² См.: Filtzer D. Labour ... P. 119, 120, 136.

³ См.: McAuley A. Social policy ... P. 150, 152.

⁴ См.: Filtzer D. Labour ... P. 129, 130.

⁵ См.: Ibid. P. 130, 131; Kirsch L.J. Op. cit. P. 46, 47.

ми, особенно если учесть, что при Брежневе не предпринимались сколько-нибудь существенные шаги в направлении фундаментальных изменений системы оплаты и нормирования труда.

В связи с этим Д.Филтцер высказывает сомнение в реальности создания в экономике советского типа системы стимулов, ориентированной на выполнение и перевыполнение производственных норм. Одна из причин этого состоит в том, что возможность такого выполнения и перевыполнения в советских условиях во многих случаях не зависит от рабочего, поскольку нередко на ней негативно сказываются такие факторы, как нерегулярность поставок сырья, материалов, деталей и заготовок, их низкое качество, неодинаковый уровень механизации разных участков, а также нерациональное разделение труда¹.

Признавая немалые достижения СССР в решении социальных проблем, зарубежные исследователи одновременно отмечают и ограниченный характер этих успехов. Так, А.Маколи в качестве негативных моментов социальной политики Хрущева называет установление минимальной заработной платы на официальном уровне бедности, не позволявшем обеспечить существование членов семьи, отказ властей от разработки и реализации программ помощи бедным, увязку размеров государственных пенсий с прежней заработной платой и трудовым стажем, дискриминацию колхозников в области пенсионного обеспечения. По мнению английского советолога, эти недостатки обусловлены в известной степени слабостями марксистско-ленинской теории в анализе проблем социальной политики, а также запретом на социологические обследования, сохранявшимся в СССР в течение длительного времени². М.Казер обращает внимание на то, что некоторое повышение заработной платы низкооплачиваемых категорий работников в ходе тарифной реформы 1956 г. в значительной мере сводилось на нет ростом цен в 1958-62 гг.³

В отечественной историографии до недавнего времени меры в области социальной политики и экономического стимулирования, осуществленные в тот период, в большинстве случаев не вызвали сколько-нибудь серьезной критики. Отмечалось, в частности, что они "способствовали ходу выполнения народнохозяйственных планов"⁴. В качестве положительных результатов "упорядочения заработной платы" (тарифной реформы 1956 г.) назывался рост реальных доходов рабочих и служащих. Весомым дости-

¹ См.: Filtzer D. Labour ... P. 136; e j u s d e m. The Soviet wage reform ... P. 104.

² См.: McAuley A. Social policy ... P. 153-155.

³ См.: Kaser M. Soviet economics. L., 1970. P. 143.

⁴ История социалистической экономики СССР. Т. 6 ... С. 284.

жением советского общества в 1950-е — начале 60-х гг. наши исследователи вполне обоснованно считали рост материального благосостояния народа, в том числе и за счет общественных фондов потребления¹.

Однако в публикациях российских авторов, увидевших свет в последние годы, критический настрой обнаруживается в большей мере. Например, в современной отечественной литературе вполне осознается тот факт, что в результате тарифной реформы 1956 г. не произошло существенного улучшения материального стимулирования рабочих за качественные показатели и “новая система оплаты труда в промышленности не обеспечивала глубокой взаимосвязи с хозрасчетными принципами работы предприятий, так как упор был сделан на премирование за коллективные результаты труда, без соответствующего усиления личной материальной ответственности непосредственных работников”². Отмечается, что одной из проблем в тот период была “тенденция относительного отставания в оплате высококвалифицированного труда”. Обнаруживается и понимание того, что “в условиях монополизма командно-административной системы, при отсутствии подлинного хозрасчета все попытки увязать интересы работников с повышением эффективности общественного производства имели относительно низкий и, самое главное, ограниченный результат”³. Этот вывод, несомненно, в известной мере близок к упомянутой выше точке зрения английского советолога Д.Фильцера, но имеет более общий характер.

Нетрудно видеть, что интерпретации реформ в области планирования, управления и экономического стимулирования в СССР при Хрущеве, содержащиеся в работах зарубежных авторов, в немалой степени совпадают с оценками, даваемыми в отечественной историографии. В то же время в целом ряде аспектов они являются альтернативными по отношению к трактовкам, характерным для советской литературы брежневского периода. Суть принципиальных отличий в подходах зарубежных и отечественных исследователей к этим проблемам состоит прежде всего в том, что западные авторы либерального направления главные причины неудач проводившихся реформ усматривали в командном характере советской экономики и нерыночной ориентации экономической политики, в то время как в советских публикациях они сводились главным образом к ошибкам в планировании, управлении и экономическом стимулировании. Однако, как сви-

¹ См. : История социалистической экономики СССР. Т. 6 ... С. 542-558.

² XX съезд КПСС ... С. 183.

³ Там же. С. 184.

детельствуют работы российских ученых, вышедшие в свет в последнее десятилетие, имеет место сближение позиций отечественных и зарубежных авторов в трактовках ключевых проблем реформ хозяйственного механизма в хрущевский период.

6. Темпы экономического роста

Проблема темпов экономического развития СССР в 1950-е — первой половине 60-х гг. традиционно являлась одной из ведущих в зарубежной советологии того периода, поскольку ими в значительной мере определялись результаты экономического соревнования двух систем. Что же касается современной западной историко-экономической литературы, то одним из наиболее обстоятельных исследований в этой области является работа А.Райта, опубликованная в 1980 г.¹

Анализируя данные о темпах экономического роста СССР в 1951—55 гг., приводимые С.Коном, американский экономист приходит к выводу, что в годы пятой пятилетки “советская экономика ... функционировала довольно хорошо”². Подобный вывод формулировался и многими другими зарубежными исследователями, однако, в отличие от них, А.Райт доказывает, ссылаясь на данные С.Кона и Р.Гринсладе, что падение темпов экономического роста в СССР началось не после 1958 г., как принято считать в советской и зарубежной литературе, а в середине 1950-х гг. Косвенным подтверждением правильности этого вывода, по мнению А.Райта, являются и случаи пересмотра советских пятилетних планов в середине — второй половине пятидесятых годов³.

Аргументация А.Райта далеко не всегда убедительна, тем более что он в большинстве случаев приводит данные, относящиеся к 1956—60 гг., то есть ко второй половине 50-х гг. в целом, а не к 1956—58 гг. Некоторые же статистические показатели, приводимые А.Райтом, не подтверждают его выводы. Так, среднегодовые темпы роста валового национального продукта СССР в 1950—55 гг. составляли, по данным С.Кона, 6,9%, а в 1955—58 гг. — 7,4%, то есть были выше. Это верно и в отношении среднегодовых темпов роста капиталовложений в народное хозяйство, которые равнялись соответственно 12,4 и 14,9% замедления темпов экономического развития СССР в конце 1950-х годов. Некоторые авторы

¹ См.: Wright A.W. Op. cit. P. 113-134.

² Ibid. P. 124, 125; Cohn S.H. Economic development in the Soviet Union. Lexington, 1970. P. 28-29.

³ См.: Wright A.W. Op. cit. P. 125; Cohn S.H. Op. cit. P. 28-29; Greenslade R.V. The real gross national product of the U.S.S.R., 1950-1975 // U.S. Congress. Joint Economic Committee. Soviet economy in a new perspective: a compendium of papers. Washington, 1966. P. 272, 276.

главной причиной этого явления считают перераспределение ресурсов в пользу отраслей группы Б при сохранении приоритетного обеспечения ресурсами отраслей группы А. “Высокие темпы роста, — пишет Я.Дербишир, — при централизованном планировании было проще обеспечить в отраслях тяжелой промышленности, чем в отраслях по производству потребительских товаров, которые требовали более сложной техники управления”¹.

Некоторые зарубежные исследователи предприняли попытку анализа советских темпов экономического роста в 1950-е — 60-е гг. с помощью аппарата эконометрики и прежде всего производственной функции. Не останавливаясь подробно на использованных при этом методиках, отметим, что в объяснении снижения темпов развития экономики СССР в 50-е гг. советологи делятся на две школы.

Представители первой школы, которую А.Райт называет ортодоксальной, являются последователями американского советолога-эконометрика А.Бергсона и используют агрегированную производственную функцию для оценки производительности труда и капитала и общей производительности этих факторов. Эти исследователи приходят к выводу о падении общей (composite, “total”) производительности факторов производства, что подтверждается, например, данными, полученными Р.Гринсладе и приводимыми в работе А.Райта (см. табл. 1). При этом в качестве причин снижения производительности обычно называются качественные факторы, в частности, недостатки в планировании, изменения в структуре производства, использование устаревшего оборудования, обострение демографических проблем и т.д.²

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста общей производительности факторов производства в СССР в постсталинский период (в %)

Показатель	1951–1955	1956–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975
Валовой национальный продукт	1,4	1,8	0,9	1,5	-0,2
Промышленное производство	3,6	3,2	0,6	1,3	1,5

Источник: Greenslade R.V. The real gross national product of the U.S.S.R., 1950-1975//U.S. Congress. Joint Economic Committee. Soviet economy in a new perspective: a compendium of papers. Washington, 1966. P. 279; Wright A.W. Soviet economic planning ... P. 127.

¹ Derbyshire J. Op. cit. P. 98.

² См.: Wright A.W. Op. cit. P. 126, 127.

Основоположником второй школы (неортодоксальной, в терминологии А.Райта) является М.Вейцман, который использовал для анализа производственную функцию с постоянной эластичностью замены (constant elasticity of substitution) таких факторов, как труд и капитал. Исследования М.Вейцмана показали, что эта эластичность в советской промышленности в рассматриваемый период была равна 0,4, что значительно меньше единицы. Получается, что при капиталоинтенсивном варианте развития доля капитала в валовом национальном продукте при все большем замещении труда капиталом падала. Если в 1950 г. в промышленном производстве она составляла 86%, то в 1969 г. лишь 44%. Таким образом, падение темпов экономического роста СССР с позиций неортодоксальной школы объясняется трудностями в обеспечении эффективной замены труда капиталом в условиях постепенного обострения проблемы трудовых ресурсов. По мнению М.Вейцмана, лишь технический прогресс может создать предпосылки для выхода из этой неблагоприятной ситуации. Но, добавляет А.Райт, есть и другой путь — повышение качества труда¹.

Несмотря на различия в подходах к проблеме темпов экономического развития СССР, зарубежные авторы единодушны в том, что пятидесятые годы — период довольно динамичного развития нашей экономики. Это подтверждается и данными советской статистики. Объем продукции промышленности за 1951-1960 гг. вырос в 3 раза, сельскохозяйственной продукции — в 1,6 раза. Национальный доход за этот период увеличился в 2,65 раза (при среднегодовых темпах роста 10,2%), производительность общественного труда — в 2,15 раза (среднегодовой прирост составлял 8,0%)². Даже если исключить инфляционную компоненту, среднегодовые темпы роста национального дохода и производительности труда, как показывают расчеты Г.И. Ханина, оказываются самыми высокими за период 1929 -1987 гг. (табл. 2).

Однако не меньшее значение имело и то, что “впервые рост был достигнут не только за счет увеличения ресурсов, но и благодаря лучшему их использованию”, а также была достигнута “товарно-денежная сбалансированность, казавшаяся дотоле недостижимой”³. Поэтому есть достаточные основания для вывода о том, что “50-е годы принадлежат к тем немногочисленным пе-

¹ См.: Weitzman M.L. Soviet post-war economic growth and capital-labor substitution // American Economic Review. 1970. Vol. 60. № 4. P. 676-692; Wright A.W. Op. cit. P. 127-129, 134.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет ... С. 48; Ханин Г. Экономический рост: альтернативная оценка // Коммунист. 1988. № 17. С. 85.

³ Селюни В., Ханин Г. Указ. соч. С. 193.

риодам отечественной истории, когда экономика функционировала достаточно эффективно”¹.

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста национального дохода и производительности общественного труда в СССР в 1929-1985 гг. (в%)

Годы	Темпы прироста	
	национального дохода	производительности труда
1929 — 1941	3,2	1,3
1942 — 1950	1,6	1,3
1951 — 1960	7,2	5,0
1961 — 1965	4,4	3,41
1966 — 1970	4,1	3,0
1971 — 1975	3,2	1,9
1976 — 1980	1,0	0,2
1981 — 1985	0,6	0,0

Источник: Х а н и н Г. Экономический рост: альтернативная оценка // Коммунист. 1988. № 17. С. 85.

7. Общие оценки экономических реформ Хрущева

Во многих случаях оценки реформ Н.С. Хрущева, даваемые в зарубежной литературе, опубликованной за последние 25 лет, достаточно реалистичны и учитывают как позитивные, так и негативные их стороны. Практически все западные исследователи (за исключением авторов левацкого толка) положительно оценивают попытки Хрущева дать новые импульсы развитию советской экономики путем реформ. У зарубежных советологов не вызывает сомнения и тот факт, что хрущевское десятилетие наложило глубокий отпечаток на все дальнейшее развитие СССР. Так, американский историк Дж.Уэствуд признает, что “Хрущев преобразовал все аспекты советской жизни, даже если иметь в виду, что многие из его нововведений провалились и он был смещен в 1964 г.”². Конечно, акценты в выводах, к которым приходят разные авторы, рассматривающие реформы Хрущева, отнюдь не одинаковы.

Так, встречаются, правда, сравнительно редко, весьма оптимистичные трактовки, характерным примером которых является

¹ Зубкова Е.Ю. После войны ... С. 305. Аналогичная точка зрения высказывается и другими отечественными исследователями, комментирующими расчеты Г.И. Ханина. См., например: Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Указ. соч. С. 163.

² Westwood J.N. Op. cit. P. 400.

точка зрения А.Янова. По его мнению, реформы Н.С. Хрущева шли в правильном направлении, и ему лишь не хватило времени, чтобы заменить партработников на посту руководителей колхозов и совхозов профессионалами и представителями “крестьянской элиты”, обеспечить самостоятельность руководителей промышленных предприятий, то есть “осуществить в советском обществе то, что Кадар сделал в Венгрии”. В своей монографии, посвященной анализу теории и практики звеньевых подряда при Хрущеве, А.Янов доказывает, что в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. в советской деревне, даже помимо воли партийно-государственного руководства, формировался значительный реформистский потенциал, связанный с распространением звеньевых подряда. Главными противниками этой реформы были представители административного аппарата колхозов, и смещение Хрущева объективно означало их победу. А.Янов полагает, что в перспективе Хрущеву удалось бы и ограничить гонку вооружений до разумных пределов, что способствовало бы оздоровлению экономической ситуации в стране¹.

В другой работе А.Янов подчеркивает, что реформы Хрущева создавали редкую возможность политической модернизации России, включающей либерализацию общественно-политической жизни. По мнению автора, Запад совершил большую ошибку, отказав Хрущеву в поддержке в тот самый момент, когда в СССР был взят курс на консьюмеризм и экономические и политические реформы. При поддержке мирового сообщества вероятность успешного завершения этих реформ была бы заметно больше².

Однако в большинстве случаев зарубежные исследователи избегают постановки вопроса о том, что было бы, если бы Хрущев не был смещен в 1964 г. История, как известно, не любит сослагательных наклонений, и стремление западных историков и экономистов давать оценки реформ Хрущева исходя из их фактических результатов вполне понятно. Более того, некоторые советологи, считающиеся на Западе специалистами по данному периоду, обнаруживают изрядный скептицизм по отношению к реформаторскому потенциалу Хрущева.

В частности, М.Макколи считает, что Хрущев был в сущности “доиндустриальной фигурой”, неспособной решить сложные задачи, с которыми столкнулся в своем экономическом развитии Советский Союз³. К тому же, по мнению английского советолога, “единственный способ перестроить Советский Союз — это от-

¹ Я н о в А. The drama of the Soviet 1960s ... P. XVI, 68, 69, 103, 107, 110.

² Я н о в А. In the grip of the adversarial paradigm ... P. 164, 165, 166, 172, 173, 178.

³ М с С а u l e y М. The Soviet Union since 1917 ... P. 167.

странить партию и нацелиться на рыночную экономику”, на что Хрущев никогда бы не пошел. Его серьезной ошибкой, по мнению М.Макколи, было убеждение в том, что “если дать рабочим верный побудительный мотив, они станут работать с огромной производительностью”, хотя на самом деле “необходимый стимул — материальное вознаграждение”, поскольку “при возможности выбора трудящиеся предпочтут работе досуг”¹.

Оценки реформ Хрущева, даваемые в работах А.Янова и М.Макколи, являются крайними и нетипичными для зарубежной историографии. Гораздо более распространенной является точка зрения, согласно которой эти реформы были полезными, хотя и половинчатыми, проводились в рамках системы и не изменяли ее природы. Такие оценки реформ Хрущева мы встретим, например, в работах М.Остина, М.Эллмана, И.Неандер, А.Райта, Дж.Бреслауэра и Д.Нордландера². В частности, Дж.Бреслауэр, признавая заслуги Хрущева в демократизации советского общества и в улучшении жизни широких масс населения, в то же время подчеркивает, что “Хрущев пытался сохранить высокоорганизованную и координируемую из центра систему, не прибегая одновременно к усилению использованию административных методов и чрезвычайных политических мер ...”³.

Один из вариантов подобного подхода мы встретим в монографии Ст.Козна “Переосмысление советского опыта” (1985 г.). Американский ученый признает, что “советские реформаторы одержали много побед в годы Хрущева”. Реформы, проводившиеся в тот период, были, по мнению Ст.Козна, реформами сверху и, следовательно, “ограниченными по существу и продолжительности” и, как всегда бывает в подобных ситуациях, за ними последовала консервативная волна. “Это обстоятельство, — пишет американский советолог, — отчасти является результатом природы реформизма, который борется в рамках существующей системы с естественной инертностью народа и институтов, преследуя ограниченные цели”. Исторический опыт свидетельствует, что многие сторонники реформ скоро оказываются удовлетворенными, другие теряют решимость, а большинство населения, которое терпимо относилось к реформам, начинает противиться дальнейшим переменам. Затем формируется неоконсервативный консенсус и

¹ Макколей М. Указ. соч. С. 550, 551.

² См., например: Austin M. The great experiment. A study of Soviet society. L., 1975. P. 82; Breslau G.W. Khrushchev reconsidered // The Soviet Union since Stalin ... P. 50-70; e j u s d e m. Khrushchev reconsidered // Problems of communism ... P. 18-33; Ellman M. The USSR in the 1990s: struggling out of stagnation. L., 1989. P. 8; Neander I. Grundzüge der russischen Geschichte. Darmstadt, 1987. S. 260; Nordlander D. Khrushchev's image ... P. 249; Wright A.W. Op. cit. P. 117.

³ Breslau G.W. Khrushchev reconsidered // Problems of communism ... P. 27.

начинается критика недавних реформ. По мнению Ст.Коэна, это в полной мере относится и к реформаторству Хрущева. Тем не менее результатом этих противоречивых реформ, проводившихся в рамках авторитарной системы, явилось улучшение практически всех сфер жизни в Советском Союзе¹.

Значительный интерес представляют попытки зарубежных исследователей оценить историческое место реформ Хрущева в истории нашей страны. Довольно часто западные авторы, следуя за А.Ноувом, называют 1950-е — первую половину 60-х гг. “эрой Хрущева”, подчеркивая своеобразие данного этапа². Известный советолог из ФРГ Г.Симон даже ввел в научный оборот на Западе термин “хрущевизм”, отнеся к специфическим чертам этого явления десталинизацию, восстановление власти партаппарата, меры по повышению уровня жизни народа, превращение СССР в мировую державу, стремление к превосходству над США, а также усилия по повышению роли идеологии³. По мнению Г.Симона, Хрущев не имел в виду какое-либо приближение СССР к западной демократии и своими реформами “продлил исторический срок существования советской системы”⁴.

Довольно взвешенную оценку исторического места реформ Хрущева дал в своей статье, опубликованной в 1987 г., Д.Филтцер. По его мнению, эти реформы “хотя и были радикальными по характеру и способными ликвидировать некоторые из наиболее бросающихся в глаза негативных моментов унаследованной системы, тем не менее не изменили основополагающие черты советских производственных отношений, созданных при Сталине. В этом смысле эра Хрущева может рассматриваться как переходный период между годами правления Сталина и современностью”⁵.

С началом в СССР перестройки внимание зарубежных советологов было привлечено к вопросу о связи хрущевских реформ и процессов, происходивших в СССР во второй половине 1980-х гг. Свою точку зрения по этой проблеме высказал и хорошо известный в нашей стране американский советолог С.Коэн. По его мнению, в истории СССР есть три переломных момента: конец 1920-х гг., 1956 г. и 1985 г. С.Коэн убежден, что существует связь между перестройкой и демократизацией советского общества во второй половине 1980-х гг. и процессами, которые происходили в

¹ Cohen S.F. Rethinking the Soviet experience. Politics and history since 1917. N. Y., Oxford, 1985. P. 134, 137.

² См.: Nove A. An economic history ... P. 322; Filtzer D. Labour ... P. 120; McCauley M. The Soviet Union since 1917 ... P. 163.

³ См.: Simon G. Op. cit. S. 2.

⁴ Ibid. S. 3, 4.

⁵ Filtzer D. Labour ... P. 120.

нашей стране сразу после XX съезда партии. “Давайте теперь спросим себя: Был ли 1956 год началом реформы той системы, которая была создана в 30-е годы? Я отвечаю: Да!”, — заявляет американский ученый¹. Аналогичная точка зрения высказывается и в отечественной литературе².

Независимо от оценок характера реформ Хрущева, практически все западные авторы положительно характеризуют такие результаты экономической политики нашего государства в тот период, как существенное улучшение положения колхозного крестьянства, повышение народного благосостояния, резкое сокращение сферы использования принудительного труда.

Так, Дж.Хоскинг пишет, что “Хрущев был в некоторых отношениях выдающимся государственным деятелем. Больше, чем любой из его коллег, он ощущал всю серьезность внутренних проблем, стоявших перед страной”. Хотя попытки Хрущева решить эти проблемы несли на себе отпечаток волюнтаризма и сам реформатор не вполне освободился от форм и методов руководства, характерных для эпохи сталинизма, тем не менее “он оставил страну в более процветающем состоянии, чем его предшественник”³. По мнению Дж.Хоскинга, особенно большое значение имело то, что “Хрущев смягчил до некоторой степени нищету и беспросветность крестьянской жизни. К тому же он вернул сельское хозяйство, как объект политики, на подобающее ему место”⁴. А.Ноув пишет, что несправедливо предавать забвению факт заметного улучшения жизни простых советских граждан при Хрущеве. “Если же он, — пишет английский советолог, — был неспособен в полной мере понять проблемы, которые стояли на пути повышения эффективности в промышленности, не говоря уже о том, чтобы решить их, то то же самое можно сказать о тех, кто наследовал ему”⁵.

Другой английский автор Р.Мантинг также подчеркивает, что Н.С. Хрущев “по-настоящему заботился о крестьянстве, бедственное положение которого он видел собственными глазами”. Кр.Дюран и Ф.Фремо (Франция) делают вывод о том, что “после смерти Сталина ... советское правительство проводило политику, более благоприятную для сельского хозяйства, уменьшая разницу в доходах между городским и сельским населением”⁶.

¹ Cohen S., Schatrow M. Zurückblicken, um vorwärts zu gehen. Ein Dialog // Wir brauchen die Wahrheit. Geschichtsdiskussion in der Sowjetunion. Köln, 1988. S. 147-148.

² См., например: Федоров Г. Указ. раб.

³ Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 372.

⁴ Там же. С. 370.

⁵ Nove A. Industry ... P. 70.

⁶ Munting R. Op. cit. P. 132; Durand Chr., Fremiaux Ph. Comprendre l'économie soviétique. P., 1985. P. 84.

В зарубежной литературе ставится вопрос и о влиянии реформ Хрущева на судьбы советского правящего класса. В частности, Дж.Хоскинг пишет, что назначенцы, получившие места в партийном аппарате республик и областей, “обладали властью гораздо большей, чем при Сталине”, поскольку они были неподконтрольны службе безопасности, а, напротив, сами ее контролировали. Меры по обеспечению законности в деятельности органов безопасности, по мнению Дж.Хоскинга, должны были “гарантировать будущее партийно— государственной элиты”. “Джентльменское поведение” Н.С. Хрущева по отношению к членам “антипартийной группы” в 1957 г. (Маленкова и Молотова не арестовали как “агентов империализма”, а назначили на приличные должности) было, по мнению английского ученого, “ключевым моментом превращения созданной Сталиным бесправной правящей элиты в правящий класс в полном смысле этого слова. С этого момента члены правящего класса могли быть уверены, что, даже впад в политическую немилость, они смогут сохранить привычный уровень жизни, а их дети получают существенные преимущества в борьбе за высокое социальное положение”¹.

В качестве положительных результатов развития советского общества в хрущевский период практически все зарубежные исследователи называют достижения в решении жилищной проблемы. Так, Дж.Хоскинг с удовлетворением отмечает, что при Хрущеве у людей появилась надежда “когда-нибудь вырваться из чудовищной скученности коммуналок”, поскольку было развернуто широкое жилищное строительство, в том числе и с привлечением средств населения через жилищно—строительные кооперативы. Впрочем, последним этот исследователь отводит особую роль в эволюции советского общества. Нельзя не признать реалистичность его тезиса о том, что “обладание квартирой в кооперативном доме стало в некотором смысле знаком промежуточного социального положения — между привилегированной элитой, которой кооперативы не были нужны, и простыми рабочими, которые в смысле жилья зависели от работодателей или местных советов”. Имея в виду данное обстоятельство, Дж.Хоскинг формулирует положение о том, что в рассматриваемый период “советское общество стало расслаиваться и приобретать новые измерения”².

Этот вывод, несомненно, заслуживает внимания при изучении процессов социально—экономической дифференциации в СССР в послевоенный период. В то же время ясно, что при Хру-

¹ Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 344, 345, 357.

² Там же. С. 364.

щеве эти процессы были под контролем государства и не были столь тесно связаны с теневой экономикой, как, скажем, при Брежневе.

Другая сфера, результаты развития которой в хрущевский период получают высокие оценки советологов, — народное образование. Так, А.Ноув успехи в развитии образования всех уровней относит к числу “достижений всего советского периода, наиболее заслуживающих уважения”¹. Другой английский исследователь — Дж.Хоскинг констатирует, что “после войны советская система образования ... и в количественном, и в качественном отношении добилась блестящих успехов, что является одним из самых замечательных достижений советского общества”². Подобная оценка не лишена оснований, хотя в современной отечественной литературе можно встретить и весьма критические суждения относительно состояния народного образования в СССР в рассматриваемый период³.

В то же время западные авторы указывают в своих работах на ошибки и просчеты в аграрной политике Хрущева. В частности, Н.Вайн подчеркивает, что в 50-е гг. в СССР акцент делался не на интенсификацию сельского хозяйства, а на его экстенсивное развитие. В западной литературе критикуется введение необоснованных ограничений на личное подсобное хозяйство колхозников и рабочих совхозов. Так, Р.Мантинг считает, что “наступление Хрущева на частный сектор ... было самой серьезной ошибкой в его сельскохозяйственной политике”⁴. Отрицательная оценка политики ограничений на личное подсобное хозяйство, проводившейся Н.С. Хрущевым, дается и другими западными авторами.⁵ Дж.Хоскинг обращает внимание на то, что ошибки Хрущева в аграрной политике имели тяжелые последствия для страны (повышение в 1962 г. цен на молоко и мясо, вызвавшее недовольство народа, продовольственный кризис 1963-1964 гг., превращение Советского Союза в чистого импортера зерна)⁶. Дж.Уэствуд,

¹ Ноув А. An economic history ... P. 350.

² Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 366. См. также: Ноув А. An economic history ... P. 350.

³ В частности, констатируется тот факт, что “СССР пропустил революционный взрыв в качестве среднего и высшего образования, который произошел в развитых капиталистических странах в начале шестидесятых годов”. Одним из выражений этого было падение престижа профессии учителя, которая превратилась в одну из самых низкооплачиваемых. Вскоре это отрицательно сказалось и на высшей школе. В результате “была подорвана исходная база культуры народа, без которой невозможно освоить достижения современной науки, техники и технологий” (XX съезд КПСС ... С. 88).

⁴ We in N. Op. cit. S. 138-139; Munting R. Op. cit. P. 149.

⁵ См. например: Dmytryshyn B. A history of Russia. New Jersey, 1977. P. 585.

⁶ Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 370.

как и многие другие зарубежные исследователи, отмечает, что переход СССР к импорту зерна из капиталистических стран подрывал его престиж в мировом сообществе и явился одной из причин смещения Хрущева¹.

Как и следовало ожидать, западные авторы весьма критически относятся к нереальным проектам Н.С. Хрущева, преследовавшим цель в исторически короткие сроки превзойти США по производству молока и мяса и к началу 1980-х гг. построить коммунизм. Так, М.Элман и Дж.Берлинер, как и многие другие исследователи, отмечают, что подобные планы основывались исключительно на простом сопоставлении темпов экономического роста СССР и США в 1950-е гг. и не учитывали реальных хозяйственных возможностей двух стран².

Н.Верт пишет, что выступление Н.С. Хрущева 22 мая 1957 г. на собрании представителей колхозников, где он выдвинул лозунг “Догнать и перегнать Америку!”, явилось “началом волюнтаристской политики “прыжка вперед”, опасность которой показала советская история тридцати предыдущих лет”. По мнению французского историка, постановка невыполнимых задач и их пропаганда “свидетельствовали о силе и постоянстве волюнтаристских методов мобилизации производительных сил, порождавших принуждение”. В стремлении совместить эти методы, унаследованные от периода форсированной индустриализации и коллективизации, с повышением активности широких масс населения Н. Верт справедливо усматривает противоречие, которое “скоро породило все более авантюристические инициативы, непродуманные административные реформы, экономические и социальные перегибы, которые не замедлили выявить пределы хрущевского проекта и привели к серьезному экономическому и социальному кризису начала 60-х гг.”³. Трудности в реализации хрущевских проектов, по словам Н.Верта, привели “к возвращению в экономику начиная с 1958/59 гг. явлений, во многом напоминавших о положении конца 40-х — начала 50-х гг.”⁴.

Итальянский историк-марксист Дж.Боффа обращает внимание читателя на то, что идея “догнать и перегнать” передовые капиталистические страны по производству промышленной продук-

---

¹ См.: Westwood J.N. Op. cit. P. 409.

² См.: Elman M. The USSR in the 1990s: struggling out of stagnation. L., 1989. P. 12; Berliner J.S. Economic reform in the USSR // The Soviet Union under Brezhnev and Kosygin. The transition years / Ed. by J.W. Strong. N. Y. et al., 1971. P. 52.

³ В е р т Н. Указ. соч. С. 359.

⁴ Там же. С. 368.

ции на душу населения была выдвинута еще Сталиным (1939 г.)¹. В реальных условиях, которые сложились в СССР в конце 1950-х — начале 1960-х гг., во многом аналогичные проекты Н.С. Хрущева выглядели абсурдом. Дж.Боффа пишет, что расчеты, на которых основывались проекты Н.С. Хрущева, “не учитывали не только богатство и многообразие американской экономики, но и изменения экономики советской. Существовали целые отрасли — обслуживания, народного потребления, — в которых разрыв между СССР и США оставался глубоким”. Заслуживает внимания и мысль Дж.Боффы о том, что “советские руководители не могли и не хотели сконцентрировать все ресурсы на повышении благосостояния (как Сталин сконцентрировал их на тяжелой промышленности)”².

Более сдержанные оценки экономической политики Н.С. Хрущева дает французский марксист и один из лидеров “еврокоммунизма” Ж.Эллейнштейн. С учетом того пути, который прошел СССР с 1953 г., заслуги Хрущева, по мнению Ж.Эллейнштейна, немалы, но проявляются они прежде всего в политической области (критика культа личности, создание более привлекательного имиджа СССР в глазах мировой общественности и т. д.). Что же касается экономики, то “он обнаруживал склонность придерживаться волюнтаристских подходов прошлого, принимая свои желания за реальности и без оглядки проецируя будущее на настоящее”. Ж.Эллейнштейн считает, что поспешные и противоречивые решения, принимавшиеся Н.С. Хрущевым по хозяйственным вопросам, и многочисленные перестройки не способствовали решению серьезных экономических проблем, и прежде всего в области сельского хозяйства³.

Следует отметить, что к числу практически неисследованных проблем в зарубежной (да, впрочем, и в отечественной) историографии относится вопрос о функциональной роли нереальных программ и проектов Хрущева в экономической политике и идеологии того периода. На наш взгляд, констатация того факта, что эти программы и проекты были фантастическими и волюнтаристскими, недостаточна для ответа на данный вопрос. Проблема гораздо сложнее. В этой связи представляется интересным вывод

---

¹ Отметим, что на связь утопических планов Н. С. Хрущева с партийными установками сталинского периода обращается внимание и в современной отечественной литературе. Так, например, Е. Ю. Зубкова подчеркивает, что программа построения коммунизма “по сути, только повторила, сделав корректировку на время” ориентацию на построение коммунизма в СССР в течение ближайших 20-30 лет, содержащуюся в проекте программы ВКП(Б), который предполагалось разработать к концу 1947 г. (Зубкова Е.Ю. После войны ... С. 291).

² Боффа Дж. Указ. соч. С. 480.

³ Elieinstein J. Histoire de l'U.R.S.S. T. 4. ... P. 181.

А.Ноува о том, что подобные планы Хрущева являлись “частью его усилий по реанимации идеологического пыла и вливанию динамизма в систему, которая, будучи предоставленной самой себе, могла бы пасть жертвой инертности”¹. Исключить существование у Н.С. Хрущева и его окружения таких задач, очевидно, нельзя. Другое дело, насколько ощутимым и устойчивым может быть эффект, полученный от выдвижения утопических планов.

Приведенные выше оценки деятельности Хрущева и того периода, когда он возглавлял партию и наше государство, свидетельствуют о том, что зарубежные авторы, как марксисты, так и немарксисты, в целом объективно характеризуют экономическую политику, которая проводилась тогда в СССР, хотя и делают неодинаковые акценты. Для этих авторов характерно в целом благожелательное отношение к Советскому Союзу, что не исключает и критики отдельных сторон нашей действительности. На этом фоне явным диссонансом выглядят сравнительно немногочисленные попытки некоторых западных идеологов сталинистской/маоистской ориентации представить в искаженном виде те реальные достижения в политическом и экономическом развитии нашего общества, которые имели место при Хрущеве.

Так, В.Дикхат, опубликовавший в Штутгарте книгу под названием “Реставрация капитализма в Советском Союзе”, доказывает, что при Хрущеве в результате упразднения диктатуры пролетариата и присвоения средств производства бюрократией были разрушены экономические основы социализма в СССР. По его мнению, XX съезд КПСС — “исходный пункт принципиального изменения социалистической структуры Советского Союза”. В. Дикхат внушает своим читателям мысль о том, что падение Хрущева было “следствием растущего недовольства советского народа” его политикой, основой которой было стремление к получению прибыли в промышленности и сельском хозяйстве². Аналогичные взгляды пропагандируются в вышедшей в США книге “Как был реставрирован капитализм в Советском Союзе и что это означает для международной борьбы”³. Разумеется, никакого сколько-нибудь серьезного анализа истории экономического развития СССР при Хрущеве в этих работах не дается, а попытки аргументации ограничиваются внешне революционными фразами.

В отечественной литературе период 50-х — начала 60-х гг. долгое время оставался в тени или же ассоциировался с импровизациями в области экономической политики, волюнтаризмом и

¹ N o v e A. An economic history ... P. 362.

² D i c k h u t W. Die Restauration des Kapitalismus in der Sowjetunion. Stuttgart, 1974. S. 33, 35, 104.

³ См.: How capitalism has been restored in the Soviet Union ... P. 14, 23-24, 101, 102.

субъективизмом в управлении народным хозяйством, непродуманным расширением посевов кукурузы и другими негативными явлениями. Лишь в последние годы возобладал взвешенный подход к оценке этого периода, что позволяет избегать односторонностей при анализе весьма непростых реалий этого нашего не столь уж отдаленного прошлого.

Лейтмотивом работ отечественных историков, опубликованных за последние десять лет, является мысль о том, что в политике Н.С. Хрущева (в том числе и экономической) были как сильные, так и слабые стороны. Так В.З. Дробижев подчеркивает, что “к деятельности ... Н.С. Хрущева относиться только с одними негативными оценками ... нельзя”¹. О.В. Волобуев и С.В. Кулешов отмечают большие заслуги Хрущева перед нашей страной, относя к числу последних попытку перехода к экономическим методам руководства, меры по подъему сельскохозяйственного производства, принятые в 50-е гг., заботу о повышении народного благосостояния (в частности, серьезное улучшение пенсионного обеспечения, начало осуществления широкой программы жилищного строительства)². В работах, опубликованных в нашей стране в последние годы, можно встретить констатацию того факта, что показатель 1960 г. по вводу жилья был превышен лишь в годы 12 пятилетки³.

Е.Ю. Зубкова делает вывод, что “таких масштабов, как в 50-е годы, социальная политика нашей страны, пожалуй, еще не знала”. По ее мнению, в этот период “политика действительно повернулась “лицом к народу””⁴.

Характерно, что благожелательное отношение к хрущевскому периоду проявляют даже те отечественные публицисты, которым чужды какие-либо симпатии к советской эпохе в целом. Так, в заметке, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева, М.Соколов признает, что личности Хрущева и Гагарина “символизируют единственный по-человечески более или менее привлекательный период советской истории, по которому возможно как-то ностальгировать ...”. Причины привлекательности этого периода он объясняет тем, что тогда “кровавость режима уже была далека от сталинских высот, а гниение режима еще не достигло высот брежневских, и на этой маленькой временной площадке наблюдалась устойчивая динамика роста благосостояния”⁵.

¹ Основные этапы развития советского общества // Коммунист. 1987. № 12. С. 69.

² Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. М., 1989. С. 198, 210.

³ XX съезд КПСС ... С. 72.

⁴ Зубкова Е.Ю. После войны ... С. 316, 317.

⁵ Соколов М. Российский истэблишмент в поисках Ивана-дурака // Коммерсант-Daily. 1994. № 68.

В ряде публикаций последнего времени справедливо обращается внимание на отсутствие последовательности и целостности в реформаторской деятельности Н.С. Хрущева¹. В то же время в нашей литературе признается тот факт, что далеко не все реформы Хрущева были бесполезными. Так, Г.Федоров, полемизируя с Ю.Левадой и В.Шейнисом, считает, что нельзя говорить о непоследовательности и неудаче всех реформ Хрущева. Он пишет, что “ряд реформ был проведен достаточно твердо, до конца доведен и вполне оправдал возлагавшиеся на них надежды”. К числу полезных мер он относит и “крестьянскую реформу”, результатом которой стала отмена непомерных налогов с крестьян и предоставление им права переселяться в другие деревни и города².

Е.Ю. Зубкова приходит к выводу, что в экономической политике 1950-х гг. “вектор был задан в общем верно: отказ от излишней централизации, расширение хозяйственной самостоятельности, использование цены, прибыли, кредита и других экономических рычагов в хозяйственной практике, переход на хозяйственные отношения между предприятиями и т.д.”. Она выдвигает правильное, на наш взгляд, положение о том, что реформы 1956 и 1965 гг. олицетворяют собой “внутренне единый, но дискретный в своем развитии процесс, своего рода *один поворот* (курсив автора. — В. В. Д.)”, причем “поворот 1965 г. ... логически и исторически был продолжением поворота середины 50-х годов”³. Однако, по мысли Е.Ю. Зубковой, “непродуманные и не доведенные до конца” реорганизации Хрущева “привели общество к состоянию усталости от реформ”, что в немалой степени способствовало победе консервативных тенденций⁴.

Несколько особняком в отечественной историографии хрущевских реформ стоит концепция, развиваемая И.А. Благих. Этот автор приходит к выводу, что “реформы Н.С. Хрущева не представляли какого-то альтернативного “демократического” пути в развитии экономики нашей страны”. В деятельности Хрущева сочетались попытки использования экономических факторов развития с административным нажимом, что обуславливалось в конечном счете “независящими от воли и желания реформатора гео-

¹ См., например: Волобуев О., Кулешов С. Указ. соч. С. 207; В а л о в о й Д.В. Экономика ... С. 65, 67; Г л о т о в В.И. О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50-х — первой половине 80-х годов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С.57, 64; З у б к о в а Е. Октябрь 1964 года ... С. 92; она же. Опыт и уроки ... С. 85; Л е в а д а Ю., Ш е й н и с В. Размышления над страницами истории. 1953-1964: почему тогда не получилось // Московские новости.1988. 1 мая.

² См.: Ф е д о р о в Г. Указ. раб.; Л е в а д а Ю., Ш е й н и с В. Указ. раб.

³ З у б к о в а Е.Ю. Опыт и уроки ... С.80, 87.

⁴ З у б к о в а Е.Ю. После войны ... С. 319.

графическими, историческими и традиционными факторами (подчеркнуто автором. — В. В. Д.) ...". По мнению И.А. Благих, реформы Хрущева еще раз подтвердили, что при наличии неиспользованных природных ресурсов (например, не вовлеченных в хозяйственный оборот земель) наиболее привлекательным для партийно-государственного руководства оказывается экстенсивный путь развития¹.

При оценке экономической политики Н.С. Хрущева принципиально важным является вопрос о соотношении в ней импровизации и волюнтаризма, а также об исторической обусловленности этих явлений. Эта проблема, не привлекая внимания зарубежных советологов, в последние годы ставится в отечественной литературе. На наш взгляд, во многом верным является положение о том, что в период рождения нового политического курса "импровизационный характер политики ... — скорее закономерность, нежели случай, а тем более результат злой воли или волюнтаристских ошибок. Волюнтаризм начинается там, где объективно приемлемые на переходных этапах методы воздействия на экономику и другие стороны жизни общества, становятся постоянной чертой политического руководства"². Однако конкретизация этого тезиса применительно к политике Н.С. Хрущева предполагает дальнейшие исследования.

Следует также отметить, что в коллективной монографии "XX съезд КПСС и его исторические реальности", опубликованной в 1991 г., вводятся в научный оборот новые материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, относящиеся к рассматриваемому периоду. Из них следует, что нереальные стратегические задачи, которые ставил Хрущев в области экономического соревнования с США и остальным капиталистическим миром, отнюдь не были только проявлением волюнтаризма и утопизма в политике, а имели своей основой прогнозы солидных научных учреждений³. Очевидно, дальнейшее изучение архивных материалов тех лет могло бы пролить новый свет на то, как формировалась экономическая политика при Хрущеве.

Практика реформ 50-х — начала 60-х гг. показала, что при сохранении старого хозяйственного механизма нельзя обеспечить решение новых сложных задач в области экономики. Российские историки Ю.В. Аксютин и О.В. Волобуев подчеркивают, что повышение эффективности экономики СССР в 1950-е гг. было

¹ Благих И.А. Указ. раб. С. 212-214.

² Наше Отечество. Ч. 2 ... С. 477. См. также: Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м ... С. 327.

³ См.: XX съезд КПСС ... С. 76-80.

кратковременным и она “не смогла продержаться на таком уровне из-за того, что не были преодолены коренные пороки социально-экономического механизма, сложившегося в 30-е годы”¹. В который раз получил подтверждение тот факт, что попытки административным путем заметно повысить эффективность существовавшей экономической системы, не затрагивая ее конститутивных элементов и, в частности, экономических интересов и стимулов, обречены на провал.

Опыт реформ Н.С. Хрущева свидетельствует также о том, что реформаторская деятельность, не находящая эффективной поддержки у населения, неизбежно приводит к поражению реформатора. Н.Верт в основном прав в том, что “не столько заговор против Первого секретаря ЦК КПСС узкого круга лиц, сколько бунт аппарата на фоне равнодушия общества и интеллектуальной элиты привел его 14 октября 1964 г. к поражению”².

---

¹ Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Указ. соч. С.163.

² Верт Н. Указ. соч. С. 386.

II. РЕФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА ПРИ Л.И. БРЕЖНЕВЕ И Ю.В. АНДРОПОВЕ

1. Общая характеристика литературы

В 1965-85 гг. в нашей стране велись активные, но в целом неудачные поиски более совершенного хозяйственного механизма. К решению этой задачи были привлечено немало авторитетных ученых, хозяйственников, управленцев и партийных работников. На более совершенный хозяйственный механизм возлагались большие надежды, поскольку считалось, что он повысит эффективность советской экономики, устранил ее очевидные недостатки и позволит СССР сделать рывок вперед в соревновании с капиталистическим миром.

Понятно, что рамки, в которых велись исследования путей повышения эффективности хозяйствования и проводились отдельные реформы, были очерчены довольно строго. По замыслу советского руководства, усовершенствованный хозяйственный механизм должен был устранить серьезные недостатки административно-командной системы при сохранении государственной собственности на средства производства, основ директивного централизованного планирования и руководящей роли КПСС в обществе. Консервативные лидеры СССР не были готовы пойти на какие-либо радикальные преобразования, которые бы угрожали позициям правящей элиты и создавали условия для экономической активности, основанной на частном интересе.

Исследование изменений в системе планирования, управления и экономического стимулирования в СССР было одним из самых приоритетных направлений в зарубежной советологии второй половины 1960-х — 80-х гг. Это вполне объяснимо, поскольку от эффективности советского хозяйственного механизма в значительной мере зависели результаты экономического соревнования социализма с капитализмом и судьбы общественно-политического и хозяйственного строя СССР. Известный английский историк-экономист Р.Дэвис в этой связи писал: «Для советской экономики путь вперед труден и, несомненно, на нем будет много зигзагов и поворотов. Если реформы будут успешными, то успех может затмить советские достижения, связанные с первенством в широкомасштабном национальном планировании быстрой индустриализации. Это позволит Советскому Союзу не только достичь цель, поставленную советской политикой в 1928 г., — догнать и пере-

гнать передовые капиталистические экономики, — но также и усилить контроль человека над своим собственным будущим. Если реформы в области планирования провалятся или не будут достаточно успешными, то советская экономическая система будет осуждена историей как система, которая оказалась способной справиться с задачами первых стадий индустриализации в развивающейся стране, но не может решать проблемы экономического роста в более развитом индустриальном обществе”¹.

Повышенное внимание зарубежных аналитиков к экономическим реформам, проводившимся в СССР в брежневский период, было обусловлено и тем, что Советский Союз и страны Запада долгие годы находились в состоянии холодной войны. Довольно влиятельные круги в западном мире были не заинтересованы в усилении экономической мощи СССР, однако было немало и тех, кто связывал с реформами в СССР свои надежды на смягчение напряженности в отношениях между Востоком и Западом. Имея в виду это обстоятельство, американский советолог С.Коэн писал, что “борьба между друзьями и противниками советской реформы — это также борьба между друзьями и противниками разрядки в Советском Союзе и на Западе”².

Проблемы реформирования хозяйственного механизма советской экономики затрагивались многими зарубежными авторами, рассматривавшими состояние и эволюцию экономической ситуации в СССР во второй половине 1960-х — первой половине 80-х гг. Среди ученых, занимавшихся этими проблемами специально, следует прежде всего отметить Г.-Г.Хеманна (ФРГ), Д.Дайкера (Великобритания), К.Рьявека (США), Дж.Берлинера (США), М.Борнштейна (США), М.Лавинь (Франция), Ш.-Э.Лагасса (Бельгия). Зарубежная литература по реформам хозяйственного механизма в СССР в брежневский период представлена не только многочисленными статьями и содержательными аналитическими материалами, но и рядом монографических работ. К числу последних относятся, в частности, книга К.Рьявека “Осуществление советских экономических реформ” (1975 г.), исследование Дж.Берлинера “Советская промышленность от Сталина до Горбачева” (1988 г.) и монография Ш.-Э. Лагасса “Советское предприятие и рынок” (1979 г.)³.

¹ Davies R.W. Industrialisation and after // The Soviet Union / Ed. by R.W. Davies. L., 1978. P. 54-55.

² Cohen S.F. Rethinking the Soviet experience. Politics and history since 1917. N. Y., Oxford, 1985. P. 157.

³ См.: R y a v e k K. Implementation of Soviet economic reforms. N. Y. et al., 1975; B e r l i n e r J.S. Soviet industry from Stalin to Gorbachev. Essays on management and innovation. Gower House et al., 1988; L a g a s s e Ch.-E. L'entreprise soviétique et le marché. P., 1979.

Анализируя развитие хозяйственного механизма в СССР, западные экономисты, как правило, опирались на концепции “центрально-управляемого хозяйства”, “экономики советского типа”, “командной экономики”, “конвергенции двух систем” и т.д.¹ Большинство из них не верили в возможность самоперерождения советской экономики в разновидность рыночного хозяйства² и перспективы повышения ее эффективности связывали с реформами, проводимыми сверху. Многие советологи (и прежде всего представители неоклассического и неолиберального направлений) исходили из тезиса о невозможности создания эффективного хозяйственного механизма без отказа СССР от директивного централизованного планирования и управления экономикой.

Обосновывая этот вывод, зарубежные исследователи отнюдь не отрицали реальные весомые достижения плановой экономики. Однако многие западные авторы исходили из того, что советская система планирования была создана для решения задач индустриализации народного хозяйства. После того, как они решены, надобность в централизованном планировании отпадает, и функцию регулирования экономики целесообразнее передать рыночному механизму. В условиях, когда народнохозяйственные связи стали особенно сложными, плановые органы оказываются не в состоянии все предусмотреть и перерабатывать информацию, поступающую от хозяйственных единиц, а также осуществлять действенный контроль над выполнением планов³. Широкое внедрение компьютеров может облегчить обработку информации, однако продолжает оставаться неразрешимой проблема достоверности сведений, получаемых с мест⁴.

¹ Об особенностях методологических подходов основных направлений зарубежной советологии к анализу эволюции экономической системы СССР см., например: Всемирная история экономической мысли. Т. 5 / Гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1994. С. 218-225.

² В частности, западным аналитикам пришлось убедиться, что даже более интенсивные торговые связи с Западом не приводят к каким-либо существенным изменениям в советской экономической системе. См., например: M a c h o w s k i H. Die Wirtschaftsbeziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Sowjetunion — die sowjetische Perspektive // Osteuropa Wirtschaft. 29. Jg. 1984. H. 3. S. 228-229.

³ Так, Г.-Г. Хеманн (ФРГ) признавал, что “в историческом плане экономика, над которой довлело планирование, развивалась весьма успешно”, однако впоследствии стали заметны “негативные последствия” системы централизованного планирования” (H ö h m a n n H.-H. “Weiterwursteln” oder konzeptionelle Neuorientierung? Probleme und Tendenzen der sowjetischen Wirtschaft nach dem Machtantritt Andropows // Osteuropa. 33. Jg. 1983. H. 5. S. 375). См. также: C h a v a n c e B. Trois types d'économies socialiste: Union Soviétique, Yougoslavie, Chine // Critique de l'économie politique. Nouvelle série. 1982. № 19. P. 42; L a n e D. Soviet economy and society. Oxford, 1985. P. 76; O s e r s J. Die osteuropäischen Krisenerscheinungen und ihr sozialökonomischer Hintergrund // Osteuropa Wirtschaft. Vol. 27. 1982. H. 4. S. 292, 293.

⁴ См.: Westwood J.N. Endurance and endeavour. Russian history 1812 — 1992. N. Y., 1993. P. 437.

Многие зарубежные специалисты по проблемам хозяйственного механизма советской экономики были убеждены в существовании неразрешимого противоречия между централизованным планированием и товарно-денежными отношениями, хозяйственной демократией и централизмом. Поэтому почти все конкретные мероприятия по реформированию хозяйственного механизма, проводившиеся в СССР в брежневский период, западные исследователи считали логически противоречивыми, поскольку в их рамках наряду с усилением централизованного планирования предусматривались дальнейшее укрепление хозрасчета, производственной демократии, расширение прав предприятий и трудовых коллективов¹.

В советской экономической литературе подобные трактовки подвергались резкой критике. Основные возражения отечественных авторов, как правило, сводились к тому, что хотя система планирования в основных чертах действительно сложилась на этапе социалистической реконструкции народного хозяйства, необходимость планирования определялась не только специфическими задачами реконструктивного периода, но и самой логикой существовавшей экономической системы, основанной на общенародной собственности на средства производства².

Вызывало возражения и противопоставление совершенствования централизованного планирования и расширения оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий³. Полемизируя со своими идейными оппонентами на Западе, советские авторы подчеркивали, что в системе социалистических производственных отношений сосуществуют и находятся в диалектическом единстве планомерные и товарно-денежные отношения и действует закон стоимости. Из этого делался вывод о том, что есть объективная возможность и необходимость использования рыночных категорий в системе социалистического производства. К тому же совершенствование централизованного планирования и управления экономикой при одновременном расширении прав предприятий

---

¹ См., например: D u k e r D. Half-hearted reform: the new planning decree // Soviet analyst. Vol. 8. 1979. № 20. P. 6; Crisis in the East European economy / Ed. by J. Drewnowsky. L. et al., 1982. P. 170.

² В. Н. Кириченко отмечал, что в планировании "находит свое необходимое выражение коренной объективный закон коммунистической формации в целом и ее первой фазы — закон планомерного развития всего общественного производства, выступающий обязательной и исходной формой экономической реализации общенародной собственности" (К и р и ч е н к о В. Перестройка системы управления и централизованное планирование // Коммунист. 1986. № 13. С. 10).

³ См., например: Критика буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских теорий развития го социализма. М., 1984. С. 234-236; Ц а г о л о в Н. А. Вопросы теории производственных отношений социализма. М., 1983. С. 92-227.

считалось неотъемлемой чертой принципа демократического централизма. Однако повседневная экономическая жизнь СССР, как известно, во многих случаях подтверждала корректность выводов зарубежных авторов, поскольку демократический централизм и хозрасчет во многих случаях были формальными, а в действительности решительно преобладали административно-командные отношения.

2. Хозяйственная реформа 1965 г.

Самой радикальной попыткой перестройки хозяйственного механизма в СССР при Брежневе была хозяйственная реформа 1965 г. Ее концепция была сформулирована в решениях сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и конкретизирована в постановлениях ЦК КПСС и СМ СССР “Об улучшении управления промышленностью” от 30 сентября 1965 г. и “О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства” от 4 октября 1965 г.¹ Смысл реформы, как известно, состоял в возврате к отраслевому управлению экономикой через министерства, в существенном расширении хозяйственной самостоятельности предприятий и в усилении экономического стимулирования производства. В то же время, в соответствии с концепцией реформы, повышение роли рыночных отношений в экономике должно было происходить в условиях “дальнейшего совершенствования централизованного планирования, проведения единой государственной политики в области финансов, цен, кредита и оплаты труда ...”²

Зарубежные авторы посвятили этой реформе немало исследований и комментариев, что вполне объяснимо как с точки зрения задач, стоявших перед западной советологией в тот период, так и с учетом тех ожиданий, которые породила эта реформа в нашей стране и за ее пределами в первые годы ее осуществления. Внимание зарубежных экономистов к хозяйственной реформе 1965 г. в значительной мере оправдывалось и тем, что на ее примере можно было изучить фундаментальные проблемы, связанные с функционированием экономики советского типа. В этой связи А.Эрлих (США) отмечал, что с реформы 1965 г. начинается новый этап западных исследований советской экономики, который должен дать ответ на вопрос о возможности “мирного сосуществова-

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 1986. С. 440-482.

² Там же. С. 457.

ния” элементов централизации и децентрализации в советской экономической системе¹.

Одним из вопросов, который рассматривался западными исследователями хозяйственной реформы 1965 г., был вопрос о ее предпосылках. По этой проблеме в зарубежной литературе обнаруживаются два основных подхода. Согласно первому из них, советское руководство было вынуждено приступить к реформированию планирования, управления и экономического стимулирования главным образом под воздействием внешних факторов. Это означает, что причиной реформы были не плохие показатели развития советской экономики, а то, что, вопреки ожиданиям советских плановых органов, темпы экономического роста в странах Запада заметно возросли и усиливалось отставание СССР от развитых капиталистических стран по уровню экономического развития.

Такой точки зрения придерживается, например, известный американский экономист Дж. Берлинер. Он считает, что “причиной тревоги было не функционирование советской экономики. Если бы Соединенные Штаты продолжали бы идти по ожидавшемуся курсу развития, то советские лидеры ... были бы полностью удовлетворены советскими достижениями”. Основной целью реформы, по мысли Дж. Берлинера, должно было стать “преобразование структуры экономической организации, которая хорошо служила при старой модели, в новую структуру, предназначенную для стимулирования роста эффективности и обеспечения технического прогресса, что необходимо при новых моделях”. Одновременно Дж. Берлинер констатирует, что необходимость экономической реформы в СССР вызывалась исчерпанием возможностей экстенсивного роста, характерного для периода индустриализации, и превращением Советского Союза в “полностью индустриальную страну”, в которой должен был преобладать интенсивный тип роста². Таким образом, американский ученый называет не только внешние, но и внутренние факторы, обусловившие необходимость хозяйственной реформы 1965 г., хотя на первый план выдвигает факторы внешние.

Весьма близкую точку зрения высказывают и американские экономисты П. Грегори и Р. Стюарт. Как и Дж. Берлинер, при объ-

---

¹ “Является ли реформа 1965 г. разумным способом сочетания этих двух типов (элементов. — В. В. Д.) и что получается в результате? Эти вопросы будут занимать нас в течение многих лет в будущем” (Erllich A. Economics // Russian and Soviet studies: a handbook / Ed. by C.A. Bezer. Columbus, 1973. P. 20).

² Berliner J.S. Economic reform in the USSR // The Soviet Union under Brezhnev and Kosygin. The transition years / Ed. by J.W. Strong. N. Y. et al., 1971. P. 51, 52, 55.

яснении причин хозяйственной реформы 1965 г. решающую роль они отводят внешним факторам. По их мнению, данная реформа стала возможной вследствие усиления влияния на Советский Союз западных рыночных экономик в тот самый момент, когда в нашей стране упали темпы экономического роста, капиталоотдача и возросли ожидания потребителей, достаточно осведомленных о более высоких жизненных стандартах на Западе¹.

Сторонники другого подхода выдвигают на первый план внутренние факторы, усматривая главную причину реформы в том, что в рамках старой модели оказалось невозможным преодолеть те трудности, с которыми столкнулось развитие советской экономики. Так, по мнению А.Райта (США), на изменение системы планирования и управления экономикой советское руководство было вынуждено пойти потому, что попытка решения задач в области подъема сельского хозяйства и производства потребительских товаров при сохранении высоких темпов развития тяжелой промышленности, предпринятая в конце 1950-х — начале 60-х гг. в рамках модели, сложившейся при Сталине, не увенчалась успехом². Некоторые авторы связывают хозяйственную реформу 1965 г. с системными недостатками административно-командной модели. В частности, И.Тротиньон (Франция) называет в качестве таковых невозможность совершенного планирования и определения реальной стоимости товаров, работ и услуг в советской экономике³.

Вполне правомерной является постановка зарубежными авторами и вопроса об идейных предпосылках хозяйственной реформы 1965 г. Они не отрицают, что важную роль в их формировании сыграли дискуссии по вопросам совершенствования хозяйственного механизма, которые велись в советской литературе в конце 1950-х — первой половине 60-х гг. Этот вывод, конечно, разделяется и в отечественной историографии.

В то же время некоторые из западных исследователей склонны связывать идейные предпосылки хозяйственной реформы 1965 г. с эрозией социалистических ценностей и идеалов после смерти Сталина. Так, например, И.Бирман (США) подчеркивает, что после XX съезда КПСС происходил “быстрый и очевидный процесс утраты иллюзий”, имели место “потеря веры в социалистический (коммунистический) идеал, замещение его признанием законности, моральной обоснованности личного корыстного интереса”. В

---

¹ См.: Gregory P.R., Stuart R.C. Soviet economic structure and performance. N. Y. et al., 1974. P. 339, 342.

² См.: Wright A.W. Soviet economic planning and performance // The Soviet Union since Stalin / Ed. by S.F. Cohen et al. Bloomington, 1980. P. 118.

³ См.: Trotignon Y. Le XXe siècle en U.R.S.S. Bordas, 1976. P. 212.

этих условиях, по мысли И. Бирмана, в нашей стране произошел “решающий поворот в сторону признания простого факта, что в экономике очень многое определяется интересами людей, участвующих в экономических процессах, а не только лишь некоей государственной целесообразностью”¹.

Одной из центральных тем в зарубежных публикациях, посвященных “реформе Косыгина-Либермана”, является вопрос о ее социально-экономической сущности. Авторы ультралевого толка считали эту реформу возвратом к капитализму. Так, в работе, опубликованной в 1974 г. в Чикаго Революционным Союзом, утверждалось, что действительной целью реформы было “систематизировать контроль государственно-монополистической клики на основе упорядоченных капиталистических принципов. На практике она лишь усилила власть капиталистов центрального государственного аппарата”². В монографии В. Дикхата “Реставрация капитализма в Советском Союзе”, вышедшей в свет в том же году в Штутгарте, также формулировался вывод о капиталистическом характере реформы 1965 г., обосновывавшийся тем, что по ее условиям “значительная часть прибыли ... не перечисляется в государственный бюджет, а распределяется среди работников предприятия”³.

Леворадикальные интерпретации сущности реформы 1965 г., подобные приведенным выше, не пользовались каким-либо заметным влиянием в зарубежной литературе. С ними не соглашались не только авторы советских публикаций по проблемам реформы, но и видные зарубежные марксисты. Так, Ж.Эллейнштейн (Франция) писал, что “в советской экономике не обнаруживается никакой тенденции к возврату к капитализму в той или иной форме”, поскольку сохранялись все основные принципы социалистической экономики⁴. Против попытки трактовать реформу 1965 г. как возврат СССР к капитализму выступили и некоторые зарубежные ученые-немарксисты⁵.

Несравненно большее значение для формирования отношения общественности стран Запада к этой реформе имели выводы профессиональных экономистов-советологов неоклассического и

¹ B i r m a n I. Second and first economies and economic reforms. Washington, 1980. P. 11.

² How capitalism has been restored in the Soviet Union and What this means for the world struggle. Chicago, 1974. P. 40-46, 53.

³ D i c k h u t W. Die Restauration des Kapitalismus in der Sowjetunion. Stuttgart, 1974. S. 107.

⁴ E l l e i n s t e i n J. Histoire de l'U.R.S.S. T. 4. P., 1975. P. 213.

⁵ Так, американский советолог К. Рьявек пишет, что хозяйственной реформой 1965 г. “капитализм не вводится, и обвинения со стороны китайской коммунистической пропаганды и надежды некоторых западных газет несостоятельны” (R y a v e k K. Implementation of Soviet economic reforms. N. Y. et al., 1975. P. 3).

неолиберального направлений. Следует отметить, что даже весьма авторитетные знатоки советской экономической политики первоначально преувеличивали реформистский потенциал “поворота 1965 года”. Например, А.Ноув (Великобритания) в своей “Экономической истории СССР” писал, что “мы видим только первый шаг в большой перемене, которая, возможно, будет вести советскую систему — как это уже случилось с югославской системой — к тому, что может быть названо рыночным социализмом”.¹ И.Тротиньон считает реформу 1965 г. “поворотом в экономической истории СССР, который был, несомненно, самым значительным за период с 1928 г., когда восторжествовало планирование”. По его мнению, этот эксперимент поставил под вопрос “всю экономическую систему, в том числе и принципы социализма”.²

Весьма характерно, что подобные оптимистические оценки реформистского потенциала эксперимента 1965 г. давались не только тогда, когда его итоги и судьба не были вполне ясны. Американский ученый Дж.Уэствуд даже в начале 1990-х гг., когда неудачи в неоднократных попытках совершенствования хозяйственного механизма советской экономики уже стали историческим фактом, писал, что “возможно, со временем эта реформа управления дала бы результаты, на которые надеялись Косыгин и другие. Руководители бы научились принимать решения, а не избегать их, в то время как местные представители власти и партийные функционеры, вероятно, научились бы ... не вмешиваться в управление предприятиями”.³

Однако большинство западных исследователей — как марксистов, так и немарксистов — весьма скептически относились к тезису о том, что перестройка хозяйственного механизма, принятая в Советском Союзе в середине 1960-х гг., влекла за собой какие-либо кардинальные изменения в советской экономической системе. В частности, они не соглашались с выводом о конвергенции двух систем в результате реформы 1965 года. Так, по мнению французского историка Ж.Эллейнштейна, “нельзя говорить о конвергенции между капитализмом и социализмом” как следствии этой реформы, поскольку “не было никакого изменения режима собственности”.⁴

---

¹ N o v e A. An economic history of the U.S.S.R. L., 1970. P. 371. Необходимо, однако, отметить, что в более поздних публикациях А.Ноув пересмотрел свою точку зрения по этому вопросу. В частности, он писал, что “реформы Косыгина понимались часто неправильно. В действительности они не изменяли существенные черты системы” (N o v e A. USSR: economic policy and methods after 1970 // The East European economies in the 1970s / Ed. by A. Nove et al. L. et al., 1982. P. 33).

² T r o t i g n o n Y. Op. cit. P. 197, 212, 215.

³ W e s t w o o d J.N. Op. cit. P. 436.

⁴ E l l e i n s t e i n J. Op. cit. P. 213.

Американский исследователь К.Рьявек, имея в виду ситуацию, относящуюся к началу 1970-х гг., также подчеркивал, что “главные отличия между советской и американской экономикой (и экономикой западноевропейских стран) все еще являются отличиями в типах, а не только в степени (развития соответствующих элементов. — В. В. Д.), несмотря на утверждение Джона Кеннета Гэлбрейта о том, что советская и американская экономики похожи, поскольку имеет место их “конвергенция ... на основе планирования”¹.

В работах зарубежных авторов не получил сколько-нибудь широкой поддержки и тезис о переходе СССР к рыночному социализму в результате хозяйственной реформы середины 1960-х годов. Так, французский историк Н.Верт пишет: “То, что в советской терминологии обозначалось понятием “хозрасчет”, не подразумевало, однако, ни реабилитации рыночных отношений, ни перехода к “социалистическому рынку”, проповедуемому тогда чешскими и венгерскими экономистами, и еще меньше означало самоуправление по югославскому образцу”². Б.Шаванс также подчеркивает, что данная реформа “ни в коей мере не вводит рыночный социализм в той форме, в которой его желали видеть разные польские и чехословацкие реформаторы...”³.

Более того, многие зарубежные исследователи характеризовали реформу 1965 г. как довольно консервативную. Так, П.Грегори и Р.Стюарт констатируют, что “фактическая экономическая реформа в СССР была весьма скромной”. По их мнению, “самой главной чертой экономической реформы в Советском Союзе является ее консервативный характер”. Это проявлялось, в частности, в том, что “ее основной целью было сохранение самых фундаментальных характеристик первоначальной экономической системы...”. К числу причин консерватизма “реформы Косыгина-Либермана” они относят приоритет планирования в Советском Союзе и сопротивление лиц, чьи интересы она затрагивала⁴.

Бельгийский советолог Ж.-М.Шовье также приходит к выводу, что реформа 1965 г. “ни в коей мере не означала конец централизованной модели”⁵. О консервативном характере этой реформы пишут И.Бирман (“фактически она не так уж много и реформировала”), Дж.Пэллот и Д.Шо (“реформы, которые были начаты в 1965 г. при Брежневе и Косыгине ..., оказались довольно консер-

¹ R y a v e k К. Op. cit. P. 4.

² В е р т Н. История советского государства. 1900 — 1991 / Пер. с фр. М., 1992. С. 389.

³ C h a v a n s e В. Op. cit. P. 40.

⁴ G r e g o r y P., S t u a r t R.C. Op. cit. P. 346, 365, 366.

⁵ C h a u v i e r J.-M. L'URSS au second souffle. Liège, 1976. P.129.

вативными”), Ш.-Э.Лагасс (“никакие из фундаментальных основ не были поставлены под вопрос: ни собственность, ни централизация, ни институты, ни даже сама процедура планирования”) и другие авторы¹. Американский историк Ст.Коэн, как и некоторые другие аналитики, отмечает, что “первоначальные предложения по реформе, выдвигавшиеся в начале и в середине 1960-х гг., были выхолащены во всех их существенных аспектах, и прежде всего это касается роли рынка и децентрализации”².

К числу исследований, в которых вопрос об экономической сущности хозяйственной реформы 1965 г. рассматривается специально, относятся работы Г.-Г.Хеманна (ФРГ) и К.Рьявека (США). По мнению Г.-Г.Хеманна, в основу реформы была положена “модель более свободной, модернизированной экономики с административным планированием”, которая “включала в себя как элементы (административной) централизации (возврат к министерской структуре управления), так и элементы (экономической) децентрализации (ограничение расширение свободы принятия решений на уровне производственной единицы)”³.

Еще раньше к аналогичному выводу пришел К.Рьявек. Он подчеркивает, что мероприятия, проводимые в рамках реформы 1965 г., не ставят под вопрос существование централизованного планирования и установление политических приоритетов для экономики. Реформа, по мнению американского экономиста, “представляет собой попытку соединить бюрократический централизм с децентрализацией предпринимательской деятельности”. Аналогию хозяйственной реформы 1965 г. К.Рьявек усматривает в реформах, которые проводил в России в конце XIX в. С.Ю. Витте, поскольку и в том, и в другом случаях для модернизации экономики использовались политическая власть и бюрократические подходы. Хотя реформа 1965 г. больше напоминала “технократизацию”, чем переход к реальным рыночным отношениям, она, по мнению американского экономиста, способствовала приближению советской экономики к западным вариантам экономических систем⁴.

---

¹ B i r m a n I. Second and first economies ... P. 23; P a l l o t J., S h a w D. Planning in the Soviet Union. L., 1981. P. 43; L a g a s s e Ch.-E. Op. cit. P. 583; K a s e r M. Soviet economics. L., 1970. P. 114, 115; G r e g o r y P., S t u a r t R.C. Op. cit. P. 364; G r o s s m a n G. The industrialisation of Russia and the Soviet Union // The Fontana economic history of Europe. The emergence of industrial societies. Part 2 / Ed. C.M. Cipolla. Glasgow, 1977. P. 518; M i l l a r J.R. The ABCs of Soviet socialism. Urbana et al., 1981. P. 128.

² C o h e n S.F. Rethinking the Soviet experience ... P. 139.

³ H ö h m a n n H.-H. Limits of growth, limits of change: the Soviet economy in the Brezhnev era. Köln, 1981. P. 16; e j u s d e m. Veränderungen im sowjetischen Wirtschaftssystem: Triebkräfte, Dimensionen und Grenzen. Köln, 1980. S. 9.

⁴ R y a v e k K. Op. cit. P. 3, 303, 304.

В советской литературе, как известно, не было недостатка в работах, в которых бы критиковались — и притом довольно резко — те или иные недостатки хозяйственной реформы 1965 г., в том числе и в период ее официальной поддержки. Однако многие зарубежные авторы шли гораздо дальше и обосновывали вывод о принципиальной несовместимости главных элементов новой системы планирования и экономического стимулирования.

В частности, такую точку зрения высказывал А. Ноув, подчеркивавший в одной из своих работ, опубликованной в 1982 г., что “реформы 1965 г. были внутренне противоречивыми”¹. Н. Верт также отмечал, что “уже с первых шагов проведения реформы стало ясно, что она представляет собой набор разрозненных и противоречивых мер”. “Действительно, — спрашивал французский историк, — могло ли сочетаться расширение допущенной самостоятельности предприятий с усилением административных и экономических полномочий министерств, этих удельных княжеств?”. По мнению Н. Верта, “создание Госснаба также противоречило провозглашенной самостоятельности предприятий, которые, как и прежде, не могли свободно выбирать поставщика и потребителя”². О “двойственности” хозяйственной реформы 1965 г. писал и другой французский советолог — Ж. Соколофф, имея в виду несовместимость административных и экономических подходов к управлению народным хозяйством СССР в том варианте, который вводился реформой³.

К числу западных исследователей, которые всесторонне изучали данную проблему, относится бельгийский советолог Ш.-Э. Лагасс, который в 1979 г. опубликовал монографию “Советское предприятие и рынок”. По его мнению, “принципиальное противоречие реформы бесспорно состоит в ее компромиссном характере. Желая ввести рыночные отношения, (реформаторы. — В. В. Д.) тем не менее не отваживаются заходить слишком далеко и действительно децентрализуют лишь потребительский сектор”. Как и многие другие авторы, Ш.-Э. Лагасс усматривает противоречивость реформы в том, что она пыталась сочетать “административный волюнтаризм и законы рыночной экономики”. Он отмечает, что планы производства по-прежнему устанавливаются центром (хотя и предполагается, что они учитывают запросы потребителей), цены ни в коей мере не отражают предпочтения потребителей, а обеспечение предприятий средствами производства

¹ Nove A. USSR... P. 17.

² Верт Н. Указ. соч. С. 391.

³ См.: Sokoloff G. L'économie obéissante. Décisions politiques et vie économique en U.R.S.S. P., 1976. P. 162.

остается жестко централизованным¹. Бельгийский автор приходит к выводу, что “реформа дает предприятиям некоторые возможности прислушаться к потребителям, но она мешает им ответить на потребности последних!”².

Говоря о внутренней противоречивости мероприятий, проводившихся в рамках хозяйственной реформы 1965 г., американский экономист Дж. Берлинер обращает внимание на другую сторону этой проблемы. Он отмечает, что в новых условиях ответственность за выполнение плана по-прежнему возлагалась на министерства, хотя предприятия получили право самостоятельно принимать решения по широкому кругу вопросов. “В действительности министерства, — пишет Дж. Берлинер, — были поставлены в такое положение, когда они несли ответственность за решения, которые им было запрещено контролировать”. Реакцией на эту ситуацию со стороны министерств было усиление их контроля над предприятиями. По мнению американского ученого, “урок экономической реформы состоял в том, что децентрализация управления с передачей его функций предприятиям строго ограничена директивной природой детального национального экономического плана”³.

Тезис о принципиальной несовместимости важнейших элементов реформы 1965 г., ставший одним из основных в западной историографии хозяйственного механизма советской экономики, в значительной мере определяет специфику зарубежных интерпретаций этой реформы по сравнению с отечественной литературой брежневского периода. В этой связи заслуживает внимания и вопрос о том, как западные исследователи объясняют объективные основы этой несовместимости или, другими словами, логической противоречивости конституирующих элементов реформы.

Среди подходов к решению этой проблемы, имеющих в западной литературе, можно выделить два основных. Первый из них состоит в том, что эффективное сочетание экономической самостоятельности предприятий с централизованным плановым управлением экономикой в принципе невозможно. Стало быть, любая реформа, ориентированная на развитие рыночных отношений при сохранении основ социализма советского типа, неизбежно включает в себя несовместимые элементы. Такую точку зрения можно встретить, например, у А. Ноува, который считал, что принципиальная невозможность совмещения экономической цен-

---

¹ Lagasse Ch.-E. Op. cit. P. 513, 565.

² Ibid. P. 568.

³ Berliner J.S. Soviet industry ... P. 101-102.

трализации и эффективности — главная причина многих проблем, с которыми сталкивалась советская экономика¹.

Согласно другому подходу, противоречия хозяйственной реформы 1965 г. объяснялись прежде всего разногласиями в партийно-государственном руководстве СССР по вопросам экономической политики. Сторонником такой интерпретации является, в частности, Н.Верт, который пишет, что “противоречия реформы отражали глубокие расхождения между возглавляемыми Брежневым сторонниками ограниченной децентрализации при сохранении в неприкосновенности роли политико-административной системы в функционировании экономики и объединившимися вокруг Косыгина приверженцами частичных рыночных реформ, готовыми в определенной степени довериться собственно экономическим регуляторам”².

Для советских экономистов, как известно, такая проблема не существовала. В лучшем случае противоречия реформы 1965 г. рассматривались как диалектические, как источник развития хозяйственного механизма, и связывались они прежде всего с сосуществованием в системе производственных отношений социализма отношений непосредственно общественных, планомерных, с одной стороны, и товарно-денежных, с другой. Глубокий анализ этой проблемы в отечественной литературе стал возможен лишь в последнее десятилетие. Однако следует подчеркнуть, что хотя изучение внутренних противоречий хозяйственной реформы середины 1960-х годов на Западе началось намного раньше, чем в отечественной, проблема объективных основ такой противоречивости и в зарубежной литературе остается недостаточно разработанной.

Много места в работах западных ученых по проблемам истории хозяйственного механизма советской экономики занимает исследование причин неудач хозяйственной реформы 1965 г. Как известно, после того, как началось фактическое свертывание этой реформы, материалы о ней быстро исчезли со страниц советской печати, поскольку обсуждение вопроса об итогах и опыте хозяйственной реформы, о ее судьбе надолго стало нежелательной темой в отечественной научной литературе. Напротив, в публикациях зарубежных советологов эта проблема дискутировалась довольно широко.

В спектре мнений, которые высказывались по этому вопросу советологами, прежде всего следует выделить точку зрения, согласно которой неудачи реформы 1965 г. были связаны в первую

---

¹ См.: Nove A. USSR... P. 18.

² Верт Н. Указ. соч. С. 391.

очередь не с какими-либо ее внутренними противоречиями и недостатками, а с сопротивлением консервативных сил внутри СССР, получившими перевес после известных событий в Чехословакии. В частности, к такому выводу приходят английские советологи Л.Шапиро и Д.Дайкер. Л.Шапиро, например, пишет, что “эта реформа столкнулась с трудностями с самого начала. Ее фактически саботировали партийные функционеры, которые боялись потерять свою власть, а также работники центральных плановых органов, которые привыкли командовать экономикой и не желали перемен”. Пример Чехословакии, по мнению Л.Шапиро, “несомненно способствовал провалу этой смелой советской попытки осуществить децентрализацию”¹. Аналогичную точку зрения высказывает и американский экономист К.Рьявек. Он пишет, что попытка создать “социализм с человеческим лицом” в ЧССР и желание советского руководства обеспечить конформизм во многих сферах жизни в СССР привели в 1970-71 гг. к такому изменению политического климата в Советском Союзе, которое сделало невозможным дальнейшее реформирование экономики². Английский историк Дж.Хоскинг обращает внимание и на другое обстоятельство: сопротивление консервативных сил реформе 1965 г. усиливалось и потому, что в случае ее успеха возникла бы угроза “тому приоритету, который имела военная продукция”³.

Другая и гораздо более многочисленная группа исследователей основные причины неудачи хозяйственной реформы усматривала в самой ее концепции и в тех экономических проблемах, которые она породила. Так, Р.Дэвис считает, что “уровень прибылей, получаемых предприятием, ... — весьма неточный показатель предпочтений как со стороны плановых органов, так и со стороны потребителей”. Цены на средства производства не зависели сколько-нибудь существенно от соотношения спроса и предложения, а низкий уровень вознаграждения за внедрение новых технологий не создавал реальных стимулов к внедрению достижений научно-технического прогресса. Сохранялось централизованное распределение ресурсов, а рынок оставался “рынком продавцов”. Р.Дэвис делает вывод, что “советское планирование после реформы 1965 г. стало более сложным”, а по своему характеру продолжало быть “административным планированием”⁴. Французский

¹ Schapiro L. The government and politics of the Soviet Union. N. Y., 1977. P. 161-162. См. также: Dyker D. Half-hearted reform ... P. 5.

² Ryavec K. Op. cit. P. 294.

³ Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917 — 1991 / Пер. с англ. М., 1994. С. 377-378.

⁴ Davies R.W. Economic planning in the USSR // The Soviet economy : continuity and change. Boulder, 1981. P. 32.

исследователь И.Тротиньон также подчеркивает, что с началом реформы “парализующая централизация не исчезла как по волшебству”¹.

Обстоятельный анализ причин неудач хозяйственной реформы 1965 г. дан в работе бельгийского советолога Ж.-М.Шовье “СССР на втором дыхании” (1976 г.). Этот автор приводит подробный перечень противоречий новой системы планирования, управления и экономического стимулирования с сохранявшейся старой системой, а также противоречий, содержащихся в концепции самой реформы и порождавшихся ею. В результате своего исследования бельгийский ученый пришел к выводу, что реформа поставила гораздо больше проблем, чем решила².

Ряд западных исследователей справедливо указывает на то, что прибыль и рентабельность даже в период успешного осуществления хозяйственной реформы 1965 г. не были основными показателями деятельности предприятия. Так, П.Грегори и Р.Стюарт пишут, что был достигнут очень небольшой прогресс в повышении роли прибыли как оценочного показателя, поскольку главным показателем оставалась реализованная продукция. Руководители предприятий не имели возможности свободно распоряжаться частью прибыли, которая не изымалась в бюджет, и число ограничений, равно как и количество плановых показателей, спускавшихся сверху, постоянно росло³.

Некоторые авторы обращают внимание на осложнение хозяйственной ситуации в СССР в период проведения реформы 1965 г. Так, Нобухико Хасегава пишет, что “экономический спад в 1969 г. сделал невозможным осуществление программы (реформ. — В. В. Д.) в последующие годы, пока она не была окончательно отменена в девятом пятилетнем плане, выполнение которого началось в 1971 г.”⁴ Во многих зарубежных публикациях отмечается не только тормозящее влияние центра, но и стремление предприятий к необоснованному завышению премий, наращиванию децентрализованных капиталовложений без учета их эффективности, сокрытие производственных резервов и другим злоупотреблениям, следствием чего стали усиление инфляционного давления и разбалансированность экономики⁵.

¹ Trotignon Y. Op. cit. P. 219.

² См.: Chauvier J.-M. Op. cit. P. 63, 69, 70.

³ См.: Gregory P., Stuart R.C. Op. cit. P. 351, 352, 358, 359.

⁴ Nobuhiko Hasegawa. Recent economic and financial policy in the Soviet Union // Review. 1975. № 42. P. 29. Впрочем, этот автор признает право на существование и альтернативной (точнее, официальной советской) точки зрения, согласно которой в годы девятой пятилетки осуществлялся новый этап хозяйственной реформы 1965 г. (Ibid.).

⁵ См., например: Trotignon Y. Op. cit. P. 219-220.

Довольно близкой к такому подходу является и точка зрения, согласно которой неудачи и неэффективность хозяйственной реформы 1965 г. в целом ряде областей объясняются ее недостаточным радикализмом. Так, К.Тальгейм пишет, что в СССР, как и в других социалистических странах, подобные реформы неизбежно проваливаются потому, что партийное руководство, заботясь о сохранении руководящей роли партии, не имеет необходимого мужества, чтобы провести “действительно глубокие реформы, изменяющие систему”. В результате таких реформ, по мнению К.Тальгейма, возникают “смешанные системы, слабые в функциональном отношении”¹.

Глубокий анализ проблем, с которыми столкнулась реформа 1965 г., мы найдем в работах известного западногерманского специалиста по проблемам советского хозяйственного механизма Г.-Г.Хеманна. Он пишет, что некоторые важные элементы реформы никогда не были реализованы из-за сопротивления бюрократии и вследствие объективных экономических трудностей. В то же время Г.-Г.Хеманн, как и многие другие авторы, констатирует целый ряд серьезных противоречий в теории и практике реформы.

По его мнению, главная причина неудачи состояла в том, что “реформаторы недооценили ту силу, которую по инерции сохраняла система планирования, остававшаяся в сущности неизменной”. Поэтому объективно неизбежным оказалось то, что “логика функционирования административной плановой экономики и сохранявшаяся “pressure esopoty” трансформировали “новую систему” в вариант директивного планового хозяйства”. К слабым сторонам хозяйственной реформы 1965 г. западногерманский советолог относит и отсутствие теории, которая бы объясняла проблемы функционирования “частично децентрализованных плановых систем” и позволяла бы разработать меры по обеспечению стабильности системы и улучшению ее функционирования².

Представляется довольно примечательным тот факт, что лишь весьма немногие зарубежные авторы к числу причин неудачи хозяйственной реформы 1965 г. относят отказ советского руководства ввести в СССР частную собственность. К их числу относится И.Бирман, который подчеркивает, что “любая система стимулирования в принципе не может быть совершенной при отсутствии частной собственности”. “При “социалистической” собственности, — пишет он, — каждый ее вариант, даже самый лучший, будет являть собой лишь некоторый эрзац естественной организации производ-

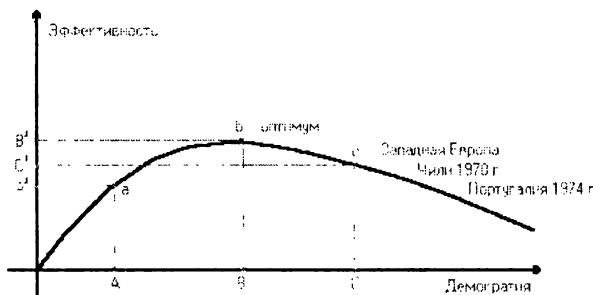
¹ Th a l h e i m K.C. Die Wirtschaft in der neuen Verfassung der UdSSR // Osteuropa. 1978. N 1. S. 23.

² H ö h m a n n H.-H. Veränderungen im sowjetischen Wirtschaftssystem ... S. 9.

ства". По мнению И. Бирмана, "именно в этом заключалась одна из причин неудачи реформы (хотя это не было понято)"¹.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в работах зарубежных авторов, опубликованных до начала в нашей стране перестройки с ее ориентацией на демократизацию и гласность, сравнительно редко можно встретить тезис, согласно которому причиной неудачи хозяйственной реформы 1965 г. было недостаточное развитие демократических начал в жизни советского общества. Одним из немногих западных исследователей, которые специально исследовали эту проблему, был бельгийский экономист Ш.-Э.Лагасс.

Он считает, что экономическая эффективность есть функция степени развитости демократии. По мере расширения демократических прав и свобод эффективность возрастает, достигает максимума (точка *b* на приводимом ниже графике), а затем начинает уменьшаться. По мнению Ш.-Э.Лагасса, результативность реформирования советской экономики снижалась из-за недостаточного развития демократии, в то время как эффективность экономики стран Запада была ниже максимальной вследствие избытка демократии².

График 1. Функция эффективности, приводимая Ш.-Э.Лагассом³

Оценки реальных результатов хозяйственной реформы 1965 г., которые можно встретить в зарубежной литературе, опубликованной в 1970-е — первой половине 1990-х гг., весьма неоднозначны. Эта неоднозначность обнаруживается даже в рамках марксистского направления. Так, французский историк Ж.Эллейнштейн считает, что реформа дала значительный эффект. Как и многие

¹ B i r m a n I. Second and first economies ... P. 12, 15.

² См.: L a g a s s e Ch.-E. Op. cit. P. 559, 584, 597, 607, 608.

³ Ibid. P. 597.

советские авторы, обосновывавшие ее результативность в период, когда партийно-государственное руководство СССР еще не взяло курс на ее свертывание, он констатирует, что реформа 1965 г. улучшила систему централизованного управления экономикой, позволила более полно использовать материальные стимулы к труду, усовершенствовать ценообразование, приблизив цены к уровню общественно необходимых затрат. Именно с реформой 1965 г. Ж.Эллейнштейн связывает успехи в выполнении плана 8 пятилетки, что опять-таки вполне соответствует выводам отечественной историографии начала 1970-х гг.¹

В то же время итальянский марксист Дж.Боффа, в отличие от Ж.Эллейнштейна, склонен оценивать результаты реформы 1965 г. скорее в негативном плане. Он констатирует, что реформа Косыгина “почти не изменила функционирование механизмов производства и обмена, не устранила недостатков, которые проявились уже в ходе индустриализации”, хотя и “позволила ослабить самые тугие пути управления, все еще по существу очень централизованного”².

В целом в западной немарксистской историографии преобладают пессимистические оценки результатов хозяйственной реформы 1965 года. Некоторые зарубежные авторы даже склоняются к выводу о том, что она ухудшила экономическую ситуацию в СССР. В таком духе высказывается, например, И.Бирман, в свое время принимавший участие в разработке концепции реформы. Он пишет, что “степень практических мер была такой небольшой, они были так некомплексны, что в целом реформа скорее опорожила идею, чем дала действительно полезные результаты”. Непосредственными результатами реформы 1965 г. были рост денежной массы, необеспеченной товарными ресурсами, и формирование благодатной среды для расцвета теневой экономики³. Подобные категоричные выводы о результатах хозяйственной реформы в последнее десятилетие стали появляться и в нашей литературе.⁴

Преобладание в зарубежной историографии пессимистических оценок результатов хозяйственной реформы 1965 года не означает, конечно, что западные авторы замалчивают ее позитивные

¹ См.: Elleinstein J. et al. Histoire de l'U.R.S.S. P., 1977. P. 184.

² Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2 / Пер. с итал. М., 1994. С. 545.

³ Birman I. Second and first economies ... P. 3, 4, 21, 22; e j u s d e m. The financial crisis in the USSR // Soviet studies. Vol. XXXII. 1980. № 1. P. 95. О незначительном влиянии хозяйственной реформы 1965 г. на экономику СССР пишут также Р. Хилл и Ф. Кушнирски. См.: Hill R. The Soviet Union. Politics, economics and society. From Lenin to Gorbachëv. L., 1985. P. 175; Kushnirsky F.I. The limits of Soviet economic reform // Problems of Communism. Vol. XXXIII. 1984. № 4. P. 34; Wright A.W. Op. cit. P. 121.

⁴ См., например: Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 194.

последствия. Есть немало исследователей, которые, отмечая неудачи реформы, тем не менее подчеркивают, что перестройка хозяйственного механизма, осуществленная в СССР в середине 1960-х гг., все-таки была шагом в верном направлении.

Так, по мнению Р. Дэвиса, «реформа 1965 г. ... имела некоторые положительные результаты. В первое время они были нацелены на постановку экономического расчета в центре плановой системы ...»¹ Ш.-Э. Лагасс считает, что эта реформа подтвердила живучесть рынка и категорий товарного производства². Д. Дайкер в качестве ее положительных результатов называет замедление падения фондоотдачи и появление у руководителей предприятий стимулов к уменьшению запасов излишнего оборудования³. Дж. Берлинер признает, что «выбор выручки от реализации продукции и прибыли в качестве новых оценочных показателей был разумным первым шагом в направлении создания оптимальной целевой функции для руководства предприятия», равно как и введение платы за фонды⁴. К. Рьявек позитивными симптомами считает некоторый рост безработицы в результате наметившейся рационализации производства и разработку системы мер по обеспечению занятости. Он приветствует и создание в СССР школ управления по образцу западных школ бизнеса. По мнению американского ученого, эти и другие успехи реформы могут «ускорить эрозию советского авторитаризма»⁵.

Довольно взвешенную оценку результатов хозяйственной реформы 1965 г. дали западногерманские экономисты Г.-Г. Хеманн и Г. Зайденштехер. Как и многие другие зарубежные исследователи, они констатируют, что реформа 1965 г. во многих отношениях потерпела неудачу и была заторможена советским руководством. В частности, Г.-Г. Хеманн пишет, что она не привела к каким-либо заметным улучшениям в советской экономике, а, напротив, снизила эффективность планирования, и партийно-государственное руководство страны встало на путь «реформ реформы»⁶. Однако весьма характерной чертой в позиции Г.-Г. Хеманна и Г. Зайденштехера является признание того, что даже после

¹ Дэвис Р. У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе // Кентавр. 1993. Май-июнь. С. 61.

² См.: Lagasse Ch.-E. Op. cit. P. 608, 609.

³ См.: Dyker D.A. Restructuring the Soviet economy. L., N. Y., 1992. P. 54.

⁴ Berliner J.S. Soviet industry ... P. 101.

⁵ Ryavek K. Op. cit. P. 1-3.

⁶ Höhmann H.-H. Veränderungen im sowjetischen Wirtschaftssystem ... S. 11; e j u s d e m. "Weiterwursteln" oder konzeptionelle Neuorientierung ... S. 375; e j u s d e m. Sowjetische Wirtschaft 1981 / 82: Wirtschaftslage, Stand des 11. Fünfjahresplans, Entwicklungsperspektiven, alternative Modelle der Wirtschaftspolitik. Köln, 1982. S. 36.

“отмены” реформы 1965 г. советская экономика не вернулась полностью к прежней системе планирования и управления. Западногерманские советологи подчеркивают, что “стремления к децентрализации, которые обнаружили прежде всего на рубеже семидесятых годов, а затем сохранялись, не имели, однако, своим результатом возврат к централизованной системе предреформенного периода”. По их мнению, советская экономическая система 1970-х гг. была более рациональной, чем система сталинского типа¹.

Нетрудно видеть, что целый ряд рассмотренных выше выводов зарубежных авторов, касающихся различных аспектов хозяйственной реформы 1965 г., весьма близок к оценкам, которые даются ей в современной отечественной литературе. В частности, в отличие от публикаций брежневского периода, в настоящее время признается, что реформа 1965 г. была свернута и многие ее цели не были достигнуты. Например, Ю.Ф. Воробьев в статье, посвященной анализу исторического опыта рассматриваемой реформы, приходит к выводу, что “задачи, поставленные в ходе хозяйственной реформы 1965 г., не были полностью выполнены, противозатратный хозяйственный механизм не был создан, не удалось активизировать хозрасчетный интерес предприятий”². Авторы издания “Наше Отечество” также признают, что “хозяйственная реформа не получила своего дальнейшего логического развития, не реализовывались ее основные замыслы”. Одно из самых серьезных препятствий при проведении реформы они усматривают в том, что “экономические методы управления пытались распространить в условиях организационно-структурной системы управления, воссоздавшей, по сути, те формы хозяйствования, которые сложились в период 30-50-х гг.”³

В работах российских авторов, опубликованных в последнее десятилетие, были критически проанализированы концепция реформы и ее отдельные элементы⁴. Результатом нового осмысления хозяйственной реформы 1965 г. явилась констатация того, что данная реформа была в значительной мере административной, о

---

¹ H ö h m a n n H.-H., S e i d e n s t e c h e r G. Die sowjetische Wirtschaft im Spiegel von Verfassung und Verfassungsdiskussion // Osteuropa Wirtschaft. 23 Jg. 1978. H. 3. S. 220.

² В о р о б ь е в Ю.Ф. К исследованию опыта реформы 1965 г. // Вопросы истории развития хозяйственного механизма в СССР. М., 1988. С. 243. См. также: История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920-1990 гг. / Под ред. А.Н. Марковой. М., 1995. С. 165; Очерки экономических реформ / Отв. ред. Ю. Ф. Воробьев. М., 1993. С. 230.

³ Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч. 2. М., 1991. С. 498.

⁴ См., например: Там же. С. 503-507; В е д е н е в Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР. Историко-правовое исследование (1957-1987 гг.). М., 1990. С. 44-107; П о п о в Г.Х. Эффективное управление. М., 1985. С.26-31.

чем, как мы отмечали выше, еще раньше писали зарубежные экономисты. В частности, в монографии Ю.А. Веденеева “Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР”, которая, на наш взгляд, относится к числу наиболее обстоятельных и оригинальных современных отечественных исследований по данной теме, убедительно доказывается, что “и концепция и практика хозяйственной реформы 1965 г. в значительной части своих элементов сохраняли (и воспроизводили) *административную идеологию* (курсив автора. — В. В. Д.) управления”¹.

Современные российские авторы признают и внутреннюю противоречивость мероприятий хозяйственной реформы 1965 г. Так, Ю.А. Веденеев приходит к выводу, что в новой модели управления промышленностью “должны были *сочетаться несовместимые* (курсив автора. — В. В. Д.) институты. Во-первых, директивное государственное планирование с полным хозяйственным расчетом предприятия; во-вторых, централизованное отраслевое управление по основным параметрам хозяйственной деятельности с широкой республиканской и местной хозяйственной инициативой; в— третьих, принцип линейного единоначалия с повышением роли производственных коллективов в принятии решений”. Внутренним противоречием всей хозяйственной реформы 1965 г. исследователь считает противоречие “между реальной потребностью в хозяйственной самостоятельности и наличными *планово-административными формами ее осуществления*”².

Авторы работ, опубликованных в нашей стране в последнее десятилетие, соглашаются с тезисом о том, что у консервативных сил, тормозивших реформу, была серьезная социальная база. Так, в упоминавшейся выше работе “Наше Отечество” отмечается, что в брежневский период “сложился довольно устойчивый конгломерат разнородных социальных сил, включавший в себя малокомпетентных управленцев аппаратного типа, ориентированных на “престижное потребление”, полуобразованных служащих и инженерно-технических работников, квазиученых, низкоквалифицированных и недисциплинированных рабочих, равнодушных к конечным результатам своего труда крестьян”. Именно эти группы населения “образовали своего рода “резервную армию”, социальную базу застоя”³. В новейших исследованиях российских экономистов охарактеризованы и методы противодействия реформе,

¹ Веденеев Ю.А. Указ. соч. С. 59.

² Там же. С. 46, 49. О противоречиях реформы см. также: Воробьев Ю.Ф. Указ. соч. С. 245-248.

³ Наше Отечество. Ч. 2 ... С. 492.

использовавшиеся плановыми органами и аппаратом воссозданных министерств¹.

Одной из проблем истории хозяйственной реформы 1965 г., которая вновь стала привлекать внимание отечественных ученых, стал вопрос о ее реальных результатах. Некоторые российские авторы дают в целом высокую оценку результатов хозяйственной реформы 1965 г. Так, например, А.Г. Аганбегян отмечает, что эта реформа “дала весомые экономические плоды”, что проявляется, в частности, в том, что национальный доход в 1966-70 гг. возрос на 41%, в то время как в 1961-65 гг. — на 32%. По его расчетам, “прирост эффективности общественного производства ... в восьмой пятилетке по сравнению с седьмой был вдвое выше”, причем “все эти результаты были в основном достигнуты с помощью организационно-экономических факторов”².

В то же время одним из результатов нового осмысления результатов хозяйственной реформы 1965 г. нашими исследователями стал вывод о том, что сравнительно успешное развитие советской экономики в 1966-70 гг. было связано не только с самой реформой, но и с другими факторами (например, с временным ослаблением административно-командной системы в период ликвидации совнархозов и перехода к отраслевой системе управления через министерства³, с появлением у хозяйственных руководителей стабильного плана и, следовательно, возможности избавиться от сверхнормативных производственных запасов и увеличить таким образом долю прибыли⁴). Кроме того, нашими исследователями вполне осознается тот факт, что улучшение экономической динамики в годы восьмой пятилетки было связано главным образом с успехами в области сельского хозяйства, а не промышленности, где проводилась реформа⁵.

Наконец, в спектре мнений о результатах хозяйственной реформы 1965 г., которые высказывались российскими экономиста-

¹ См., например: Очерки экономических реформ ... С. 218-220.

² Реформа управления экономикой: проблемы и поиск / Под ред. А.Г. Аганбегяна. М., 1987. С. 9.

³ Так, по мнению авторов уже упоминавшегося издания “Наше Отечество”, позитивные перемены в экономике в годы восьмой пятилетки были связаны скорее всего с тем, что “монопольный диктат совнархозовской разновидности административно-командной системы ослаб, а министерско-ведомственный еще не набрал силы” (Наше Отечество. Ч. 2 ... С. 506). См. также: На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990. С. 177-178.

⁴ См.: Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м: власть, общество, человек // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. М., 1991. С. 337.

⁵ Например, Ю.Ф. Воробьев отмечает, что “позитивные сдвиги в динамике национального дохода произошли преимущественно за счет ускорения роста сельскохозяйственной продукции при фактически стабильном среднегодовом темпе прироста промышленной продукции в 1961-1965 гг. и в 1966-1970 гг.” (Воробьев Ю.Ф. Указ. соч. С. 246).

ми в последние годы, есть и явно негативные. В качестве примера можно сослаться на выводы В.Селюнина и Г.Ханина, которые считают, что “в итоге реформа скорее разладила старый хозяйственный механизм, чем создала новый”. Они доказывают, что в годы восьмой пятилетки, когда проводилась данная реформа, “не было ни ускорения, ни эффективности”, а “ключевые показатели ухудшились ... даже сравнительно с первой половиной 60-х, не говоря уж о 50-х годах”¹. Однако подобные оценки не являются доминирующими ни в современной отечественной, ни в зарубежной литературе.

Таким образом, можно констатировать, что западные исследователи хозяйственной реформы 1965 г. во многих случаях давали реалистичные трактовки мероприятий, проводившихся в ее рамках, и в современной российской литературе преобладают интерпретации, часто не отличающиеся в концептуальном плане от выводов, к которым в свое время приходили зарубежные авторы. Это, конечно, не означает, что в современной отечественной литературе по данной проблеме лишь подтверждаются выводы, сделанные ранее на Западе. На наш взгляд, зарубежная и отечественная историография хозяйственной реформы 1965 г. являются взаимодополняющими в целом ряде аспектов.

Так, например, западными авторами (и прежде всего экономистами из ФРГ) довольно основательно изучена проблема социально-экономической типологии реформы 1965 г., чего нельзя сказать об отечественной литературе. Однако современные отечественные ученые заметно продвинулись в исследовании таких, например, проблем, как влияние ведомственно-отраслевых подходов на формирование концепции реформы и ее реализацию, механизм управления реформой, оценка экономических результатов реформы при элиминировании инфляционной компоненты в официальных статистических показателях, характеризующих итоги выполнения плана восьмой пятилетки.

3. Реформа оптовых цен 1967 г.

С хозяйственной реформой 1965 г. была тесно связана реформа оптовых цен 1967 г. Ее главной целью было максимальное приближение цен к уровню общественно необходимых затрат и обеспечение рентабельности нормально работающих предприятий. Как известно, в ходе реформы были снижены необоснованно высокие цены и повышены искусственно заниженные. Кроме того, вводились фиксированные и рентные платежи, а также пла-

---

¹ Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 194.

та за производственные фонды. Была изменена и модель цены: отраслевые нормативы рентабельности, увеличенные до 15% к производственным фондам, позволяли учитывать фондоемкость продукции. По оценке советских экономистов, в результате реформы “была устранена неравномерность в рентабельности отраслей промышленности и групп продукции” и создавались “условия для перехода к новой системе планирования и экономического стимулирования, принятой сентябрьским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС”¹. Этот вывод находит подтверждение и в новейших публикациях российских ученых².

Комментируя реформу цен 1967 г., зарубежные авторы признают наличие в ней ряда рациональных моментов. В частности, Ж.Соколофф отмечает, что хотя новые оптовые цены на продукцию промышленности строились по традиционной марксистской схеме цены производства, тем не менее они были ближе к рыночным, чем те, которые использовались ранее³. П.Грегори и Р.Стюарт считают значительным прогрессом в области советской экономической идеологии установление рентных платежей за природные ресурсы и платы за фонды⁴. Во многом аналогичную оценку реформы 1967 г. дает и Дж.Берлинер, который к числу ее позитивных моментов относит и подходы к определению уровня цен на новые продукты⁵.

Однако в целом концепция и результаты реформы оптовых цен 1967 г. вызвали серьезную критику со стороны зарубежных аналитиков. Лейтмотивом их оценок нового подхода к ценообразованию было то, что ценовой механизм, несмотря на некоторые усовершенствования, по-прежнему не мог играть сколько-нибудь существенную роль в распределении ресурсов, что отрицательно сказывалось на экономической эффективности.

Так, П.Грегори и Р.Стюарт подчеркивают, что данная реформа не трансформировала советскую систему цен в “полезный информационный механизм”. К числу ее консервативных сторон они относят отсутствие попытки установления равновесных цен⁶. Дж.Берлинер упрекает реформаторов в том, что они не могли до-

---

¹ Справочник по ценообразованию / Под ред. Н.Т. Глушкова. М., 1985. С. 32.

² См., например: Очерки экономических реформ ... С. 205.

³ Sokoloff G. L'économie obéissante ... P. 163, 164.

⁴ Gregory P., Stuart R.C. Op. cit. P. 361.

⁵ Berliner J.S. Soviet industry ... P. 104. По мнению этого автора, реформа означала признание неэффективности централизованного планирования в решении проблем обновления продукции. Что же касается введения фиксированных и рентных платежей, то, подчеркивает Дж. Берлинер, это было одной из первых побед советских маргиналистов и квазимаргиналистов (см. там же).

⁶ Gregory P., Stuart R.C. Op. cit. P. 360.

пустить, чтобы цены стали для менеджеров главным критерием при принятии решений, касающихся производства и использования ресурсов. По его мнению, “реформа цен явилась новым подтверждением роли централизованного планирования как механизма аллокации”¹.

Американский экономист М.Борнштейн констатирует, что реформы ценообразования, проведенные в 1967 и 1982 годах, оставили без изменения ситуацию, при которой цены отражали уровень затрат производителей, но отнюдь не спрос и редкость². Французские исследователи П.Лавинь и М.Лавинь видят недостаток реформы 1967 г. в том, что она не имела своей целью приближение советских цен к ценам мирового рынка, а изменение оптовых цен не сказалось на уровне цен розничных³. Многие исследователи подчеркивают, что серьезные изъяны политики в области цен в брежневский период — одна из важнейших причин инфляции в СССР в ее различных проявлениях⁴. О консервативном характере этой политики и, в частности, реформы 1967 г. пишут также А.Ноув, М.Казер, Ш.-Э.Лагасс и другие авторы⁵.

В настоящее время невозможно отрицать реалистичность многих аспектов зарубежных оценок реформ оптовых цен, проводившихся в нашей стране во второй половине 1960-х — первой половине 80-х гг. Несмотря на усиленное внимание к этой проблеме со стороны советских партийно-государственных, плановых и хозяйственных органов, меры по совершенствованию ценообразования неизбежно ограничивались господствовавшими идеологическими установками и не могли иметь серьезного экономического эффекта. Система цен, существовавшая в нашей стране в рассматриваемый период, не только не способствовала сбалансированности спроса и предложения, рациональному распределению экономических ресурсов, но и давала плановым органам искаженную информацию о затратах общественного труда на производство тех или иных видов продукции.

¹ Berliner J.S. Soviet industry ... P. 104.

² Bornstein M. Soviet price policies // Soviet economy. Vol. 3. 1987. № 2. P. 128. См. также: Götz-Coenenberg R. Die Preisbildung in der UdSSR am Beginn des 12. Fünfjahrplans: Grundprobleme und Reformaussichten. Köln, 1986. S. 5-17.

³ См.: Lavigne P., Lavigne M. Regards sur la Constitution soviétique de 1977. P., 1979. P. 6.

⁴ См.: Brand D. L'Union soviétique. P., 1981. P. 46; Høhmann H.-H. Die Ökonomik des “Durchwurstelns”. Probleme und Tendenzen der sowjetischen Wirtschaft zu Beginn der 80er Jahre. Köln, 1981. S. 19, 20; Lagasse Ch.-E. Op. cit. P. 413; Laski K. Der Konsum im Sozialismus. Wien, 1982. S. 6 — 8.

⁵ См.: Kaser M. Op. cit. P. 164; Nove A. The structure of the Soviet state. The economy // An introduction to Russian history / Ed. by R. Auty and D. Obolensky. Cambridge et al., 1976. P. 363; Lagasse Ch.-E. Op. cit. P. 412, 413.

4. Щекинский эксперимент

Известно, что ко времени хозяйственной реформы 1965 г. относится и начало щекинского эксперимента (1967 г.). Суть его состояла в стимулировании роста производительности труда и высвобождения части рабочей силы за счет совмещения профессий и расширения зон обслуживания. Часть экономии фонда заработной платы, получавшейся в результате сокращения численности персонала, по условиям эксперимента должна была направляться на материальное поощрение работников.

Зарубежные исследователи всегда обращали внимание на неэффективность использования производственных ресурсов в централизованной экономике СССР и, в частности, такого ресурса, как рабочая сила. Поэтому они считали вполне разумными меры по созданию условий для высвобождения рабочей силы, осуществлявшиеся на промышленных предприятиях в конце 60-х — первой половине 80-х гг., в том числе и в рамках щекинского эксперимента. Вместе с тем, в отличие от многих советских экономистов, они обнаруживали изрядный пессимизм относительно возможности проведения подобных экспериментов на сколь угодно большом количестве предприятий. Свою позицию западные советологи объясняли неизбежным сопротивлением рабочего класса, над которым нависала угроза безработицы. Такая точка зрения высказывалась, в частности, Ф.Хольцманом (США) и Д.Брандом (Франция)¹.

При оценке подобных выводов следует все-таки признать, что при сохранении в СССР плановой системы угроза безработицы для высвобождавшейся избыточной рабочей силы вряд ли была серьезной. Высвобождавшимся работникам должны были предоставляться новые места на предприятиях. Так было, например, и при проведении эксперимента на Щекинском химическом комбинате. Известно, что в соответствии с графиком своевременно резервировали рабочие места на тех участках, где ощущался дефицит рабочей силы, а также на новых участках. Каждому высвобождавшемуся работнику предлагалось на выбор не одно, а два-три рабочих места².

Вывод о том, что щекинский эксперимент в тех конкретных формах, в которых он осуществлялся, угрожал советскому рабочему классу безработицей, разделяется далеко не всеми зарубеж-

¹ Holzman F.D. The performance of the Soviet economy: past, present and future. Washington, 1982. P. 67; Brand D. Op. cit. P. 164.

² См.: Фильев В. О дальнейшем внедрении щекинского метода // Вопросы экономики. 1983. № 2. С. 60.

ными экономистами. Так, английский советолог П. Рутланд в статье о щекинском методе подчеркивает, что администрация советских предприятий обязана трудоустроить высвобождаемых работников и “нет никакого свидетельства того, что этот закон систематически нарушается”¹.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что проведение мероприятий типа щекинского эксперимента сталкивалось с немалыми трудностями, многие из которых создавались самой административно-командной системой. В советской экономической литературе признавалось, что медленное распространение этого новшества объяснялось не только консерватизмом хозяйственных руководителей. “На пути щекинского метода, — писал В.Ф. Филиппов, — встал более серьезный, экономический барьер — недостатки действовавшего хозяйственного механизма”².

В самом деле, у трудовых коллективов не было эффективных стимулов для совмещения профессий и расширения зон обслуживания, поскольку фонд заработной платы пересматривался, как правило, каждый год и в случае сокращения численности работающих он мог быть и уменьшен. Лишь впоследствии, в годы одиннадцатой пятилетки, были приняты некоторые меры по устранению объективных трудностей такого рода. В частности, определенное значение имело установление в пятилетнем плане стабильных нормативов заработной платы на рубль продукции, а для предприятий некоторых отраслей — стабильных фондов заработной платы. Экономию фонда заработной платы в конце года было разрешено перечислять в фонд материального поощрения. Были увеличены доплаты за совмещение профессий и выполнение планового объема работ с меньшей численностью рабочей силы. Однако сами по себе эти меры были недостаточными для сколь угодно существенного улучшения ситуации в области производительности труда, сложившейся в СССР в конце 1970-х — первой половине 80-х гг.

5. Реформа управления промышленностью

Взяв курс на свертывание хозяйственной реформы 1965 г., советское руководство тем не менее не отказалось от поиска новых путей повышения эффективности существовавшей экономической системы, о чем свидетельствует принятие в марте 1973 г. постановления ЦК КПСС и СМ СССР “О некоторых мероприя-

---

¹ Rutland P. Shchekino method and the struggle to raise labour productivity in Soviet industry // Soviet studies. 1984. № 3. P. 358-360.

² Филиппов В.Ф. Беседы о хозяйственном механизме. М., 1984. С. 176.

тиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью". В соответствии с этим постановлением началась разработка генеральных схем управления отраслями промышленности и стали создаваться производственные объединения, получившие статус основного звена в руководстве промышленностью¹.

Комментируя переход к новой схеме управления, многие зарубежные исследователи поднимают довольно важный и недостаточно освещенный в нашей литературе вопрос о взаимосвязи данной реформы с хозяйственной реформой 1965 г. Некоторые авторы полагают, что введение новой схемы управления советской промышленностью обусловливалось неудачей реформы "Косыгина-Либермана" и по существу являлось завуалированной формой отказа от нее. Так, Э.Шнайдер (ФРГ) отмечает, что поскольку "замысел реформы 1965 г. был осуществлен в недостаточной мере, партийное руководство приняло в 1973 г. решение о реформе хозяйственного управления"². К аналогичному выводу приходит и Н.Верт, который подчеркивает, что создание новых звеньев управления происходило в условиях, когда "беспрерывно выхолащиваемая реформа не могла не принять чисто косметический характер"³. Основным аргументом в пользу таких интерпретаций является то, что внедрение новых схем управления промышленностью по времени действительно совпадало со свертыванием хозяйственной реформы 1965 г.

В то же время нельзя не учитывать, что еще в начале 1960-х гг., то есть до реформы 1965 г., в нашей стране также предпринимались серьезные усилия по созданию объединений предприятий. На это обстоятельство обращают внимание некоторые западные авторы, признающие существование преемственности между объединениями 1960-х и 1970-х гг.⁴ Для такого подхода есть достаточные основания, поскольку одной из важнейших причин создания таких объединений как в шестидесятые, так и в семидесятые годы, как известно, было стремление уменьшить количество хозяйственных единиц, с которыми приходилось иметь дело центральным плановым и административным органам.

Поэтому, на наш взгляд, в большей мере соответствует действительности довольно широко представленный в зарубежной ли-

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 9. М., 1974. С. 415-426.

² Schneider E. Die Sowjetunion heute. Frankfurt am Main et al., 1982. С. 66.

³ Верт Н. Указ. соч. С. 401.

⁴ Например, Дж. Пэллот и Д. Шо пишут: "Одной из проблем централизованного планирования было и остается количество предприятий, с которыми приходится иметь дело плановикам. В начале 1960-х гг. была предпринята попытка решить эту проблему путем группировки более мелких предприятий в крупные единицы управления (тресты, комбинаты, фирмы или объединения). Этот процесс продолжался, и в 1973 г. было принято постановление о том, что объединения ... должны стать нормой ..." (Pallot J., Shaw D. Op. cit. P. 44).

тературе тезис о том, что новая реформа в целом не противоречила концепции реформы 1965 г. и — в случае удачи — могла ее реанимировать в наиболее существенных моментах. Такую точку зрения высказывает, в частности, Б.Шаванс. Он отмечает, что реформа 1965 г. “потерпела неудачу главным образом из-за неспособности решить проблемы, которые она должна была решить”. Объединения предприятий, по мнению Б.Шаванса, создавались “в целях уменьшения власти министерств”, причем особое значение имело то, что “предусматривался переход главков на хозрасчет, то есть к управлению экономическими методами, а не административными”¹.

В то же время необходимо подчеркнуть, что хотя создание ПО и НПО в целом не противоречило принципам хозяйственной реформы 1965 г., это не означает, что данный процесс происходил только в русле этой реформы. В 1970-е гг., как известно, сохранялись лишь некоторые (хотя и важные) элементы реформы 1965 г. (ориентация на реальный хозрасчет, меры по усилению материальной заинтересованности работников в результатах производства, использование фондов экономического стимулирования для повышения трудовой активности и т.д.)².

Интерпретируя реформу 1973 г., многие западные исследователи отождествляют советские производственные объединения с западными трестами и концернами³. На наш взгляд, для таких аналогий есть достаточные основания, поскольку внешнее сходство между ПО и НПО в СССР и западными концернами действительно было (большие масштабы производства, наличие научно-исследовательских подразделений и т.п.). Сейчас невозможно отрицать, что ПО на внутреннем рынке часто занимали монопольные позиции. В этом смысле советологи оказались довольно проницательными, поскольку задолго до наших авторов сформулировали тезис о монопольном характере советских ПО. Однако нельзя не видеть, что между ПО/НПО в СССР и западными концернами были и серьезные различия. Важнейшее из них состояло в том, что советские производственные объединения являлись госу-

¹ Chavance B. Op. cit. P. 41.

² См.: Медведев В.А. Управление социалистическим производством: проблемы теории и практики. М., 1983. С. 59.

³ Rauch H. Wirtschaft und Gesellschaft Sowjetrusslands. 1917-1977. Wiesbaden, 1979. S. 102. Р. Миллер в данной связи отмечает, что “на новые методы (управления. — В. В. Д.) во многих отношениях и весьма сильно влияет западная практика, которая интерпретируется советскими экспертами и адаптируется к собственным условиям” (Miller R.F. Die sowjetische Wissenschafts- und Technologiepolitik der 80er Jahre: Überwindung der Lücke zwischen Forschung und Produktion // Modernisierungsprobleme in der Sowjetunion / Hrsg. von G. Brunner und H. Herlemann. В., 1982. S. 19).

дарственной собственностью и функционировали в рамках плановой системы.

В зарубежных публикациях признается рациональность реформы 1973 г. В частности, Дж.Пэллот и Д.Шо согласны с А.Ноувом в том, что создание ПО и НПО позволило бы использовать преимущества крупного производства, уменьшить административные расходы, централизовать ряд функций и ускорить научнотехнический прогресс¹. Однако, по оценке зарубежных авторов, реальные результаты перестройки управления промышленностью СССР были во многих отношениях неудовлетворительными. Так, А.Ноув пишет, что реформа 1973 г. была фактически похоронена, поскольку объединения могли существенно изменить "распределение экономической власти между подразделениями министерств, управленцами и партийными функционерами" и поэтому ей было оказано сильное сопротивление². Американский советолог Д. Кэттелл также считает, что сопротивление бюрократии в очередной раз привело к тому, что "большая часть мероприятий по реорганизации осталась лишь на бумаге"³. О "разочаровывающих" результатах реформы 1973 г. пишет и Б.Шаванс⁴.

В современной отечественной литературе, в отличие от публикаций 1970-х гг., доминирует преимущественно критическое отношение к рассматриваемой реформе. Так, по оценке известного российского специалиста по истории реформ управления советской промышленностью Ю.А. Веденева, в процессе реализации постановления 1973 г. "имела место активная и целенаправленная политика по консервации ведомственных структур, углублению процессов административной централизации внутри отраслевых хозяйственных систем". Эта реформа, ограничивая экономическую и юридическую самостоятельность объединений и даже фактически усиливая внутриведомственный централизм, способствовала, по мнению этого исследователя, формированию "тупиковой (курсив автора. — В. В. Д.) организационной структуры планового руководства промышленностью"⁵.

6. "Реформа" конца 1970-х гг.

Хозяйственная реформа 1965 г., как известно, была самым радикальным шагом в области совершенствования планирования,

¹ См.: Pallot J., Shaw D. Op. cit. P. 44; Nove A. The Soviet economic system. L., 1977. P. 79, 80.

² Nove A. Das sowjetische Wirtschaftssystem. Baden-Baden, 1980. S. 93.

³ Cattell D.T. Die Probleme der Konsumgüterversorgung in der UdSSR // Modernisierungsprobleme in der Sowjetunion ... S. 48.

⁴ Chavance B. Op. cit. P. 41.

⁵ Веденев Ю.А. Указ. соч. С. 112, 118, 138.

управления и экономического стимулирования при Брежневе. Нейтрализовав и в значительной мере выхолостив важнейшие положения этой реформы, советское руководство стало на путь частичных улучшений плановой системы, называя это совершенствованием хозяйственного механизма. Официальное провозглашение построения в нашей стране развитого социализма сопровождалось усилением позиций консервативных кругов, связывавших повышение эффективности советской экономики прежде всего с укреплением директивного централизованного планирования и поиском новых, более совершенных показателей оценки деятельности предприятий.

Выражением такой ориентации явилась “реформа” конца 1970-х годов, проводившаяся в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 12 июля 1979 г. “Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы”¹. Необходимость его принятия обосновывалась возросшими масштабами производства, усложнением экономических связей и требованиями научно-технической революции. При этом подчеркивалось, что успехи в экономическом и социальном развитии СССР в период развитого социализма “убедительно демонстрируют преимущества социалистической плановой системы хозяйства” и “являются результатом научно обоснованной экономической политики партии, которая выработана и последовательно осуществляется после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС”². О преемственности хозяйственной реформы 1965 г. и нового постановления о совершенствовании хозяйственного механизма писали и советские авторы³.

Причины разветывания в СССР очередной кампании по совершенствованию хозяйственного механизма многие зарубежные исследователи связывали с неудачами реформы 1965 г. и с попытками вывести экономику страны из начавшегося кризиса. Так, Н.Верт отмечал, что “уже само название ... постановления свидетельствовало о том тупике, в который зашла “реформа” к концу 70-х гг., так и не принеся ожидавшихся результатов ...”⁴. По его словам, “провал беспрестанно выхолащиваемой реформы” был

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 13. М., 1981. С. 78-119.

² Там же. С. 75, 76.

³ В частности, В.А. Медведев подчеркивал, что система мер по совершенствованию хозяйственного механизма, которая реализовывалась в нашей стране в конце 1970-х — начале 80-х гг., “имеет несомненную преемственную связь с экономической реформой 60-х годов” (М е д в е д е в В.А. Указ. соч. С. 64). См. также: История социалистической экономики СССР. Т. 7. М., 1980. С. 119; М и л ю к о в А.И. Эксперимент в промышленности. М., 1984. С. 12; Хозяйственный механизм в двенадцатой пятилетке / Под ред. Р.А. Белоусова, Д.Н. Бобрышева. М., 1986. С. 27.

⁴ В е р т Н. Указ. соч. С. 401.

одной из главных причин, которые обусловили “вползание советской экономики в кризис, в полной мере проявившийся со второй половины 70-х гг.”¹. О кризисе экономики СССР говорили и другие известные экономисты Запада².

Действительно, во второй половине 70-х гг. существенно возросли трудности в хозяйственном развитии нашей страны. Особенно серьезной проблемой стало снижение темпов экономического роста и эффективности общественного производства, а также невыполнение плановых заданий в целом ряде отраслей. По подсчетам Г.И. Ханина, в 1976-1980 гг. среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли всего лишь 1,0%. Весьма низкими были и такие макроэкономические показатели, как индекс национального дохода (1,05), индекс фондоотдачи (0,95), производительности общественного труда (1,01), производственных капиталовложений (1,04)³. С тезисом о кризисе советской экономической системы, начавшемся в конце 1970-х гг., соглашались и другие отечественные экономисты⁴. Для подобного вывода, конечно, были основания⁵.

¹ В е р т Н. Указ. соч. С. 402.

² Так, Г.-Г. Хеманн писал, что “все экономические показатели указывают на то, что в конце семидесятых годов советская экономика оказалась в состоянии глубочайшего кризиса за весь период своей новейшей истории”, преодолеть который невозможно без радикальных реформ (H ö h m a n n Н.-Н. *Sowjetische Wirtschaft 1981 / 82 ... S. 1, 42*). Аналогичную точку зрения высказывал и Ж.-М. Шовье (C h a u v i e r J.-M. *Op. cit. P. 53, 55*). Однако не все западные авторы замечали кризисное состояние советской экономики. Так, Г. Шредер (США) писала, что “СССР имеет гигантскую экономику, которая все еще растет, хотя и медленно. Производство не уменьшается, так что до краха далеко, слишком далеко” (*The political economy of the Soviet Union*. Washington, 1984. P. 62).

³ См.: Х а н и н Г. Экономический рост: альтернативная оценка // *Коммунист*. 1988. № 17. С. 85. См. также: На пороге кризиса ... С. 244; С е л ю н и н В. Рынок: химеры и реальности // *Через тернии* / Сост. А.А. Проташки. М., 1990. С. 146.

⁴ В частности, Д.В. Валовой признает, что “в конце 70-х — начале 80-х годов наша экономика вступила в полосу затяжного кризиса: начался развал единого народнохозяйственного комплекса, который все чаще и чаще начал давать ощутимые сбои в самых различных звеньях экономики” (В а л о в о й Д.В. *От застоя к развалу*. М., 1991. С. 9). Ю.А. Веденеев также пишет, что с 1979 г. “административно-командная система пребывала в состоянии глубокого структурного кризиса. Она уже не соответствовала ни реальным потребностям, ни социально-экономическим условиям развития” (В е д е н е е в Ю.А. *Указ. соч. С. 209*).

⁵ Следует, однако, отметить, что более точная характеристика экономической ситуации, сложившейся в СССР в конце 1970-х — начале 80-х гг., предполагает проведение различий между такими понятиями, как “кризис хозяйственной системы” и “экономический кризис”, на что обратил внимание Ю.Я. Ольсевич. По его мнению, в рассматриваемый период в кризисном состоянии находилась советская хозяйственная система, но “до 1990 г. в СССР в целом не было экономического кризиса”, поскольку “непременным признаком последнего является общее сокращение производства”. Между тем, подчеркивает Ю.Я. Ольсевич, “падали только темпы прироста производства, но не общий его объем”. По оценке этого автора, “если бы после 1985 г. сохранялась старая система хозяйствования, темп роста продолжал бы снижаться примерно на 1 % в пятилетие, и приостановка роста произошла бы около 2000 г. ...”. Однако и такую перспективу следует считать худшим вариантом, поскольку “у явно устаревшей советской хозяйственной системы все же были значительные резервы”, использование которых могло бы “отсрочить кризис еще на 5-10 лет” (О л ь с е в и ч Ю.Я. *Трансформация хозяйственных систем*. М., 1994. С. 185, 186).

Замедление темпов экономического развития было весьма тревожным симптомом, хотя и связывалось руководством страны и советской экономической наукой с вполне объективными причинами. Как известно, в качестве таковых называлось отставание некоторых производственных отношений (в частности, распределительных) от уровня развития производительных сил. Возрастание экономических трудностей объяснялось ухудшением демографической ситуации, недостатками в развитии машиностроительного комплекса, увеличением затрат на освоение топливно-энергетических ресурсов, снижением валютных поступлений от экспорта нефти, неблагоприятными погодными условиями, отрицательно сказавшимися на развитии сельского хозяйства. Эти факторы действительно сдерживали экономический рост в СССР, однако тем настоятельнее была необходимость радикальных реформ, пойти на которые консервативное руководство страны во главе с Брежневым было не готово.

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 июля 1979 г. было расценено почти всеми зарубежными авторами как малоэффективная консервативная мера, осуществляемая в рамках традиционной политики советского руководства. Так, по мнению А. Ноува, данная “реформа” относится к “числу вариаций на тему централизации” и “очевидно, не может устранить хронические недостатки, от которых страдает система”. Более того, по оценке английского советолога, она лишь усугубит проблемы планирования, поскольку усилит информационную перегрузку центральных плановых органов¹. М.Борнштейн также считает, что мероприятия по совершенствованию хозяйственного механизма в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР представляют собой “попытку усилить фактический контроль центральных плановых органов и министерств над функционированием и результатами советской экономики”². Аналогичные мнения высказывали также Д.Бранд, Дж.Уэствуд, Ф.Хольцман, Э.Шнайдер, Б.Шаванс, Дж.Пэллот, Д.Шо и другие авторы³.

Заметный вклад в анализ “реформы” 1979 г. внес известный западногерманский советолог Г.-Г.Хеманн, опубликовавший некоторые из своих работ в соавторстве с Г.Зайденштехер. Одной из его заслуг является попытка объяснить данную “реформу”, исходя из общих принципов реформ в условиях сохранения директив-

¹ Nove A. Das sowjetische Wirtschaftssystem ... S. 5, 144; e j u s d e m. USSR ... P. 42.

² B o r n s t e i n M. Improving the Soviet economic mechanism // Soviet studies. Vol. XXXVII. 1985. № 1. P. 23.

³ B r a n d D. Op. cit. P. 42; Westwood J.N. Op. cit. P. 437; H o l z m a n F.D. Op. cit. P. 3; S c h n e i d e r E. Op. cit. S. 67; C h a v a n c e B. Op. cit. P. 41; P a l l o t J., S h a w D. Op. cit. P. 45.

ного централизованного планирования. При интерпретации мероприятий в этой области Г.-Г.Хеманн исходит из выдвинутых им двух основных тезисов. Первый из них состоит в том, что все проводившиеся в СССР реформы относятся к категории “реформ в рамках системы”¹. Согласно второму тезису, пересмотр скольконибудь радикальных положений предыдущих реформ в странах Восточной Европы (“реформа реформы”) становился неизбежным вследствие того, что возникавшие в результате частичных реформ “смешанные системы” оказывались менее эффективными, чем системы жестко централизованные².

По Г.-Г.Хеманну, “реформа” конца 1970-х гг. — характерный пример, подтверждающий правильность этих закономерностей. По его оценке, “шаги по перестройке советской системы планирования, предпринятые в июле 1979 г. Центральным Комитетом и Советом Министров, не означают никакой принципиальной переориентации советской экономической политики. Они основаны не на новой далеко идущей концепции реформы (типа “нового экономического механизма”, сущность которого связана с рыночной экономикой), а скорее всего находятся в рамках ... усилий советского руководства, направленных на смягчение жесткости и рационализацию традиционной системы административной плановой экономики”³.

В своих работах Г.-Г.Хеманн на примере “реформы” 1979 г. обосновывает положение о том, что в 1970-е гг. советское партийно-государственное руководство стремилось осуществить консервативную модернизацию, ориентированную на экономическое сотрудничество прежде всего со странами СЭВ. Консерватизм этой модели, по мысли Г.-Г.Хеманна, состоял в сохранении традиционной системы планирования и ограничении политических свобод граждан. Единственным ее “достоинством” была минимизация экономического и политического риска, а самым главным недостатком — неспособность заметно улучшить экономическую ситуацию в СССР.

К числу вопросов, которые обсуждались в зарубежной литературе в связи с принятием указанного постановления, относится

¹ См., например: H ö h m a n n H.-H. Limits of growth ... P. 18.

² См.: H ö h m a n n H.-H., S e i d e n s t e c h e r G. Sowjetische Wirtschaft 1978 / 79: anhaltende Produktivitätsprobleme. Köln, 1979. S. 31.

³ H ö h m a n n H.-H. Veränderungen im sowjetischen Wirtschaftssystem ... S. 13. См. e j u s d e m. Sowjetische Wirtschaft 1981/82 ... S. 37; e j u s d e m. Grenzen für Wirtschaftsreformen in der UdSSR: Welche Rolle spielt die Ideologie? Köln, 1982. S. 12-13; H ö h m a n n H.-H., S e i d e n s t e c h e r G. Sowjetische Wirtschaftspolitik: Reformmaßnahmen, aber keine Reform // Osteuropa. 29. Jg. 1979. H. 11. S. 936.

проблема его взаимосвязи с хозяйственной реформой 1965 г. Некоторые исследователи высказывали мнение, что постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 июля 1979 г. знаменовало собой окончательный отказ от реформы 1965 г. Такой точки зрения придерживается, в частности, английский экономист Р.Аманн, который пишет, что данное постановление создает впечатление “окончательного отхода от реформы 1965 г. с ее акцентом на экономические стимулы и общие плановые показатели и поворота к более жесткому централизованному и детализированному регулированию экономики”¹. К аналогичному выводу пришел и французский историк Н. Верт, отмечающий, что “вышедшее в июле 1979 г. постановление ЦК КПСС и Совмина СССР только усилило опеку со стороны центральных органов. “Дух 1965 года” был уже забыт, даже если новый документ и рассматривался как “уточнение” принятой в 1965 г. программы”.² Другие же исследователи (в частности, М.Лавинь, Дж.Берлинер), напротив, считают, что это постановление находится в русле ревизованной реформы 1965 г.³

Анализируя мероприятия по совершенствованию хозяйственного механизма советской экономики, которые намечались в рассматриваемом постановлении, зарубежные авторы не отрицают логичность некоторых из них. Так, например, в статье, специально посвященной анализу “реформы” 1979 г., английский экономист Ф.Хансон приходит к выводу, что хотя у новых оценочных показателей есть слабые стороны, предлагаемые меры “будут знаменовать собой улучшение по сравнению с ситуацией, существовавшей ранее”. По его мнению, “даже если все остальное останется неизменным, НЧП лучше, чем показатель валовой продукции; пересмотры цен на продукцию ... должны, по крайней мере, на короткое время, уменьшить негативное воздействие цен, препятствующих рациональному использованию ресурсов”. Кроме того, по оценке Ф.Хансона, в новых условиях у предприятий должны появиться “более сильные стимулы (по сравнению с предшествующим периодом) к повышению качества и к выполнению дого-

---

¹ A m a n n R. Die Effizienz von Forschung und Entwicklung in der Sowjetunion // *Wirtschaftsprobleme Osteuropas in der Analyse* / Hrsg. von H. Vogel. B., 1982. S. 45, Anm. 18.

² В е р т Н. Указ. соч. С. 401.

³ Например, М. Лавинь пишет, что данное постановление есть “актуализированная и ослабленная версия экономической реформы 1965 г.” (L a v i g n e M. Situation et perspectives de l'économie soviétique // *Problèmes économiques*. 1982. № 1776. P. 6). По мнению Дж. Берлинера, постановление от 12 июля 1979 г. “может скорее рассматриваться как продолжение и расширение серии изменений в системе планирования, которые происходили в течение известного времени, чем разрыв с прошлым или начало нового направления” (B e r l i n e r J.S. *Soviet industry* ... P. 107).

воров о поставках”, что будет способствовать улучшению положения потребителей¹.

В то же время практически все западные исследователи отмечают неэффективность и противоречивость большинства мероприятий, намеченных в постановлении 1979 г. Так, Ф.Хольцман подчеркивает, что советские руководители пытаются решить проблемы, порожденные централизованным планированием, сохраняя плановую экономику². А.Ноув считает, что советским руководителям следовало бы в той или иной форме использовать важнейшие элементы венгерской реформы 1968 г., освободив администрацию предприятий от жесткого контроля из центра и предоставив экономическим субъектам право покупать ресурсы и формировать производственные программы с ориентацией на потребности покупателей³. Серьезную проблему А.Ноув видел в том, что многочисленные показатели, по которым должна оцениваться деятельность предприятия, мало связаны с качеством продукции и потребностями покупателей. По его мнению, использование показателя нормативной чистой продукции (НЧП) потребует проведения многочисленных непростых расчетов и еще больше усложнит планирование и управление экономикой⁴.

Весьма близкую оценку мерам по введению показателя НЧП и “нормативных” цен дал Н.Верт. “Эти меры, — пишет он, — вызвали страшную неразбериху, вылившуюся в общий пересчет всех внутригосударственных расчетов, длившийся весь 1982 г., но никак не приблизивший решение главных задач: улучшения руководства предприятиями и повышения производительности труда”⁵. Ф.Хансон критиковал рассматриваемые нововведения за то, что они не устраняли господство поставщиков и приводили к значительной информационной перегрузке плановых органов⁶.

По мнению Г.-Г.Хеманна и Г.Зайденштехер, переход к НЧП является недостаточно продуманной мерой. Они не отрицают, что в показателе нормативной чистой продукции есть экономическая логика. Однако, по их мнению, советское руководство не отдает себе отчет в том, что ориентация на показатель НЧП может сдер-

---

¹ Hanson Ph. Success indicators revisited: the July 1979 Soviet Decree on planning and management // Soviet studies. 1983. № 1. P. 8. См. также: F e i w e l G.R. Economic performance and reforms in the Soviet Union // Soviet politics in the Brezhnev era / Ed. by D.R. Kelley. N. Y., 1980. P. 86.

² Holzman F.D. Op. cit. P. 66.

³ См.: Nove A. USSR ... P. 43.

⁴ См.: Nove A. Soviet economic performance: a comment on Wiles and Ellman // Crisis in the East European economy ... P. 169, 170.

⁵ В е р т Н. Указ. соч. С. 402.

⁶ См.: Hanson Ph. Op. cit. P. 9.

живать специализацию производства и внедрение технических достижений, обеспечивающих высвобождение рабочей силы, а стабильные экономические нормативы, на которые должны ориентироваться предприятия по условиям новой “реформы”, в случае их сохранения в течение длительного времени будут способствовать консервации сложившейся производственной структуры¹. Более того, необходимость расчета большого числа нормативов по НЧП и детализированных натуральных показателей приведет, по мнению Г.-Г.Хеманна и Г.Зайденштехер, к усилению вмешательства плановых органов в деятельность предприятия².

Эти авторы признают, что расширение временных горизонтов планов в соответствии с данным постановлением могло дать некоторый эффект, поскольку повышало готовность предприятий идти на риск в хозяйственной деятельности. Однако планирование “от достигнутого уровня”, по их мнению, в принципе не исчезало, и предприятия по-прежнему оставались заинтересованными в сокрытии резервов. Разница состоит лишь в том, что раньше их побуждало к этому нежелание иметь более высокий план на следующий год, а с переходом на новую систему они могли вести себя аналогичным образом из опасения получить повышенные плановые задания на очередной пятилетний период³. Кроме того, признавая правомерность ориентации советского руководства на укрепление горизонтальных связей между предприятиями, западногерманские экономисты в то же время обращают внимание на неэффективность санкций к нарушителям договоров поставок⁴.

Общий вывод Г.-Г.Хеманна и Г.Зайденштехер сводится к тому, что обнаруживаемое в постановлении от 12 июля 1979 г. стремление укрепить централизованное планирование несовместимо со стимулированием инициативы снизу, а требование обеспечить большую стабильность планов плохо согласуется с ориентацией на гибкое реагирование предприятий на изменяющиеся условия⁵. Половинчатость “реформы” 1979 г., подчеркивает Г.-Г.Хеманн, проявляется в том, что решения о темпах роста и распределении национального дохода по-прежнему должны приниматься в центре, причем без учета рыночных критериев. Таким образом, постановление от 12 июля 1979 г. “опять передает центру решение задач, которые он решить не в состоянии”⁶.

¹ См.: H ö h m a n n H.-H. Veränderungen im sowjetischen Wirtschaftssystem ... S. 19, 20; H ö h m a n n H.-H., Seidenstecher G. Sowjetische Wirtschaftspolitik ... S. 939.

² См.: H ö h m a n n H.-H., Seidenstecher G. Sowjetische Wirtschaftspolitik ... S. 942.

³ См.: H ö h m a n n H.-H. Veränderungen im sowjetischen Wirtschaftssystem ... S. 18. См. также: H ö h m a n n H.-H., Seidenstecher G. Sowjetische Wirtschaftspolitik ... S. 938.

⁴ См.: H ö h m a n n H.-H., Seidenstecher G. Sowjetische Wirtschaftspolitik ... S. 940.

⁵ См.: Ibid. S. 937.

⁶ H ö h m a n n H.-H. Veränderungen im sowjetischen Wirtschaftssystem ... S. 24, 25.

Одним из первых зарубежных исследователей, обстоятельно проанализировавших внутренние противоречия нового комплекса мер по совершенствованию хозяйственного механизма, был английский советолог Д.Дайкер. Уже в октябре 1979 г. он опубликовал статью “Нерешительная реформа: новый закон о планировании”, в которой было показано, что данное постановление является своеобразным политическим компромиссом и содержит серьезные противоречия. Д.Дайкер писал, что “там, где закон глубок, он обнаруживает тенденцию к противоречивости; там, где проявляется его широта, он обнаруживает тенденцию к беззубости”¹. Этот исследователь предвидел серьезные проблемы, связанные с увеличением объема информации, который придется обрабатывать советским плановым органам².

К числу противоречий постановления от 12 июля 1979 г. Д.Дайкер относит, в частности, следующие:

1) несмотря на то, что для пятилетних планов основным показателем деятельности предприятий объявлена НЧП, сохраняется и показатель объема реализованной продукции, по которому оценивается степень выполнения договоров поставок;

2) отсутствует единый показатель для оценки финансовой деятельности, поскольку одинаковое значение придается как уровню прибыли, так и снижению себестоимости;

3) с одной стороны, устанавливаются стабильные нормативы для фондов материального поощрения на весь пятилетний период, причем неиспользованные средства этих фондов сохраняются за предприятиями. С другой стороны, реализация предусмотренных постановлением встречных планов и мероприятий в рамках социалистического соревнования не может не усиливать ресурсную несбалансированность и напряженность планов;

4) постановление от 12 июля 1979 г. пытается решить проблему рационализации использования рабочей силы, стимулируя экономию фонда заработной платы, однако советское руководство не может допустить появления в стране безработицы, так что высвобождение работников должно сопровождаться их трудоустройством на других участках³.

Анализируя причины провала “реформы” хозяйственного механизма конца 1970-х гг., западные экономисты отмечают, что он

---

¹ Dyker D. Half-hearted reform ... P. 8. См. также: e j u s d e m. Restructuring the Soviet economy ... P. 76.

² См.: Dyker D. Half-hearted reform ... P. 6-7.

³ Ibid. P. 6, 7; e j u s d e m. Restructuring the Soviet economy ... P. 74. О противоречивости и эклектичности новой “реформы” пишут также М. Лавинь, Р. Аманн и другие зарубежные исследователи развития советского хозяйственного механизма. См.: A m a n n R. Op. cit. S. 45. Ann. 18; L a v i g n e M. Situation et perspectives de l'économie soviétique ... P. 6-7.

был вполне закономерным. В качестве примера можно привести позицию Г.-Г.Хеманна. Этот исследователь пришел к выводу, что “реформа” 1979 г., будучи типичной “реформой в рамках системы”, “мало изменила советскую практику планирования, а там, где она это сделала, не было никакого особого успеха”¹.

В то же время, подчеркивает Г.-Г.Хеманн, сводить причины неудачи данной реформы только к неэффективности “частично децентрализованных плановых систем” было бы неправильно. Среди других факторов, обусловивших провал очередной попытки совершенствования хозяйственного механизма в СССР, этот автор называет следующие:

- нецелесообразная детализация положений и противоречия между отдельными элементами реформы;

- медлительность в проведении намеченных мероприятий и сразу же начавшаяся “реформа реформы”;

- психологические барьеры, существовавшие у руководителей предприятий, а также сопротивление функционеров из плановых органов;

- отсутствие, как и в случае хозяйственной реформы 1965 г., теории взаимодействия экономических субъектов в “частично децентрализованной плановой системе”;

- нехватка управленческого персонала, обладавшего необходимой квалификацией;

- структурные диспропорции и общая несбалансированность хозяйства, а также “слишком сильное давление плана на предприятия”, что парализовывало реформу².

Отношение к новым мерам по совершенствованию хозяйственного механизма было довольно сдержанным, за редкими исключениями, даже в работах советских авторов, публиковавшихся в тот период. Что же касается современной отечественной литературы, то в ней явно преобладают негативные характеристики данной “реформы”. Так, авторы издания “Наше Отечество” называют ее “робкой попыткой улучшить дела в экономике”³. По оценке Ю.А. Веденева, “реформа” 1979 г., как и другие реформы планового управления экономикой, предпринимавшиеся во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг., была административной и относилась к числу экспериментов, функция которых

---

¹ Н ö h m a n n H.-H. Vor einem neuen Aufbruch? Zu Stand und Perspektiven sowjetischer Wirtschaftsreformen // Osteuropa Wirtschaft. 28. Jg. 1983. H. 2. S. 147, 148; e j u s d e m. Veränderungen im sowjetischen Wirtschaftssystem ... S. 24; e j u s d e m. Die Ökonomik des “Durchwurstelns” ... S. 23.

² Н ö h m a n n H.-H. Vor einem neuen Aufbruch?... S. 149.

³ Наше Отечество. Ч. 2 ... С. 527.

“была сведена к сдерживанию назревших перемен (курсив автора. — В. В. Д.), попыткам переориентировать поиск необходимых решений в этой области на текущие неглубокие изменения хозяйственного механизма”. Поскольку эта реформа не означала качественных изменений условий хозяйствования, ее отрицательный результат “был запрограммирован с самого начала”¹. Однако работы с такими реалистичными оценками потенциала “реформы” 1979 г. в нашей стране могли увидеть свет лишь в последние годы.

7. Бригадный подряд

Попытки повысить эффективность советской экономики путем осуществления мер, предусмотренных в постановлении от 12 июля 1979 г., вскоре были дополнены кампанией по внедрению бригадного и коллективного подряда, подкрепленной принятием в 1983 г. Закона “О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями”.

Переход к этой системе организации труда, осуществлявшийся в первой половине 1980-х гг., многие зарубежные экономисты считали вполне разумным. Некоторые авторы даже усматривали в нем “первое ослабление ... основы жесткой экономической системы” (Н.Вайн) и даже форму, способствующую развитию производственного эгоизма (Д.Бранд)².

В то же время западные исследователи отнюдь не идеализировали бригадный подряд, хорошо понимая, что существовавшая социально-экономическая система не позволит в полной мере реализовать весь потенциал прогрессивной формы организации труда. Так, Н.Вайн (ФРГ) отмечает, что эффективность бригадного подряда ставится под сомнение в связи с существованием такой проблемы, как “колебания директоров предприятий при решении вопроса об увольнении высвобожденных рабочих” и “противоречие между принципом дифференцированной оплаты труда ... и прочно вошедшей в общественную жизнь и сознание людей уравниловкой”³.

Бригадный подряд действительно представлял собой попытку расширения производственной демократии и привлечения трудящихся к управлению производством, и в этом смысле Н.Вайн был прав. Не лишен оснований и вывод Д.Бранда, если под производственным эгоизмом понимать обособленные экономические интересы у тех или иных групп работников, неизбежно возникавшие с переходом на бригадный подряд.

¹ Веденеев Ю.А. Указ. соч. С. 232, 247.

² Wein N. Die Sowjetunion. Paderborn et al., 1983. S. 248; Brand D. Op. cit. P. 165.

³ Верт Н. Указ. соч. С. 402.

Однако ясно и другое: в целом эта форма организации и оплаты труда отнюдь не противоречила социалистическим принципам, поскольку коллективный характер труда при бригадном подряде становился более выраженным, а коллективизм, как известно, всегда считался одной из основополагающих особенностей социалистического производства. В бригадах, работавших по единому наряду, создавались условия для совмещения профессий, освоения смежных операций и — что было не менее важно — для привлечения трудящихся к управлению производством. В конце 1987 г. в промышленности насчитывалось 1442 тыс. бригад, в которых работали 19684 тыс. человек¹. Поэтому советские авторы не без оснований связывали с подрядом надежды на повышение хозяйственной активности трудовых коллективов². Однако, будучи во многих отношениях разумной мерой по совершенствованию системы организации и оплаты труда, бригадный подряд, конечно, не мог устранить всех недостатков административной экономики. Нельзя не видеть, что сохранявшаяся административно-командная система неизбежно выхолащивала и сводила до минимума реальное значение бригадного подряда, на что и указывал Н.Верт.

8. Экономический эксперимент 1984 г.

В последние годы существования административно-командной системы большие надежды в поисках путей создания эффективного хозяйственного механизма возлагались, как известно, на крупномасштабный экономический эксперимент. Он проводился в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 14 июля 1983 г. “О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы”³.

Эксперимент начался 1 января 1984 г. в Министерстве тяжелого транспортного машиностроения, Министерстве электротехнической промышленности, Министерстве пищевой промышленности Украинской ССР, Министерстве легкой промышленности Белорусской ССР и Министерстве местной промышленности Литовской ССР. Его главной целью была проверка и отработка таких организационно-экономических принципов и условий хозяйствования, которые бы обеспечили более эффективное использо-

¹ Промышленность СССР. Стат. сборник. М., 1988. С. 126.

² См., например: П р и г о ж и н А. Потенциал эксперимента // Коммунист. 1985. № 5. С. 39.

³ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 15. Ч. 1. М., 1985. С. 168-176.

вание материальных, финансовых и трудовых ресурсов, ускорение внедрения достижений науки и техники в производство, повышение темпов роста производительности труда, а также проявление инициативы со стороны предприятий. С 1 января 1986 г. на новые условия хозяйствования были переведены половина предприятий промышленности, многие предприятия транспорта, а также сфера услуг¹.

Официально констатировалось, что эксперимент направлен «на дальнейшее совершенствование и укрепление централизованного управления экономикой в сочетании с развитием демократических начал в руководстве народным хозяйством, повышением роли трудовых коллективов в управлении производственными объединениями (предприятиями), широким внедрением хозяйственного расчета»².

В этих целях предусматривалось ограничение числа показателей, утверждаемых для предприятий (объединений) в пятилетнем плане, повышение роли стабильных экономических нормативов в их хозяйственной деятельности, усиление экономической ответственности предприятий за выполнение договоров поставок. Предприятиям (объединениям) гарантировалось предоставление полной самостоятельности в использовании фонда развития производства и фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, компенсация уменьшения фонда заработной платы и материального поощрения в период массового освоения новой техники, увязка размеров фонда материального поощрения с выполнением плановых заданий по реализации продукции с учетом поставок по договорам и некоторые другие меры. Был отменен ряд ограничений в правах руководителей на установление уровня оплаты труда работников. Уточнялась роль показателя нормативной чистой продукции: он становился основой для расчета трудовых показателей, но не показателей объема продукции.

Как и в случае других мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма, проводившихся в СССР во второй половине 1960-х — первой половине 80-х гг., зарубежные аналитики признавали логичность некоторых условий эксперимента и их положительное влияние на функционирование советских предприятий и объединений. Так, западногерманская исследовательница Б.Дитц отмечала важность таких мер, как расширение оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий, предоставление администрации права устанавливать надбавки к заработной плате и окладам работников за счет экономии фонда заработной

¹ См.: Хозяйственный механизм в двенадцатой пятилетке ... С. 4.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 15. Ч. 1 ... С. 168.

платы, возникающей при высвобождении излишней рабочей силы. По ее мнению, условия эксперимента способствовали росту производительности труда, снижению материалоемкости продукции, укреплению дисциплины поставок¹.

В то же время западные экономисты сразу же обратили внимание на то, что в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 14 июля 1983 г. было довольно мало нового. Так, Б.Дитц подчеркивала, что экономический эксперимент 1984 г., как и постановление от 12 июля 1979 г. и мероприятия по укреплению трудовой дисциплины, проводившиеся при Андропове, по своему характеру был компромиссным и не вносил “никаких действительно новых элементов в экономическое планирование”². Г.-Г.Хеманн также констатировал, что “многое из того, что запланировано для эксперимента, известно по реформам 1965, 1973 и 1979 годов. Особенно очевидной является известная ориентация на “реформу Косыгина-Либермана” конца шестидесятых годов”³. Аналогичное мнение высказывал и М.Борнштейн, который подчеркивал, что в условиях экономического эксперимента 1984 г. воспроизведены принципы постановления от 12 июля 1979 г., что свидетельствует о намерениях советского руководства “модифицировать и улучшать традиционный экономический механизм”, а не заменять его тем или иным вариантом рыночного регулирования⁴.

Именно поэтому в работах зарубежных авторов преобладал изрядный скептицизм относительно возможности решения фундаментальных проблем советской экономики с помощью таких мер, которые реализовывались в ходе эксперимента. Так, признавая, что эксперимент в принципе не исключает «улучшений “в рамках системы”», Г.-Г.Хеманн в то же время писал, что “реформа в соответствии с принципами эксперимента не означала бы какого-либо изменения основных институтов и функционального механизма советского планирования” и поэтому новому хозяйственному механизму были бы присущи недостатки, “связанные главным образом с административным планированием”⁵.

Во многом аналогичной точки зрения придерживался и Д.Дайкер. По его мнению, экономическому эксперименту, начатому Ю.В. Андроповым, были свойственны те же слабые стороны, что и “любому советскому предложению по реформе планирова-

¹ Dietz B. UdSSR: Wie weiter mit der “Vervollkommnung” der Wirtschaftsplanung. Köln, 1984. S. 17-19, 23.

² Ibid. S. 20-21.

³ H ö h m a n n H.-H. Osteuropas Wirtschaft 1981-1984. Wachstum, Reformen, Probleme der Aussenwirtschaft // Osteuropa. 1985. H.1. S. 11.

⁴ B o r n s t e i n M. Improving the Soviet economic mechanism ... P. 24, 25.

⁵ H ö h m a n n H.-H. Osteuropas Wirtschaft 1981-1984 ...S.11-12.

ния со времени смерти Сталина”. Английский экономист обращает внимание на то, что система показателей по которым оценивалась деятельность предприятий в соответствии с условиями эксперимента, была довольно запутанной и предприятия мало что получали от некоторого ослабления контроля со стороны центра за ценами и договорами поставок. Возникли серьезные проблемы с получением материальных ресурсов под заработанные трудовыми коллективами фонды, и это весьма негативно сказывалось на эффективности новой попытки улучшения хозяйственного механизма в СССР. Поэтому, по оценке Д. Дайкера, “эксперимент Андропова” создавал “необходимые, но недостаточные условия для эффективной реформы”¹.

Острые критики условий крупномасштабного экономического эксперимента 1984—1985 гг., таким образом, было направлено прежде всего против сохранения в новых условиях хозяйствования централизованного управления и планирования. У экономистов неолиберального и неоклассического направлений вызывало возражение то, что при расширении оперативной-хозяйственной самостоятельности предприятий и объединений за государством сохранялось право устанавливать основную номенклатуру продукции, экономические нормативы, а также контролировать деятельность хозяйственных единиц². Однако, по убеждению советского руководства, как раз такая линия в общем и целом отвечала задачам создания эффективного хозяйственного механизма. В этой связи М.С. Горбачев заявлял, что в ходе радикальной экономической реформы мы “роль центра ослаблять не хотим, иначе лишимся преимуществ плановой экономики”³.

В отечественной литературе концептуальные основы крупномасштабного экономического эксперимента в целом не подвергались сомнению. По оценке П.Г. Бунича, “эксперимент доказал свою жизненность, стал важным шагом на пути создания целостной системы управления народным хозяйством, обеспечивающей в органическом единстве улучшение планирования, усиление экономических рычагов, совершенствование организационной структуры управления”⁴.

Советские экономисты отмечали, что на предприятиях, участвовавших в эксперименте, укрепилась дисциплина поставок⁵,

¹ Dyker D.A. Restructuring the Soviet economy ... P. 81, 83.

² Dietz B. UdSSR ... S. 19; H ö h m a n n H.-H. Osteuropas Wirtschaft 1981-1984 ... S.11-12.

³ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 87.

⁴ Бунич П.Г. Главное — заинтересовать. М., 1986. С. 149.

⁵ См.: Афанасьев С. Первые шаги // Правда. 1984. 3 мая. С.2; Юнь О. Развивая плановый механизм хозяйствования // Коммунист. 1985. № 13. С. 45.

начал работать “противозатратный хозяйственный механизм”¹, создавались условия, при которых “интенсивный путь развития получает реальные приоритеты”², а “выявившиеся в ходе эксперимента недостатки вовсе не означают его неудачу”³. Особо подчеркивалось, что меры, намечавшиеся в условиях эксперимента, являлись дальнейшим развитием экономической реформы 1965 г. и последующих мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма⁴. В то же время появлялись публикации, в которых отмечались отдельные недостатки эксперимента и содержался призыв идти дальше в реформировании хозяйственного механизма, не затрагивая при этом первоосновы социализма⁵. Однако лишь в самые последние годы российские авторы стали выступать с критикой самой концепции эксперимента⁶.

9. Перспективы экономических реформ в СССР в оценке западных авторов

Несомненный интерес для оценки уровня и характера зарубежных исследований развития советской экономики в 1965—85 гг. представляют варианты реформ хозяйственного механизма, которые предлагали западные аналитики. Особенно много этой проблемой занимался западногерманский советолог Г.-Г.Хеманн. Практически во всех его докладах, посвященных анализу планирования, управления и экономического стимулирования в нашей стране, содержатся выводы и размышления относительно сценариев дальнейших экономических реформ. Рассматривая различ-

¹ См., например: Ю н ь О. Указ. соч. С. 45.

² Хозяйственный механизм в двенадцатой пятилетке ... С.33.

³ П р о с т я к о в И.И. Эксперимент: итоги, проблемы, перспективы. М., 1986. С. 122.

⁴ См., например: М и л ю к о в А.И. Указ. соч. С. 12; Хозяйственный механизм в двенадцатой пятилетке ... С. 27-31.

⁵ Так, по мнению А.Пригожина, необходимо было “ставить вопрос об объединении разрозненных пока поисков в общее русло программы такого эксперимента, который по своей глубине и масштабам был бы способен подготовить глубокую реконструкцию хозяйственного механизма”. Автор призывал “круто изменить направление поиска” и “перенести центр тяжести с перестройки показателей на перестройку самих производственных отношений между всеми экономическими партнерами”. Он высказывался за делегирование ответственности низовым звеньям. В то же время А. Пригожин подчеркивал, что совершенствование хозяйственного механизма означает не только расширение самостоятельности предприятий, но и необходимость “осуществлять плановое развитие экономики, укреплять социалистическую собственность” (П р и г о ж и н А. Указ. соч. С. 30, 36, 39, 40).

⁶ Например, Ю.А. Веденеев пишет, что “к сожалению, в эксперименте в очередной раз была продемонстрирована попытка *совместить несовместимое* (курсив автора. — В.В.Д.), а именно сохранить директивную модель ведомственного хозяйственного механизма и одновременно обеспечить сочетание централизованного планового руководства с расширением хозяйственной самостоятельности промышленных предприятий и объединений” (В е д е н е е в Ю.А. Указ. соч. С. 236).

ные варианты преобразований хозяйственного механизма советской экономики, Г.-Г.Хеманн пытался в то же время оценить вероятность реализации каждого из них и сформулировать условия, при которых стал бы возможен тот или иной вариант, а также обозначить опасности, с которыми пришлось бы столкнуться реформаторам.

С учетом того, что в отечественной литературе рассмотрение проблем дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма в тот период практически никогда не доходило до анализа альтернативных вариантов, исследования Г.-Г.Хеманна представляют собой заметное явление в научной литературе по проблемам развития советской экономики в последние двадцать лет до перестройки.

Г.-Г.Хеманн исходил из того, что кризисное состояние советской экономики — главный фактор, обуславливающий необходимость дальнейших реформ хозяйственного механизма. В работе, опубликованной в 1982 г., он называл четыре сценария развития СССР, которые возможны в ближайшем будущем: 1) переход к неосталинистской модели; 2) консервативная модернизация, ориентированная на экономическое и политическое сотрудничество в рамках СЭВ; 3) либеральная модернизация, ориентированная на сотрудничество с Западом; 4) реформа, имеющая своей целью обеспечение такого сотрудничества на широкой основе.

Важнейшими признаками неосталинистской модели Г.-Г.Хеманн считал форсированное накопление капитала при низком уровне потребления, использование принудительных методов мобилизации рабочей силы, сосредоточение планирования на решении основных народнохозяйственных задач, приоритетность тяжелой промышленности и производства вооружений, централизм в планировании и управлении экономикой, ориентацию на внешнеэкономические связи только в рамках СЭВ.

В случае либеральной модернизации, по Г.-Г.Хеманну, сохраняются основные черты советской модели. В то же время при этом варианте, в отличие от консервативной модернизации, появляется “больше элементов экономической, политической и культурной открытости”, руководство стремится “стабилизировать систему на основе более широкого общественного консенсуса”, значительно расширяется сотрудничество с капиталистическим миром, а в экономическую политику вводится ряд компонентов нэпа (прежде всего экономическая децентрализация, управление с использованием стоимостных категорий и рычагов, расширение частного сектора). Западногерманский исследователь полагал, что именно эта модель могла бы стать основой будущих реформ в

СССР, однако важнейшими предпосылками реализации этого варианта, по его мнению, является смена поколений в руководстве СССР и возврат к разрядке напряженности между Востоком и Западом.

Г.-Г.Хеманн отмечал, что наиболее радикальным вариантом преобразований могла бы стать реформа, ориентированная на развитие всестороннего экономического сотрудничества с Западом. Ее осуществление означало бы введение рыночных механизмов регулирования экономики и широкую политическую либерализацию. Важными предпосылками осуществления подобного сценария, по Г.-Г.Хеманну, могли бы стать либеральная модернизация и ослабление напряженности между Востоком и Западом¹.

Проведение сколько-нибудь радикальных экономических реформ в СССР ближайшем будущем Г.-Г.Хеманн считал нереальным. Он подчеркивал, что “факторы, относящиеся к области экономической, внешней, внутренней и национальной политике, в такой же мере тормозят разрывание реформ, как и сопротивление групп, интересы которых затрагиваются, и еще не преодоленные идеологические препятствия”. Поэтому, по мнению этого аналитика, наиболее вероятным ориентиром для советских руководителей в ближайшие годы станет модель консервативной модернизации, означающая переход к менее жесткой модернизированной административной плановой экономике.

Внешние факторы, по оценке Г.-Г.Хеманна, также не способствуют проведению в СССР радикальной экономической реформы. В частности, события начала 1980-х гг. в Польше объективно усиливают позиции консервативных сил в СССР, которые при всех обстоятельствах будут стремиться сохранить руководящую роль партии в советском обществе². Поэтому все меры по улучшению хозяйственного механизма по существу будут всего лишь малоэффективным “латанием дыр” старой системы. Основные трудности будут возникать из-за того, что никому не удалось найти вариант сочетания административного планирования и самостоятельностью предприятий, при котором не ухудшались бы функциональные свойства системы³.

Необходимо особо отметить, что Г.-Г.Хеманн не был сторонником ускоренного перехода СССР к рыночному социализму, а тем более к капитализму. Критикуя политику “латания дыр”, проводившуюся брежневским руководством, и подчеркивая необходимость радикальных преобразований, он в то же время в одной из своих работ разъяснял, что “при политических и экономиче-

¹ См.: H ö h m a n n H.-H. Sowjetische Wirtschaft 1981 / 82 ... S. 40 — 42.

² См.: H ö h m a n n H.-H. Die Ökonomik des “Durchwurstelns”... S. 23, 29.

³ См.: H ö h m a n n H.-H. “Weiterwursteln” oder konzeptionelle Neuorientierung ... S. 379—380.

ских условиях, существующих в настоящее время в СССР, радикализм не означает переход к рыночному социализму как варианту решения проблем. Такой “радикализм в глубину” не мог бы укрепить СССР ни в политическом, ни в экономическом отношении”. Поэтому, по словам западногерманского ученого, более приемлемым для Советского Союза был бы “радикализм в ширину”¹. Он был сторонником “регулируемой и контролируемой децентрализации”, а также ограниченного расширения частного сектора, что, однако, позволило бы, по его словам, установить контроль над “второй экономикой” и сделать ее частью экономической социалистической².

Такая довольно осторожная позиция Г.-Г.Хеманна по вопросу о формах и темпах важнейших преобразований в экономической системе СССР в значительной мере объясняется тем, что он хорошо осознавал и довольно реалистично оценивал те риски, с которыми неизбежно должны были столкнуться советские реформаторы. В одной из его статей, опубликованной в соавторстве с Г.Зайденштехер, подчеркивалось, что уже сама по себе перестройка планирования может привести к экономическим потерям³. В другой работе Г.-Г.Хеманн обосновывал вывод о том, что “далеко идущие реформы, ориентированные на рыночную экономику, в СССР наталкиваются на еще более узкие границы, чем в более мелких восточноевропейских странах”⁴.

К числу таких ограничений, специфичных для СССР, Г.-Г.Хеманн относил национальные проблемы. Он справедливо отмечал, что переход к рыночному социализму приведет “к усилению роли местного и, следовательно, национального элемента”, а также к увеличению различий в уровне жизни между богатыми и бедными регионами, а это “может поставить под угрозу существование СССР как единой великой державы”⁵. Повышенный риск экономических реформ для СССР обусловлен, по его мнению, и тем, что планирование всегда было важнейшим инструментом консолидации социалистических стран-членов СЭВ, в то время как переход к рыночным отношениям таит в себе опасность активизации дезинтеграционных процессов. Кроме того, проведение радикальных хозяйственных реформ в СССР, по мысли Г.-Г.Хеманна, осложняется огромной ролью военно-промышленного комплекса в экономике страны, а также тем, что экономика Советского

¹ H ö h m a n n H.-H. Vor einem neuen Aufbruch?... S. 150.

² H ö h m a n n H.-H. “Weiterwursteln” oder konzeptionelle Neuorientierung ... S. 379.

³ См.: H ö h m a n n H.-H., Seidenstecher G. Sowjetische Wirtschaftspolitik ... S. 936.

⁴ H ö h m a n n H.-H. Grenzen für Wirtschaftsreformen in der UdSSR ... S. 5.

⁵ Ibid. S. 6-7.

Союза в течение долгого времени была оторвана от мирового хозяйства¹.

Проблема вариантов экономических реформ в СССР затрагивалась и в работах других зарубежных ученых. В частности, Дж. Берлинер считал, что реформирование советской экономики возможно на базе четырех моделей: консервативной, реакционной, радикальной и либеральной. Консервативный вариант, по Дж. Берлинеру, означает сохранение всех основных черт существующей модели, реакционный — возврат к сталинизму, радикальный — широкое использование венгерского опыта, а либеральный — отказ от установления плановых заданий сверху и переход к экономической политике типа нэпа (неонэпу)². Как видим, Дж. Берлинер называл варианты реформ, во многих отношениях совпадавшие с вариантами, которые охарактеризовал в своих работах Г.-Г.Хеманн.

Весьма сходной с выводами Г.-Г.Хеманна является и точка зрения, сформулированная другим западногерманским экономистом — Р.Гетц-Кененбергом. Он считал, что развитие советской экономической системы возможно по “консервативно-бюрократической модели”, при которой не будет никаких существенных изменений в хозяйственном механизме. Приемлемой, по его мнению, могла бы быть и “либеральная модель”. В этом случае существовали бы два основных сектора экономики, один из которых развивался бы на основе консервативно-бюрократической модели, а второй — на основе рыночной. Либерализованный (рыночный) сектор вобрал бы в себя легализованную теневую экономику, и в нем была бы разрешена частная собственность на средства производства.

Как и Г.-Г.Хеманн, Р.Гетц-Кененберг допускал возможность “радикальной модели” экономических реформ. Однако, в отличие от Г.-Г.Хеманна, он трактовал ее более узко, полагая, что при этом варианте будет сохраняться социалистическая собственность, а в “стратегических областях” — и централизованное планирование. По существу речь шла об использовании в Советском Союзе известного в то время венгерского и китайского опыта.

В концепции Р.Гетц-Кененберга была и другая особенность, отличающая ее от позиции Г.-Г.Хеманна: в качестве одной из наиболее вероятных моделей экономических реформ в СССР, помимо “консервативно-бюрократической”, он считал модель, в которой бы реализовывались принципы оптимального функционирования экономики (СОФЭ), разработанные советскими эконо-

¹ См.: H ö h m a n n H.-H. Grenzen für Wirtschaftsreformen in der UdSSR ... S. 7-9.

² См.: B e r l i n e r J.S. Soviet industry ... P. 110-132.

номистами-математиками. Эта модель, которую Р.Гётц-Кёненберг называл технократической, могла бы позволить, по его мнению, оптимизировать экономические решения, учитывать редкость производственных ресурсов и увязывать интересы разных уровней управления экономикой. При этом западногерманский экономист подчеркивал, что сторонникам концепции оптимального функционирования социалистической экономики совершенно напрасно ставят в вину то, что их модель по существу является моделью рыночной экономики, ибо при использовании принципов СОФЭ “ценообразование будет ... централизованным и зависеть от решений, принимаемых при составлении плана”¹.

Некоторые зарубежные авторы проблему вариантов экономического развития СССР в обозримой перспективе увязывали с необходимостью решения тех или иных важных социальных и хозяйственных проблем. Так, американский экономист Д.Кэттелл сформулировал свою точку зрения по данному вопросу, исходя из необходимости скорейшей нормализации советского рынка товаров народного потребления. Он писал, что в ближайшем будущем возможны три основных варианта политики советского руководства: 1) сохранение старой экономической и политической системы, что приведет к превращению СССР в “полицейское государство”; 2) изменение приоритетов в пользу производства товаров народного потребления; 3) введение рыночной экономической модели по венгерскому образцу².

Практически все западные исследователи, как и Г.-Г.Хеманн, признавали необходимость фундаментальных реформ советской экономической системы, отмечая в то же время существование серьезных трудностей и рисков, связанных с проведением преобразований. Поэтому почти никто не верил в их возможность в скором времени.

Так, в монографии, опубликованной в 1982 г., Ф.Хольцман писал, что на проведение радикальной реформы советские руководители пойдут лишь тогда, когда в стране случится “острый экономический кризис”. По мнению Г.Шредер, сформулированному в одном из ее выступлений в 1983 г., в ближайшие годы в Советском Союзе должен был появиться закон, напоминавший постановление 1979 г. и представлявший собой попытку — опять-таки безуспешную — исправить недостатки существующей административной системы. Между тем оздоровить экономическую ситуацию в СССР могла бы лишь такая реформа, которая затрагивала бы “права, связанные с государственной собственностью,

¹ Götze-Coenenberg R. Op. cit. S. 55-61.

² См.: Cattell D.T. Op. cit. P. 57.

централизованное планирование, централизованное распределение материальных ресурсов через систему снабжения, административно устанавливаемые цены и стимулирование, увязанное с выполнением планов”¹.

Весьма скептически возможность реальных экономических реформ в СССР оценивал и Ф.Хансон. Он писал, что “советская социальная, политическая и экономическая система функционирует таким образом, чтобы на самом деле предотвратить существенную экономическую децентрализацию, даже если эта существенная экономическая децентрализация понимается как нечто такое, что включает элементы, похожие на ... венгерскую систему: регулируемую рыночную экономику с жесткими элементами неформального централизованного управления на микроэкономическом уровне”. Что же касается мер, предлагавшихся советским руководством в брежневский период, то, по мнению Ф.Хансона, в большинстве случаев они могли бы быть действенными, если бы было высокоэффективным “детализированное централизованное планирование”. Однако, подчеркивает этот исследователь, в этом и состоит парадокс советской системы, поскольку “если бы детализированное централизованное планирование было бы высокоэффективным ..., не было бы места для улучшений и не было бы нужды в “реформе””².

Во многих случаях зарубежные авторы давали довольно сдержанные оценки потенциальных результатов реформ, в том числе и радикальных. Так, например, Ф.Хольцман писал, что нет никаких доказательств того, что “более фундаментальные реформы обязательно значительно улучшили бы функционирование советской экономики”. В качестве примера он ссылаясь на опыт Венгрии, где введение в 1968 г. нового экономического механизма не привело к заметному увеличению темпов экономического роста³. Для подобных пессимистические оценок эффективности возможных реформ хозяйственного механизма в СССР действительно можно было найти аргументы в опыте других социалистических стран. К сожалению, они находят подтверждение и в практике реформирования российской экономики, хотя, конечно, институциональные условия реформ в современной России и бывшем СССР довольно различны.

¹ Holzman F.D. Op. cit. P. 68; The political economy of the Soviet Union ... P. 64, 66. См. также: Derbyshire J. Politics in the Soviet Union: from Brezhnev to Gorbachev. S. 1., 1987. P. 99; Durand Chr., Fremiaux Ph. Comprendre l'économie soviétique. P., 1985. P. 74, 78; Wein N. Op. cit. S. 246.

² Hanson Ph. Op. cit. P. 9, 10.

³ Holzman F.D. Op. cit. P. 66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая современную зарубежную историографию экономического развития СССР в 1953-85 гг., следует отметить, что этот период относится к числу недостаточно исследованных, и это верно и в отношении историографии отечественной. Среди зарубежных авторов, специально занимавшихся изучением экономической политики СССР этого периода, решительно преобладают исследователи либеральной ориентации (А.Маколи, М.Макколи, Д.Фильтцер, А.Ноув, Дж.Берлинер, Г.-Г.Хеманн и др.). О взглядах представителей западной марксистской историографии (Дж.Бэффы, Ж.Эллейнштейна) мы можем судить главным образом по опубликованным ими общим курсам истории СССР.

Заметное место в западной литературе занимают исследования аграрных аспектов экономической политики Н.С. Хрущева. В то же время в отдельных статьях, материалах, опубликованных в коллективных монографиях, и общих курсах истории СССР зарубежные авторы дали интерпретации целого ряда других проблем истории советской экономики в 1950-е — первой половине 60-х гг., которые в свое время являлись альтернативными по отношению к советской историографии и предвосхищали в некоторых случаях трактовки и подходы, характерные для современной российской литературы о реформах Хрущева.

Значение западных исследований истории советской экономики в “хрущевское десятилетие” состоит в том, что они давали зарубежному читателю во многом объективную информацию об экономической политике и истории народного хозяйства нашей страны, показывая его реальные достижения и серьезные проблемы.

Однако, на наш взгляд, можно говорить и о научном вкладе зарубежных ученых в историографию экономической истории СССР. Так, монография М.Макколи по истории освоения целины до сих пор остается самым фундаментальным историко-экономическим исследованием этой проблемы. Кроме того, как отмечалось выше, именно в зарубежной литературе были впервые поставлены ряд новых проблем экономической истории рассматриваемого периода, например, таких, как влияние кризиса колхозной системы, ГУЛАГа и “старого планирования” на формирование предпосылок хрущевских реформ, их историческая мотивация и типология, сходство и различие экономических проектов Маленкова и Хрущева, политические аспекты совнархозовской реформы 1957 г., реформистский потенциал экономической политики Хрущева. Заслуживают внимания и в целом реалистичные

оценки результатов этой политики, в частности, в области сельского хозяйства, которые во многих случаях являются альтернативными по отношению к оценкам, дававшимся в советской литературе.

Причины низкой эффективности, а в ряде случаев и деструктивности экономических реформ Хрущева западные авторы усматривали не столько в волюнтаризме и ошибках реформатора, сколько в их административном, нерыночном характере. В этом отношении зарубежная либеральная историография существенно расходится с советской литературой брежневского периода. Что же касается западной марксистской историографии, то хотя она отнюдь не шла в фарватере историографии советской, ее представители связывают неудачи в экономической политике не столько с характером экономической системы СССР, сколько с просчетами партийно-государственного руководства и самого Хрущева.

Разумеется, далеко не все выводы зарубежных исследователей являются бесспорными. К тому же, как отмечалось выше, в последнее десятилетие российскими историками и экономистами опубликованы серьезные работы, свободные от идеологической предвзятости и отличающиеся большей широтой взглядов на экономическую политику в “хрущевское десятилетие”, чем, например, публикации брежневского периода. В настоящее время, как мы пытались показать, уже нет резких различий в концептуальных подходах отечественных и зарубежных авторов к проблемам экономической политики СССР в 1950-е — первой половине 60-х гг., равно как и в оценке исторического места этого периода.

Тем не менее как в нашей, так и зарубежной историографии данный период все еще продолжает оставаться недостаточно изученным, и, несомненно, новый импульс исследованиям в этой области будет дан расширением доступа к архивным материалам. Дальнейшее изучение развития советской экономики в “хрущевское десятилетие” позволит не только глубже понять закономерности эволюции административно-командной экономической системы, но и более точно оценить возможности и границы реформ, направленных на повышение ее эффективности.

Неэффективность или весьма низкая эффективность многих из частичных реформ, проводившихся в нашей стране в брежневский период, — исторический факт. Он довольно убедительно подтверждает обоснованность того скепсиса, с которым западные исследователи относились к объявлявшимся в Советском Союзе в то время очередным кампаниям по улучшению отдельных сторон планирования, управления и экономического стимулирования.

Почти все зарубежные исследователи характеризовали мероприятия по совершенствованию хозяйственного механизма, проводившиеся в СССР в 1965-1985 гг., как “реформы в рамках системы”, не изменяющие социалистического характера экономики. Предлагая различные варианты “радикальных реформ”, они, как правило, рекомендовали разрешить частную собственность на средства производства, ликвидировать или, по крайней мере, ослабить директивное централизованное планирование и ввести рыночный механизм регулирования экономики. При этом западные авторы вполне осознавали, что реализация таких проектов приведет к существенной трансформации природы советского экономического и политического строя¹.

Разумеется, даже самые проницательные зарубежные исследователи не прогнозировали отказ от социализма в СССР в ближайшем будущем. Ликвидация системы хозяйственного планирования для многих из них, как, впрочем, и для большинства отечественных экономистов, стала неожиданностью. Верно и то, что зарубежные советологи, занимавшиеся скрупулезным изучением самых различных аспектов экономической жизни СССР, не смогли предвидеть масштабы потрясений, которые случились в конце 1980-х — начале 90-х гг.² В то же время в их публикациях можно найти немало реалистичных выводов и рекомендаций, учет которых, возможно, позволил бы сделать трансформацию общественно-экономического строя в нашей стране менее болезненной.

Характеризуя вклад зарубежных авторов в изучение мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма, проводившихся в СССР во второй половине 1960-х — первой половине 80-х годов, следует подчеркнуть, что многие негативные явления в области хозяйственного управления, накапливавшиеся в нашей стране в период застоя, были подвергнуты критике в работах советологов гораздо раньше, чем в отечественной литературе. Западными авторами был впервые поставлен вопрос о роли консервативных сил в СССР в свертывании хозяйственной реформы 1965 г. Зарубежные исследователи первыми заговорили о кризисе советской экономической системы в конце 1970-х — начале 80-х гг., и в настоящее время признана правильность этого тезиса. Оказались корректными и их выводы о низкой эффективности многих

---

¹ Так, Г. Шредер заявляла, что “фундаментальные экономические реформы” в случае их осуществления в СССР изменят “природу системы” (The political economy of the Soviet Union ... P. 63).

² Авторы “Всемирной истории экономической мысли” в этой связи отмечают, что “мрачная реальность кризиса и распада во весь рост поставила вопрос о том, насколько оказалась компетентной западная экономическая советология” (Всемирная история экономической мысли. Т. 5 ... С. 225).

мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма, проводившихся в нашей стране.

Именно в зарубежной немарксистской литературе был впервые поставлен вопрос о необходимости “радикальной экономической реформы” для вывода советской экономики из состояния застоя и кризиса. Рациональные моменты трактовок этой реформы, дававшихся в работах западных авторов, состояли в понимании необходимости слома административно-командных методов управления хозяйством, поощрения предприимчивости и инициативы, расширения экономической самостоятельности предприятий и использования рыночных отношений.

Разумеется, в рассмотренных выше советологических интерпретациях истории планирования, управления и экономического стимулирования в СССР были и слабые стороны. Так, многие западные авторы, изучавшие проблемы советского хозяйственного механизма, были в плену неолиберальных и неоклассических подходов и предлагали такие рецепты реформ, которые основаны на убеждении в универсальности чудодейственных возможностей рынка.

Говоря о негибкости и неприемлемости для зрелой экономики директивного централизованного планирования, зарубежные исследователи действительно указывали на фундаментальную причину многих проблем в экономике СССР. В то же время следует отметить, что оправданная критика исторически конкретной системы планирования, сложившейся в нашей стране еще в период индустриализации и остававшейся неизменной в своих основах до середины 1980-х гг., не должна зачеркивать тот факт, что отнюдь не все позитивные возможности планирования были исчерпаны. При этом, как правильно отмечают некоторые российские экономисты, речь должна идти не о бюрократическом административном, а о демократическом экономическом планировании¹.

Как известно, создать хозяйственный механизм, который бы обеспечивал условия для ускорения экономического развития, насыщения потребительского рынка, сбалансированности денежных

---

¹ Так, например, Ю.Я. Ольсевич пишет, что при административно-командной системе планирование означало “*принудительное поддержание дисбаланса* (курсив автора. — В.В.Д.)” в экономике, поскольку оно было ориентировано на быстрое достижение ограниченного количества приоритетных целей путем централизованного перераспределения ресурсов. Если же иметь в виду подлинный смысл планового управления, то под ним “следует понимать системы мер по сознательному обеспечению сбалансированного развития народного хозяйства”. По мнению Ю.Я. Ольсевича, “демократическое экономическое планирование хозяйственной деятельности в условиях рынка должно выполнять функцию социальной и перспективной ориентации, а не текущей координации; последнюю должен осуществлять рынок” (Ольсевич Ю.Я. Указ. соч. С. 125, 137).

доходов и товарной массы, в 1965-85 гг. так и не удалось. История подтвердила правильность выводов зарубежных экономистов о том, что решить эти проблемы только в результате перехода от одних методов оценки деятельности предприятий к другим и изменения количества спускаемых сверху плановых показателей, нельзя. Верно и то, что одной из главных причин падения темпов экономического роста и возникновения кризисной ситуации в экономике СССР в конце 1970-х гг. было нежелание советского партийно-государственного руководства пойти на сколько-нибудь широкое внедрение рыночных методов текущей координации деятельности хозяйственных субъектов.

В то же время при решении проблем, с которыми столкнулась советская экономика, вряд ли следовало уповать только на рынок, как это советовали многие западные экономисты. Нужна была дебюрократизация самого планирования, его ориентация на прогнозирование важнейших народнохозяйственных пропорций, на стимулирование выполнения планов экономическими методами. Это означает, что на повестке дня стоял вопрос о глубокой реформе самого планирования как части радикальной перестройки всей системы экономических отношений.

Лицензия ЛР 066348 от 17.07.97.

Подписано в печать 16.02.98г. Формат 60х88/16. Печать офсетная.

Печ. л. 8,5. Тираж 1000 экз. Зак. 6987.

ТОО "ТЕИС"

115407, Москва, Судостроительная ул., 59.

Отпечатано с оригинал-макета в филиале Государственного ордена

Октябрьской революции, ордена Трудового Красного Знамени

Московского предприятия "Первая Образцовая типография"

Государственного комитета Российской Федерации по печати.

113114, Москва, Шлюзовая наб., 10.
